

ДИАНА ГЭБЛДОН

Дыхание снега и пепла

Книга 2
Голос будущего

История, ставшая
культовым сериалом
«Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Дыхание снега и пепла.
Книга 2. Голос будущего**

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Дыхание снега и пепла. Книга 2. Голос будущего / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 2005 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-04-092998-6

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. 1774 год. Клэр и Джейми Фрэзер сталкиваются с политической суматохой предстоящей Американской революции: улицы городов заполнены протестующими, а в лесной глуши горят хижины одиноких поселенцев. Благодаря жене Джейми знает, что через год случится непоправимое, и тот, кто останется верен королю, будет либо мертв, либо отправится в изгнание. Но Фрэзеров поджидает еще одна опасность: газетная вырезка, датированная 1776 годом, сообщает о гибели Джейми от пожара в собственном доме. Однако, несмотря ни на что, Клэр с Джейми надеются, что их семья, которая не знает границ времени, сможет снова изменить свое будущее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092998-6

© Гэблдон Д., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть седьмая	6
Глава 53	6
Глава 54	11
Глава 55	33
Глава 56	45
Глава 57	68
Часть восьмая	73
Глава 58	73
Глава 59	83
Глава 60	93
Глава 61	98
Глава 62	102
Глава 63	106
Глава 64	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Диана Гэблдон
Дыхание снега и пепла.
Книга 2. Голос будущего

Diana Gabaldon

A BREATH OF SNOW AND ASHES

Copyright © 2005 by Diana Gabaldon

Перевод с английского:

А. Черташ (части 7–9)

Г. Бабуровой, О. Бельшевой, Ю. Рышковой (части 10–12)

© Черташ А., перевод на русский язык, 2018

© Бабурова Г., Бельшева О., Рышкова Ю., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть седьмая

Кувыркком под горку

Глава 53

Принципы

*Фрэзер Ридж, Северная Каролина,
3 июля, год 1774 от Рождества Христова.
От Джеймса Фрэзера, эсквайра,
Его Светлости, Джону Грею,
Плантация Маунт Джосайя,
колония Вирджиния*

Мой дорогой друг,

Я не в силах выразить свою благодарность за Вашу бесценную помощь в пересылке векселя для предъявления банку в качестве авансового платежа в счет последующей продажи предметов, которые я доверил Вашему распоряжению. Мистер Хиггинс при передаче этого документа был максимально деликатен, и все же от меня не укрылась его тревога и попытки утаить, что Вы, вероятно, считаете, будто мы находимся в отчаянном положении. Спешу заверить Вас, что это вовсе не так – мы справляемся весьма неплохо и способны обеспечить себя одеждой, продовольствием и прочими предметами первой необходимости.

Я сказал, что посвящу Вас в детали сделки, и теперь вижу, что просто обязан это сделать, хотя бы для того, чтобы избавить Вас от картин голода, свирепствующего среди моей семьи и арендаторов.

Помимо небольшого официального обязательства, требующего наличных, я занимаюсь одним делом, которое включает в себя приобретение определенного числа ружей. Я надеялся найти их при содействии одного друга, но, к несчастью, эта договоренность больше не в силе. Я вынужден искать более отдаленные связи.

Я и моя семья приглашены на барбекю в честь мисс Флоры Макдональд, героини яacobитского восстания, празднование состоится на плантации моей тетки, Риверан. Вы ведь знакомы с этой особой, если я не ошибаюсь? Я припоминаю, как Вы однажды рассказывали мне, что встречали ее в Лондоне, когда она отбывала свое заключение. Так как это мероприятие соберет огромное множество шотландцев со всех уголков колоний, я надеялся, что с наличными в руках я смог бы организовать покупку оружия через другие каналы. Если Вы, Ваша Светлость, сами располагаете связями, которые могли бы указать мне на подобные каналы, я буду благодарен о них услышать.

Я пишу быстро, поскольку у мистера Хиггинса есть другие поручения, однако моя дочь просит меня послать вам коробок спичек, ее собственное изобретение. Она проинструктировала мистера Хиггинса со

всей осторожностью, как их использовать, так что если он ненароком не подожжет себя по пути назад, то сможет продемонстрировать их Вам.

*Ваш покорный слуга,
Джеймс Фрээр.*

P.S.: Мне нужно тридцать мушкетов и столько пороха и амуниции, сколько возможно. Они могут быть не новыми, однако обязательно смазанными и в рабочем состоянии.

– Другие каналы? – спросила я, глядя, как Джейми посыпает письмо песком, прежде чем сложить его. – Ты имеешь в виду контрабандистов? И если так, ты уверен, что лорд Джон поймет, что ты имеешь в виду?

– Я уверен, и он поймет, – заверил меня Джейми. – Я сам знаю парочку контрабандистов, которые провозят разное через внешние отмели¹. Он знает тех, кто торгует через Роанок², а там большие обороты из-за блокады в Массачусетсе. Товары идут через Вирджинию и оттуда уходят по суше на север.

Он взял с полки наполовину использованный брусок сургуча и подержал его над углями в очаге, затем налил лужицу мягкого коричневого воска на сложенное письмо. Я наклонилась вперед и прижала тыльную сторону ладони к теплой массе, оставив на ней отпечаток обручального кольца.

– Черт бы тебя побрал, Манфред Макгилливрей, – сказал Джейми без особой злости. – Это поднимет цену раза в три, к тому же мне придется покупать оружие у бандитов.

– А ты про него спросишь? На барбекю.

Флора Макдональд, женщина, которая спасла Чарльза Стюарта от англичан после Каллодена, переодев в женское платье и переправив на встречу с французами на остров Скай, была живой легендой для шотландских горцев, и ее недавнее прибытие в колонию было предметом большого оживления, новости дошли даже до Риджа. Каждый уважающий себя шотландец из долины Кейп-Фир – и многие другие из более отдаленных мест – придет на барбекю в ее честь. Лучше места разузнать о пропавшем молодом человеке и не придумать.

Джейми удивленно посмотрел на меня.

– Конечно, спрошу, саксоночка. За кого ты меня принимаешь?

– За человека с добрым сердцем, – ответила я, целуя его в лоб. – Хоть и малость безрасудного. Я заметила, что ты благоразумно не сообщил лорду Джону, зачем тебе понадобилось тридцать мушкетов.

Он усмехнулся и аккуратно смахнул крупинки бумаги со стола себе на руку.

– Я и сам точно не знаю зачем, саксоночка.

– Что ты хочешь сказать? – спросила я удивленно. – Разве ты не собирался отдать их Птице?

Он помедлил с ответом, два негнущихся пальца постукивали по столешнице. Потом он пожал плечами, потянулся к стопке журналов и гроссбухов и, вытащив какую-то бумагу, передал ее мне. Это было письмо от Джона Эша, помощника командира полиции во время войны Регуляторов.

– Четвертый параграф, – сказал он, увидев, как я хмурюсь, читая о последних стычках между губернатором и Ассамблеей. Я послушно опустила глаза ниже и ощутила, как в предчувствии зашевелились волоски на руке.

¹ 320-километровая полоса узких песчаных барьерных островов побережья Северной Каролины, начинающихся у юго-восточного края Вирджиния-Бич восточного побережья США.

² Колония Роанок, также известная как «Потерянная колония», – английская колония на одноименном острове, основанная при королеве Елизавете I в целях создания первого постоянного английского поселения в Северной Америке.

– Предложено созвать Континентальный конгресс, – начала я. – От каждой колонии будут присланы делегаты. В нижней палате ассамблеи Коннектикута уже приступили к выдвижению делегатов, действуя через комитеты по связи. Некоторые джентльмены, с которыми вы хорошо знакомы, считают, что Северная Каролина должна последовать их примеру, и встретятся в середине августа, чтобы завершить задуманное. Я искренне надеюсь, что вы присоединитесь к нам, мой друг, ибо я убежден, что ваше сердце и разум, как и наши, преданы делу свободы. Такой человек, как вы, не может приветствовать тиранию.

– Некоторые джентльмены, с которыми вы хорошо знакомы, – повторила я, опуская письмо. – Ты знаешь, о ком речь?

– Могу предположить.

– Он говорит, середина августа. До или после барбекю, как думаешь?

– После. Один из них прислал мне письмо с датой встречи. Она состоится в Галифаксе.

Я опустила письмо. Полдень выдался тихим и жарким, тонкая ткань нижнего платья была влажной, так же как и мои ладони.

– Один из них, – сказала я. Джейми бросил на меня короткий взгляд, криво улыбнулся и подобрал письмо.

– Из комитета связи.

– О, ну конечно. Ты бы мог сказать мне.

Естественно, он бы нашел способ попасть в комитет связи Северной Каролины – центр политических интриг, где уже произрастали семена будущего восстания, – будучи при этом индейским агентом на службе у Британской короны, якобы вооружающим индейцев с целью подавить это самое восстание.

– Как раз сейчас и говорю, саксоночка. Это первый раз, когда они попросили меня встретиться с ними лично.

– Понятно, – отозвалась я тихо. – И ты поедешь? Время... Время пришло?

Время совершить прыжок и открыто признать себя виги³, хотя пока еще и не мятежником. Время публично поменять взгляды и подвергнуть себя риску быть обвиненным в измене. Снова.

Джейми глубоко вздохнул и провел рукой по шевелюре. Он думал: короткие волосы на вихрах встали дыбом.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Остается еще два года, так ведь? Четвертого июля тысяча семьсот семьдесят шестого – так сказала Брианна.

– Нет, – ответила я. – Два года до того, как они объявят независимость, но к тому времени, Джейми, война уже начнется. Будет слишком поздно.

Он посмотрел на письма на столе и обреченно кивнул.

– Значит, скоро придет время.

– Наверняка это будет относительно безопасно, – сказала я неуверенно. – Ты ведь рассказывал мне о том, как Хендерсон купил землю в Теннесси: если его никто не останавливает, не представляю, чтобы кто-то в правительстве был настолько озабочен, чтобы приехать сюда и выгнать нас. Уж точно не из-за того, что ты встретишься с местными виги.

Он улыбнулся мне слабой иронической улыбкой.

– Я не о правительстве волнуюсь, саксоночка. О людях по соседству. Не губернатор повесил О’Брайенов и спалил их дом, так ведь? Это был не Ричард Браун и не индейцы. Это сделали не во имя закона и не ради наживы, это сделали из ненависти. Причем, скорее всего, О’Брайенов убили те, кто их знал.

³ Старинное название британских либералов и созданной ими в 1780-е гг. политической партии. Это прозвище либеральной оппозиции появилось в 1679 г. и было дано их противниками в насмешку (*whom. whigamore*, буквально «погонщики кобыл»).

У меня по спине побежали мурашки. На Ридже было много разговоров и политических разногласий, но до драк пока не доходило, не говоря уж об убийствах и поджогах.

Но дойдет.

Я помнила все слишком хорошо. Бомбоубежища, талоны на питание, дух единения перед лицом ужасного врага. Истории из Германии и Франции. Про людей, на которых донесли, сдали СС, вытащили из собственных домов, и о других, которые прятались на чердаках и в амбарах, которых переправляли через границу. Во время войны правительство и армия были угрозой, но часто именно соседи решали твою судьбу.

– Кто? – спросила я прямо.

– Можно гадать, – ответил Джейми, пожимая плечами. – Макгилливрей? Ричард Браун? Друзья Ходжепила, если они у него были. Индеец, которого ты встретила – Доннер, – если он еще жив? Нил Форбс? Он затаил обиду на Брианну, и они с Роджером должны об этом помнить. Хирам Кромби и его люди?

– Хирам? – переспросила я с сомнением. – Конечно, он не особенно тебя жалует, а уж меня и подавно, но...

– Ну, я не уверен, – признал он. – Но это возможно, да? Его люди не поддерживали якобитов, вряд ли их обрадует перспектива скинуть короля с трона по другую сторону океана.

Я кивнула. Кромби и остальные должны были поклясться в верности королю, прежде чем им позволили отплыть в Америку. Джейми тем более должен был принести подобную клятву, это было условием его помилования. И теперь у него не было другого выхода, кроме как нарушить ее. Но когда?

Джейми перестал барабанить пальцами, они спокойно лежали на столе, рядом с письмом.

– Я думаю, ты права, саксоночка.

– Насчет чего? Насчет будущего? Ты и так это знаешь, – сказала я немного удивленно. – Бри и Роджер сказали тебе то же самое. К чему ты это?

Он медленно провел рукой по волосам.

– Я никогда не сражался за принципы, – произнес он задумчиво и покачал головой. – Только из необходимости. Интересно, это как-то меняет дело?

Он не выглядел расстроенным, в его голосе звучало одно только отстраненное любопытство. Однако мне это показалось тревожным знаком.

– Но в этот раз есть принцип, – возразила я. – На самом деле, это, может быть, первая война, в которой будут воевать за принцип.

– Вместо чего-нибудь более существенного, вроде торговли или земли? – спросил он, приподнимая одну бровь.

– Я не говорю, что земля или торговля не имеют к этому никакого отношения, – ответила я, попутно размышляя, когда я успела стать защитницей Американской революции – исторического события, о котором я знала только из школьных учебников Брианны. – Но эта борьба куда серьезней, тебе так не кажется? *«Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что они наделены своим творцом неотчуждаемыми правами; что в число этих прав входят жизнь, свобода и возможность добиваться счастья».*

– Кто это сказал? – спросил он заинтересованно.

– Томас Джефферсон скажет в честь новой республики. Документ назовут Декларацией независимости.

– Все люди, – повторил он. – Как думаешь, он и индейцев тоже имеет в виду?

– Я не знаю, – ответила я немного раздраженно, чувствуя, что меня загоняют в угол. – Я его не встречала. Если встречу, то спрошу, ладно?

– Неважно, – он поднял ладонь, отменяя мое предложение. – Я сам спрошу, у меня будет такая возможность. А прежде поговорю с Брианной, – он посмотрел на меня. – Что касается принципов, саксоночка...

Джейми откинулся в кресле, сложил руки на груди и прикрыл глаза.

– *«Ибо доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы, богатств или почестей мы сражаемся, но единственно во имя свободы, кою каждый добрый человек утратит лишь вместе с жизнью»*. Арбротская декларация⁴, – сказал он, открыв глаза, и криво улыбнулся. – Написана около четырех столетий назад. Так что там насчет принципов?

Он поднялся с кресла, но остался стоять перед обшарпанным столом, который использовал для решения всех официальных дел, глядя на письмо Эша.

– Что касается моих собственных принципов... – начал он, как будто говоря сам с собой, но следом посмотрел на меня, словно вспомнив, что я еще здесь. – Я отдам ружья Птице. Хотя через пару лет могу пожалеть об этом, когда обнаружу, что дула наставлены на меня. Но он все равно получит их и решит сам, что делать дальше, чтобы защитить себя и своих людей.

– Цена чести, да?

Он посмотрел на меня с бледным подобием улыбки.

– Зови это компенсацией.

⁴ Декларация независимости Шотландии в период войны за независимость от Англии. 1320 г.

Глава 54

Барбекю Флоры Макдональд

Плантация Риверан,

6 августа, 1774

Что говорят живой легенде? Или мужу легенды, если уж на то пошло?

– О, я точно упаду в обморок, так и будет. – Рейчел Кэмпбелл так активно обмахивалась веером, что создавала вокруг ощутимый бриз. – Что же мне ей сказать?

– Доброго дня, миссис Макдональд? – предложил ее муж, пряча улыбку в уголках обветренных губ.

Рейчел сердито хлопнула его веером, так что он охнул и отпрянул в сторону. Несмотря на тридцать пять лет разницы, Фаркуард Кэмпбелл обращался с женой легко и игриво, совсем непохоже на его обычную величавую манеру держаться.

– Я точно упаду в обморок, – снова заявила Рейчел, видимо решив, что это будет лучшая стратегия.

– Что ж, поступай как душеньке угодно, любимая, но если упадешь, то поднимать тебя придется мистеру Фрэзеру, моим древним костям такое уже не под силу.

– О! – Рейчел бросила быстрый взгляд на Джейми, который ей улыбнулся, и тут же спрятала проступивший румянец за веером. Хотя девушка явно нежно относилась к своему мужу, она не скрывала восхищения моим.

– Ваш покорный слуга, мадам, – по-рыцарски заверил ее Джейми, кланяясь.

Она захихикала. Мне не нравится оговаривать женщин, но она явно захихикала. Я поймала взгляд Джейми и скрыла собственную улыбку за веером.

– А что вы скажете, мистер Фрэзер?

Джейми поджал губы и задумчиво сощурился на яркий солнечный свет, льющийся сквозь ветви вязов, окаймляющих лужайку Риверана.

– Ну, думаю, я скажу, что рад, что в честь ее приезда стоит такая славная погода. В прошлый раз, когда мы встретились, шел дождь.

У Рейчел упала нижняя челюсть, а за ней на лужайку упал и веер. Ее муж, громко побрякивая, наклонился, чтобы подобрать его, но Рейчел уже не обращала на него внимания.

– Вы встречались с ней? – выкрикнула она с круглыми от удивления глазами. – Когда? Где? С прин... С ним?

– О нет, – ответил Джейми с улыбкой. – На острове Скай. Я поехал туда с отцом – кажется, за овцами. И нам посчастливилось встретить в Портри Хью Макдональда из Армадейла, отчима мисс Флоры, верно? Он взял девочку вместе с собой в город.

– О! – Рейчел была в восторге. – И она была красива и любезна, как ее описывают?

Джейми нахмурился, припоминая.

– Вообще-то нет. Но у нее тогда был ужасный грипп, без сомнений, она выглядела бы гораздо лучше без красного носа. Любезна? Я бы так не сказал. Она стащила кусок мясного пирога прямо у меня из рук и съела его.

– И сколько вам обоим было в то время? – спросила я, видя, как рот Рейчел в ужасе открывается.

– Ну, может, шесть, – ответил он весело. – Или семь. Я не помню, помню только, что пнул ее в голень, когда она украла мой пирог, а она дернула меня за волосы.

Оправившись от шока, Рейчел принялась выпытывать у Джейми больше подробностей, но он только отшучивался.

Конечно же, он пришел подготовленным. Повсюду люди обменивались историями – веселыми, удивительными, ностальгическими – о днях до Каллодена. Как странно, что именно

поражение Чарльза Стюарта и его бесславный побег сделали из Флоры Макдональд героиню и объединили горцев в изгнании так, как им никогда не удалось бы объединиться и найти согласие между собой, выиграй он битву.

Внезапно меня осенило, что Чарли, должно быть, все еще жив, топит себя в выпивке где-нибудь в Риме. В реальности, однако, он был давно мертв для людей, которые любили и ненавидели его. Янтарь времени навсегда запечатал его в решающий период его жизни – Bliadha Tearlach. Это значило «Год Чарли», и даже сейчас я слышала, как люди называют его так.

Конечно, этот поток сантиментов был вызван приездом Флоры. Как это должно быть странно для нее, подумала я с некоторой симпатией, и в первый раз задалась вопросом, что же я сама могу ей сказать. Я встречала известных людей прежде – и красавчика принца Чарли не в последнюю очередь. Но прежде я всегда сталкивалась с ними, когда они – да и я сама – жили своими нормальными жизнями, когда прошлое еще не довлекло над ними, делая их знаменитыми, они были просто людьми. Не считая Людовика, но Людовик был королем. Есть правила этикета для королей; в конце концов, никто и никогда не обращается к ним, как к обычным людям. Даже когда...

Я резко раскрыла веер, потому что волна жара прилила к моему лицу и телу. Я глубоко задышала, пытаюсь не упасть в обморок, как планировала Рейчел, но чувствуя, что я к этому близка.

Ни разу за все годы, что прошли с той ночи, я не вспоминала о двух-трех минутах физической близости с Людовиком, королем Франции. Видит Бог, ни намеренно, ни случайно мои мысли не касались этого события. И вот, внезапно, как рука, что хватает в толпе, воспоминание вернулось ко мне. Оно схватило мою руку, задрало юбки и вошло в меня куда более резко и болезненно, чем было на самом деле. Воздух вокруг меня был наполнен запахом роз, я услышала, как заскрипел кринолин под весом Людовика и как он застонал от удовольствия. Комната была погружена в полумрак, освещенная только светом единственной свечи, – пламя подрагивало где-то на периферии зрения, а потом исчезло, заслоненное телом мужчины между моих...

– Господи, Клэр! С тобой все в порядке? – слава богу, я не упала, меня поддержала стена мавзолея Гектора Кэмерона. Джейми, заметив, что я не в себе, наклонился вперед, чтобы меня удержать.

– Пусти, – сказала я, задышав, но приказным тоном. – Отпусти меня!

Он услышал нотку ужаса в моем голосе и ослабил хватку, но совсем отпустить не мог, опасаясь, что я упаду. С чувством абсолютной паники я вырвалась у него из рук. По-прежнему пахло розами. Но это был не приторный запах масла, а настоящие цветы. Я пришла в себя и поняла, что стою рядом с пышным кустом желтых роз, который ловко оплетал белый мрамор мавзолея.

Знание о том, что розы были реальными, успокаивало, но мне все еще казалось, будто я стою на краю огромной пропасти, одна во всем мире, отрезанная ото всех. Джейми был совсем близко, я могла дотронуться до него, но казалось, что расстояние между нами неизмеримо.

Потом он коснулся меня и настойчиво произнес мое имя, и пропасть, разверзшаяся между нами, исчезла так же внезапно, как и появилась. Я буквально упала к нему на руки.

– Что случилось, *a nighean*?⁵ – прошептал он, прижимая меня к груди. – Что тебя испугало?

Его собственное сердце колотилось у меня под ухом, это я его испугала.

⁵ Девушка, девица (гэльск.).

– Ничего, – ответила я, и невероятная волна облегчения накрыла меня, когда я целиком осознала, что нахожусь в настоящем. Людовик вернулся обратно в мир теней, снова превратившись в неприятное, но безвредное воспоминание. Парализующие ощущения насилия, потери, горя, изоляции стихли, поблекли в мозгу. Самое главное, что Джейми был тут – живой и надежный, пахнувший виски, потом и лошадьми. Я не потеряла его.

Вокруг собрались любопытствующие, переговариваясь между собой. Рейчел со рвением обмахивала меня веером, и потоки воздуха от него казались утешительными. Я вся была покрыта потом, пряди волос прилипли к влажной шее.

– Все нормально, – пробормотала я, внезапно смутившись. – Просто небольшой обморок... жаркий день...

Отовсюду сыпались предложения принести мне вина, бокал силлабаба⁶, лимонада, жженных перьев, но их миглом заглушила протянутая Джейми фляжка с виски, которую он достал из споррана⁷. Это был напиток трехлетней выдержки из бочонков с шерри, и я почувствовала приступ тошноты, когда ощутила его запах – он напомнил мне о ночи, когда мы вместе напились после того, как он спас меня от Ходжепила и его банды. Господи, меня что, теперь утешет еще и в эту яму?

Но нет. Виски оказался обжигающим и утешительным, я почувствовала себя лучше уже с первым глотком.

Флэшбэк. Я слышала, как коллеги говорили об этом феномене, рассуждая, можно ли его приравнять к посттравматическому синдрому; и, если это схожие явления, существует ли он как отдельное расстройство или его стоит рассматривать просто как расшалившиеся нервы.

Я ощутила дрожь и сделала еще глоток. Он точно существует. Мне стало гораздо лучше, но я все еще дрожала, а кости будто превратились в желе. Кроме неприятного послевкусия от самого прыжка в прошлое, в голове маячила беспокойная мысль: такое уже случалось, когда на меня набросилась Уте Макгилливрей, значит, может случиться снова.

– Отнести тебя в дом, саксоночка? Наверное, тебе стоит прилечь ненадолго?

Джейми разогнал всех доброжелателей, скомандовал одному из рабов принести мне стул и теперь кружил возле меня, как беспокойный шмель.

– Нет, я уже в порядке. Джейми...

– Ай, любимая?

– Ты... когда ты... ты...

Я глубоко вдохнула, глотнула еще виски и начала снова.

– Иногда я просыпаюсь посреди ночи и вижу, что ты... борешься... Думаю, с Джеком Рэндаллом. Тебе снятся кошмары?

Он смотрел на меня пару мгновений с абсолютно непроницаемым выражением, только глаза выдавали волнение. Джейми оглянулся вокруг, мы были одни.

– Почему ты спрашиваешь? – тихо спросил он.

– Мне нужно знать.

Он сделал вдох, сглотнул и кивнул.

– Да. Иногда это сны. Тогда... все нормально. Я просыпаюсь, вспоминаю, где я, читаю молитву и... все проходит. Но иногда... – он на мгновение закрыл глаза и снова распахнул их. – Я не сплю. Но он там со мной, Джек Рэндолл.

– Ох, – выдохнула я, одновременно чувствуя сострадание к нему и облегчение. – Значит, я не схожу с ума.

– Думаешь? – отозвался он сухо. – Что ж, рад это слышать, саксоночка.

⁶ Напиток из сливок с вином, сидром и сахаром.

⁷ Спорран – поясная сумка-кошель, неотъемлемая декоративная часть национальной одежды шотландцев.

Он стоял очень близко, ткань его килта касалась моей руки – он мгновенно пришел бы на помощь, вздумай я снова отключиться. Джейми оглядел меня ищущим взглядом, пытаясь убедиться в том, что я не собираюсь падать в обморок, коснулся моего плеча и с коротким «Сиди тут» отошел.

Он не ушел далеко – только до столов, расставленных под деревьями на краю лужайки. Не обращая внимания на рабов, накрывающих все для барбекю, он потянулся через блюдо с вареными раками и вытащил что-то из крошечной миски. Потом он вернулся, взял мою руку и высыпал горстку соли в открытую ладонь.

– Вот, – прошептал он. – Держи это при себе, саксоночка. Кто бы это ни был, он тебя больше не потревожит.

Я сжала пальцы поверх влажных крупинок, ощущая себя странно успокоенной. Уж горцы знают наверняка, как поступать с призраками, которые преследуют жертву среди бела дня! Соль, говорят они, держит мертвецов в их могилах. Если Людовик и был еще жив, то тот, другой мужчина, кто бы он ни был, этот тяжелый сгусток плоти в темноте, – он точно мертв.

В толпе внезапно началось волнение – на реке показалась лодка. Все гости, как один, встали на цыпочки и затаили дыхание в ожидании. Я улыбнулась, но их благоговение отчасти передалось и мне. Заиграли шотландские волынки, и мое горло сжалось от непролитых слез.

Джейми непроизвольно сжал мое плечо, я подняла к нему лицо и увидела, что он плотно прижал костяшки пальцев к верхней губе, глядя в сторону реки. Я посмотрела вниз, часто моргая, чтобы не потерять контроль над эмоциями. Когда зрение прояснилось, я увидела на земле крупинки соли, аккуратно рассыпанные перед входом в мавзолей.

Она оказалась гораздо меньше, чем я думала. Так всегда бывает с известными людьми. Вокруг нее сомкнулось плотное кольцо из нарядной шотландской клетки. Мне удалось увидеть только проблеск ее высокой прически – темные волосы были украшены белыми розами, – и она снова исчезла за спинами почитателей. Зато я могла рассмотреть ее мужа, Алана. Это был статный и красивый мужчина с затянутыми в хвост черными волосами с проседью. Кажется, он стоял позади нее, кланяясь и улыбаясь, принимая шквал гэльских приветствий и комплиментов.

Я невольно и сама ощутила желание кинуться вперед, чтобы разглядеть их. Однако я его сдержала. Я стояла на террасе вместе с Иокастой, миссис Макдональд сама к нам придет. Джейми и Дункан вместе с Улиссом – черным дворецким Иокасты – уже проталкивались сквозь толпу, образуя единый клин.

– Это правда она? – промурлыкала Брианна возле моего плеча, не отрывая глаз от волнующегося моря голов, из которого мужчины уже выловили почетного гостя и теперь сопровождали ее по лужайке к террасе. – Она меньше, чем я думала. Какая жалость, что Роджер не с нами, – ему было бы до смерти интересно на нее посмотреть!

Роджер на месяц уехал в пресвитерианскую академию в Шарлотте, чтобы получить сан священника.

– Он может увидеть ее в другой раз, – пробормотала я в ответ. – Я слышала, они купили плантацию возле Барбекю-Крик, недалеко от Маунт Плезант.

К тому же Макдональды останутся в колонии еще год или два, но я не сказала этого вслух – люди считали, что они переехали навсегда. Я видела высокий мемориальный камень на острове Скай, отмечающий место, где Флора Макдональд была рождена и где однажды умрет, разочарованная Америкой. Конечно, я уже не первый раз встречалась с человеком, чья судьба была мне известна, но ощущения всегда оказывались неприятными.

Люди расступились, и она вышла вперед, глядя на Джейми и смеясь, миниатюрная и привлекательная. Он держал ее под локоть, поднимаясь на террасу, и коротко кивнул в мою сторону, представляя нас друг другу. Она с готовностью подняла на меня взгляд и вдруг как будто

оцепенела – миссис Макдональд моргнула, и ее улыбка померкла. Однако уже через секунду она взяла себя в руки и стала приветливо кланяться. Что такого она увидела в моем лице?

Гостя повернулась, чтобы поздороваться с Иокастой и представить своих взрослых дочерей, Анну и Фанни, сына, зятя и мужа. К тому времени, когда суэта взаимных приветствий была позади, она отлично себя контролировала и вернулась ко мне с очаровательной приветливой улыбкой.

– Миссис Фрэзер! Как же я польщена, наконец, свести с вами знакомство! Я столько слышала о вашей доброте и умениях. Признаюсь, я испытываю благоговение в вашем присутствии.

Это было сказано с теплотой и искренностью, к тому же она так трогательно держала меня за руки, что, несмотря на мои довольно циничные спекуляции относительно того, с кем она могла меня обсуждать, я радостно отозвалась на ее слова. Моя репутация в Кросс-Крике и Кэмпбеллтоне была неоднозначной и уж точно не общепризнанной.

– Я имела честь свести знакомство с доктором Фентиманом на благотворительном балу, устроенном в нашу честь в Уилмингтоне. Как невероятно мило с их стороны! Все были так добры к нам с самого нашего приезда. А доктор был в совершенном восторге относительно вашего...

Мне было интересно услышать, о чем именно говорил Фентиман, – наши отношения по-прежнему оставались несколько настороженными, хотя мы и пришли к некоему компромиссу. Но в этот момент мистер Макдональд зашептал супруге на ухо, убеждая ее отойти и поговорить с Фаркуардом Кэмпбеллом и другими важными джентльменами. Изобразив глубокое сожаление, она сжала мои ладони и отправилась за мужем, снова лучезарно улыбаясь нетерпеливой публике.

– Хм, – протянула Бри негромко. – Ей повезло, что все ее зубы по-прежнему на месте.

Признаться, я и сама думала об этом и засмеялась в ответ, мгновенно маскируя смех под случайный кашель, когда Иокаста резко повернулась в нашу сторону.

– Значит, это она и есть. – Йен подошел ко мне с другой стороны, с любопытством глядя вслед именитой гостье. Он был одет в килт, жилет и сюртук по случаю, каштановые волосы убраны назад. Если не считать татуировок на скулах и переносице, он выглядел вполне цивилизованно.

– Это она, – согласился Джейми. – Фионагал – прекрасная.

В его голосе прозвучала неожиданная нотка ностальгии, и я удивленно посмотрела на него.

– Ну, это ее настоящее имя, – уточнил он мягко. – Фионагал. Только англичане зовут ее Флора.

– Ты на нее запал, когда был ребенком, па? – спросила Брианна со смехом.

– Я – что?

– Питал симпатию, – уточнила я, невинно хлопая ресницами за веером.

– Что за глупость? Ради бога, мне было семь лет! – Но кончики его ушей, несмотря на возмущение, порозовели.

– Я был влюблен, когда мне было семь, – заметил Йен немного мечтательно. – В повариху. Ты слышал, как Улисс сказал, что она привезла зеркало, дядя? Подаренное ей принцем, с его гербом сзади. Улисс установил его в гостиной и приставил двоих слуг для охраны.

Конечно же, те, кто не был в толпе, окружающей Макдональдов, стояли, оживленно переговариваясь, в очереди к гостиной, образуя линию, тянувшуюся через весь коридор и даже перед двойными дверями в дом.

– Джеймс?

Властный голос Иокасты положил конец нашим шуткам. Джейми бросил на Брианну грозный взгляд и присоединился к тетке. Дункан был увлечен разговором в компании серьезных джентльменов – я узнала Нила Форбса, адвоката, Корнелиуса Харнетта и Колонеля Мура, –

Улисса тоже не было видно – скорее всего, он был занят организацией барбекю на две сотни человек, поэтому Иокаста временно осталась без сопровождения. Положив руку Джейми на локоть, она выплыла с террасы, направляясь в сторону Алана Макдональда, который оказался отрезанным от жены толпой поклонников и теперь стоял под деревом с видом несколько оскорбленным.

Я смотрела, как они шли через лужайку, наслаждаясь любовью Иокасты к театральности. Ее личная горничная, Федра, послушно шла следом и явно справилась бы с задачей поводыря, но этот выбор не имел бы такого эффекта. Эти двое заставляли людей оборачиваться – Иокаста, высокая и стройная, изящная, несмотря на возраст, с белыми волосами, убранными в высокую прическу, в голубом шелковом платье, и Джейми, высокий как викинг, в малиновом тартане Фрэзеров; обоим досталась конституция Маккензи и их кошачья грация.

– Колум и Дугал могли бы гордиться младшей сестрой, – сказала я, качая головой.

– О, ай? – отсутствующе проронил Йен, явно не слушая. Он наблюдал за Флорой Макдональд, которая принимала букет цветов от одного из внуков Фаркуарда Кэмпбелла под всеобщие аплодисменты.

– Ты ведь не ревнуешь, мама? – поддразнила меня Брианна, заметив, что я смотрю в ту сторону.

– Точно нет, – ответила я с некоторым самодовольством. – В конце концов, у меня тоже все зубы на месте.

* * *

Я не заметила его в суете приветствий, но майор Макдональд оказался среди гостей. Он выглядел очень нарядным в сияющем алом мундире и новой шляпе, украшенной золотой лентой. Майор снял с головы головной убор и низко поклонился мне, выглядел он очень довольным – несомненно, потому что со мной не было моих питомцев; к его счастью, Адсо и белая свинья остались на Ридже.

– Ваш покорный слуга, мэм, – сказал он. – Вижу, вы уже познакомились с мисс Флорой – она очаровательна, не правда ли? И такая красивая, жизнерадостная женщина.

– Так и есть, – согласилась я. – Значит, вы с ней знакомы?

– О, ай, – ответил он, и заметное довольство расплылось по его обветренному лицу. – Я не рискну утверждать, что располагаю ее дружбой, но смею думать, что могу претендовать на скромное место ее знакомого. Я сопровождал миссис Макдональд и ее семью из Уилмингтона и удостоился чести устроить их прибытие сюда.

– Вот как? – я взглянула на него с интересом. Майор не был одним из тех, кто с трепетом относится к знаменитостям. Он был тем, кто жаждет использовать их известность. И таким же был губернатор Мартин.

Майор наблюдал за Флорой Макдональд взглядом собственника, одобрительно окидывая взором толпившихся вокруг людей.

– Она очень любезно согласилась произнести сегодня речь, – сказал он мне, раскачиваясь на каблуках. – Какое место лучше всего подойдет для этого, как думаете, мэм? Терраса, потому что это самая высокая точка? Или, быть может, возле статуи на лужайке, ближе к центру, и люди смогут обступить ее со всех сторон, чтобы было лучше слышно?

– Думаю, она получит солнечный удар, если вы поставите ее на лужайку в такую погоду, – сказала я, поправляя свою широкополую соломенную шляпу, чтобы спрятать нос от солнца. Было очень жарко и влажно, тонкие нижние юбки неприятно прилипали к ногам. – О чем будет речь?

– Просто пара фраз на тему верности, мэм, – отозвался он с самым невинным видом. – О, вот и ваш муж – разговаривает с Кингсбургом. Прошу меня извинить, мэм. – Поклонившись,

он выпрямился, надел свою шляпу и пошел вниз по лужайке к Иокасте и Джейми, которые по-прежнему стояли с Аланом Макдональдом, прозванным на шотландский манер Кингсбургом, в честь его имения на острове Скай.

Начали выносить еду: супницы с овсянкой и рагу, огромную бадью супа а-ля-Рейн – в честь дорогой гостьи, – блюда с жареной рыбой, цыпленком и кроликом, рубленую оленину в красном вине, копченые колбаски, форфарские брайди, инки-пинки, жаркое из индейки, голубиный пирог, колканнон⁸, стови⁹, репу в грушевом сидре, печеные яблоки, фаршированные сушеной тыквой, кукурузу, грибные пироги, гигантские корзины со свежим хлебом... И я отлично знала, что все это было лишь прелюдией к барбекю, чьи соблазнительные запахи уже висели в воздухе: для гостей уже зажаривали несколько свиней, три или четыре говяжьи туши, двух оленей и, в качестве главного блюда, американского бизона, пойманного или купленного бог знает где.

Вокруг началось приятное оживление, люди потянулись к столам с твердым намерением воздать должное угощению и празднику.

Я видела, что Джейми застрял с миссис Макдональд, – он помогал ей наложить в тарелку нечто, что издали выглядело как салат из брокколи. Он поднял голову и, увидев меня, кивнул, предлагая присоединиться к ним. Но я покачала головой и показала веером в сторону фуршетных столов, вокруг которых деловито устраивались гости, похожие на голодных кузнециков в поле ячменя. Я не хотела упустить возможность расспросить о Манфреде Макгилливрее, прежде чем люди погрузятся в сытую дрему.

Я бросилась в самую гущу гостей, по пути подхватывая угощения с подносов домашних слуг и рабов и останавливаясь, чтобы поболтать с каждым знакомым, которого я видела, и особенно с теми, кто жил в Хиллсборо. Я знала, что Манфред провел там много времени – принимал заказы на оружие, привозил готовые ружья и занимался разной мелкой починкой. Мне казалось, что это его самый вероятный выбор. Но никто не видел его там, хотя большинство были с ним знакомы.

– Хороший парень, – сказал мне один джентльмен, отрываясь от своего напитка. – Нам ужасно его не хватает. Кроме Робина, вокруг всего ничего оружейников до самой Вирджинии.

Я это знала и задавалась вопросом, улыбнулась ли удача Джейми в поиске мушкетов. Возможно, потенциальные связи лорда Джона с контрабандистами окажутся единственным выходом.

Я взяла пирожок с подноса одного из проходящих мимо рабов и продолжила бродить вокруг, переговариваясь с гостями. Многие упоминали серию гневных статей, которые недавно опубликовали в «Хроникл», местной газете, чей владелец, некий Фогарти Симмс, явно пользовался популярностью среди присутствующих.

– Редкой смелости малый этот Симмс, – сказал мистер Гудвин, качая головой. – Но я сомневаюсь, что он долго продержится. Я говорил с ним на прошлой неделе, и он сказал, что опасается за свою шкуру. Ему угрожали.

Из тона беседы я предположила, что мистер Симмс, должно быть, противник борьбы за независимость, лоялист. Так и оказалось впоследствии. Еще поговаривали о конкурирующей газете, которая вот-вот должна была выйти в печать, она поддерживала опасные идеи о тирании и свержении короля. Никто не знал в точности, кто за ней стоит, но люди негодуя судачили о том, что издатель должен прибыть с севера, где народ имел склонность к подобным извращенным сантиментам. Все сошлись на том, что подобные персонажи нуждаются в хорошей взбучке, чтобы выбить из них всю дурь.

⁸ Ирландское блюдо, которое готовят из толченого картофеля, капусты и сливочного масла.

⁹ Шотландское рагу с мясом и картофелем.

Формально я не садилась за стол, но после часа неторопливых прогулок среди жующих людей и бесконечных блуждающих подносов с закусками у меня возникло ощущение, что я поприисутствовала на французском королевском банкете – подобные мероприятия длились настолько долго, что ночные горшки незаметно прятали прямо под креслами, а периодические вылазки гостей под стол были обычным делом.

Теперешнее мероприятие было менее формальным, но не менее длительным. После часа, отведенного на закуску, дымящееся жареное мясо сняли с огня возле конюшен, и рабы понесли его на лужайку на деревянных козлах. При виде огромных кусков говядины, свинины, дичи, буйволятины, блестящих от масла и уксуса и окруженных сотнями жареных тушек голубей и перепелок, гости, уже вспотевшие от усилий за столом, заплодировали, ничуть не обескураженные неудобствами.

Иокаста, сидевшая рядом с главной гостьей, выглядела очень довольной при звуках аплодисментов, отдающих должное ее гостеприимству; улыбаясь, она наклонилась к Дункану и что-то сказала ему. Дункан больше не выглядел обеспокоенным и, казалось, наслаждался происходящим – пара пинт пива и почти целая бутылка виски сделали свое дело. Он широко улыбнулся Иокасте в ответ и коротко обратился к миссис Макдональд, которая смеялась на любое его слово.

Она невольно вызывала уважение и симпатию. Окруженная со всех сторон людьми, желающими с ней поговорить, она сохраняла достоинство и к каждому обращалась с тактом и дружелюбием, при том, что ей то и дело приходилось слушать бесконечные чужие рассказы, по десять минут держа вилку с едой у рта. По крайней мере, она была в тени, и Федра, облаченная в белый муслин, покорно стоя у нее за спиной, обмахивала гостью крупным опахалом из листьев пальметто, создавая прохладу и отгоняя насекомых.

– Лимонад, мэм? – Почтительно склонившись, блестящий от пота раб предложил мне напиток, и я взяла бокал. С меня ручьями лился пот, ноги болели, а во рту пересохло от разговоров. Мне уже было все равно, что в бокале, главное – это жидкость. Однако я поменяла свое мнение, как только сделала первый глоток: это был лимонный сок, смешанный с содовой водой, и мне больше хотелось вылить его в декольте, чем пить. Я осторожно попятилась к кусту раkitника, чтобы выплеснуть напиток туда, но меня остановило появление Нила Форбса, вылезшего прямо из-за раkitника.

Он был так же озадачен встречей со мной, как и я. Мужчина подался назад и торопливо глянул через плечо. Я посмотрела в том же направлении и увидела Роберта Хоува и Корнелиуса Харнетта, уходящих в противоположную сторону. Эти трое явно секретничали.

– Миссис Фрэзер, – сказал он, коротко поклонившись. – Ваш покорный слуга.

Я в ответ присела в реверансе, бормоча какие-то учтивые фразы. Я бы проскользнула мимо него, но он наклонился ко мне, перекрывая путь к отходу.

– Я слышал, ваш муж собирает оружие, миссис Фрэзер, – сказал он тихо с довольно недружелюбной интонацией.

– О, правда? – Я держала перед собой раскрытый веер, как все присутствующие женщины, и лениво махала им перед самым носом, пряча выражение лица. – Кто сказал вам такое?

– Один джентльмен, к которому он обратился по этому делу, – ответил Форбс. Юрист был крупным, с лишним весом, нездоровый румянец на щеках мог рдеть по этой причине, а не из-за недовольства. И все же...

– Если ваша доброта позволит мне такую дерзость, мэм, я бы посоветовал вам оказать свое влияние и подсказать мужу, что это не самый разумный выбор.

– Для начала, – сказала я, глубоко вдыхая горячий влажный воздух, – извольте объяснить, что за неразумный выбор он делает?

– Тот, что не принесет ему ничего хорошего, мэм. В самом лучшем случае, я предполагаю, что ружья, которые он ищет, предназначены для того, чтобы вооружить его личный отряд

полиции, что вполне законно, хотя и несколько тревожно, – все будет зависеть от его дальнейших шагов. Однако о его отношениях с чероки хорошо известно, и ходят слухи, будто мушкетеры в конце концов окажутся в руках дикарей, чтобы те могли обратить их против подданных его величества, которые могут выступать против тирании, насилия и коррупции, столь часто встречающихся среди властей – если такими словами вообще можно описать их действия – этой колонии.

Я бросила на него долгий взгляд из-за кромки веера.

– Если бы я не знала, что вы юрист, то после этой речи у меня не осталось бы сомнений, – заметила я. – Кажется, вы только что сказали, что подозреваете моего мужа в том, что он желает отдать ружья индейцам, а вы этого не хотите. С другой стороны, если он хочет вооружить собственный отряд полиции, то это может быть не так уж плохо в том случае, если вышеупомянутая полиция действует согласно вашим пожеланиям. Я права?

В его глубоко посаженных глазах блеснула искра веселья, и он почтительно склонил голову в мою сторону.

– Ваша проникательность меня совершенно обезоруживает, мэм.

Я кивнула и сложила веер.

– Ясно. И каковы же ваши пожелания, могу я узнать? Я не стану спрашивать, почему именно Джейми должен принять их во внимание.

Он рассмеялся, его обрюзгшее лицо, и без того покрасневшее от жары, приобрело еще более глубокий оттенок под модным париком.

– Я желаю справедливости, мэм, – падения тиранов и торжества свободы, – ответил он. – Этого обязан желать всякий честный человек.

«...единственно во имя свободы, кою каждый добрый человек утратит лишь вместе с жизнью». Строчка эхом отозвалась у меня в голове и, должно быть, отразилась у меня на лице, потому что мой собеседник как-то особо внимательно на меня смотрел.

– Я очень высокого мнения о вашем муже, мэм, – добавил он спокойно. – Вы передадите ему мои слова? – Мужчина поклонился и развернулся, не дождавшись ответа.

Он не понижал голос, пока говорил о тиранах и свободе, – я видела, как люди оборачивались на него, теперь мужчины на поляне там и тут сбивались в группы, переговариваясь и глядя на шагающего Форбса.

Я рассеянно сделала глоток лимонада, поэтому пришлось проглотить неприятную жидкость. Обернувшись, я поискала глазами Джейми – он отошел немного в сторону и о чем-то беседовал с майором Макдональдом.

Все происходило быстрее, чем я думала. Я считала, что республиканские настроения были не так уж популярны в этой части колонии, но, судя по тому, как открыто Форбс высказывался на таком сборище, они набирали силу.

Я повернулась, чтобы посмотреть на юриста, и увидела, что к нему подошли двое мужчин, их лица были искажены гневом и подозрениями. Я была слишком далеко, чтобы слышать, что они говорят, но позы и выражения были достаточно красноречивы. Напряжение между ними нарастало, слова становились все горячее, и я снова беспокойно посмотрела на Джейми. В последний раз, когда я была на подобном барбекю в Риверане, как раз перед войной регуляторов, на лужайке случилась драка, и теперь, похоже, она могла случиться снова. Алкоголь, жара и политика – идеальный рецепт для вспышек насилия на любом публичном сборище, не говоря уж о тех, где были исключительно шотландские горцы.

И насилие могло случиться – мужчины столпились вокруг Форбса и двух его оппонентов, уже сжались кулаки, – если бы с террасы не загудел гонг Йокасты, заставив всех с удивлением обернуться.

На перевернутой табачной бочке, подняв руки в воздух и улыбаясь гостям, стоял майор, лицо его было красным от жары, пива и воодушевления.

– Ceud mile fàilte!¹⁰ – прогремел он на гэльском. – И тысяча добрых пожеланий нашим почетным гостям! – продолжил он, махая рукой в сторону Макдональдов, которые стояли по обеим сторонам от него, улыбаясь и кивая в ответ на аплодисменты. Судя по их реакции, они не были удивлены таким приемом.

Еще пара вступительных фраз, тонущих в приветственных криках толпы, и Джейми с Кингсбурггом осторожно подняли миссис Макдональд на бочку, где она неуверенно закачалась, но тут же восстановила равновесие, схватившись за головы мужчин, и лукаво посмотрела на смеющуюся публику.

Она улыбнулась толпе, и люди заулыбались в ответ, тут же притихнув, чтобы было лучше слышно. У нее был чистый высокий голос, и она явно привыкла говорить на публике. Я стояла слишком далеко, чтобы слышать каждое слово, но без усилий улавливала общий посыл.

После благодарностей хозяевам и шотландской общине, которые так тепло и щедро встретили ее семью, она произнесла пламенную речь против явления, которое она называла «фракционизмом»¹¹, призывая слушателей подавить эту опасную тенденцию, которая сулила смуту, ставила под угрозу мир и процветание, которых они достигли своей усердной работой в этой далекой земле и ради которых стольким рискнули.

И я с немалым удивлением вдруг поняла, что она права. Я слышала, как Бри и Роджер спорили об этом – почему некоторые горцы, которые так пострадали от английской короны, сражались на стороне англичан?

– Потому что, – говорил Роджер рассудительно, – им было что терять, а вот выгод было мало. К тому же они лучше других знали, что это значит – воевать с англичанами. Думаешь, те люди, что пережили зачистки Камберленда, уплыли в Америку и выстроили новую жизнь с нуля, хотели пережить это снова?

– Но ведь они наверняка хотели бороться за свободу, – запротестовала Бри. Роджер посмотрел на нее с цинизмом во взгляде.

– У них есть свобода, и намного больше, чем в Шотландии. В случае войны они рискуют ее потерять и отлично это понимают. К тому же, – добавил он, – почти все они дали клятву верности короне. Так просто они ее не нарушат, уж точно не ради еще одного безумного и, несомненно, кратковременного бунта. Это вроде... – он нахмурил брови, подыскивая подходящую аналогию. – Вроде «Черных пантер»¹² или движения за гражданские права. Всем понятна борьба за идеалы, но средний класс видел в них угрозу, и им просто хотелось, чтобы они исчезли и жизнь снова стала мирной.

Проблема, конечно, была в том, что жизнь никогда не была мирной, и это конкретное безумное движение никуда не денется. Я видела Брианну с краю от основной массы людей, она скептически хмурилась, слушая высокий чистый голос Флоры Макдональд, превозносящий верность как главную добродетель.

Я услышала низкое «хмф» где-то рядом, за моей спиной, и, обернувшись, увидела Нила Форбса, чей вид выражал крайнее неодобрение. Теперь к нему прибыло подкрепление – трое или четверо других джентльменов стояли рядом, с опаской поглядывая по сторонам, но делая вид, что это вовсе не то, чем они заняты. Наблюдая за настроениями толпы, я подумала, что они оказались в абсолютном меньшинстве – пропорция составляла примерно две сотни на одного, при этом большинство все сильнее укреплялись в своем мнении по мере того, как алкоголь насыщал кровь, а речь подходила к кульминации.

¹⁰ Добро пожаловать!

¹¹ Имеется в виду политическая раздробленность.

¹² Афроамериканская леворадикальная организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы.

Отвернувшись, я вновь посмотрела на Брианну и поняла, что теперь она тоже обратила внимание на Форбса, а Форбс – на нее. Высокие, они смотрели друг на друга поверх толпы, что разделяла их, он – неприязненно, а она – просто холодно. Пару лет назад Брианна не приняла его предложение и сделала это со всей прямоотой. Форбс не был влюблен, но посчитал отказ публичным оскорблением, да и философское смирение было ему незнакомо.

Брианна непринужденно отвернулась, как будто не заметила его, и заговорила с женщиной, стоявшей рядом. Я услышала, как он снова неодобрительно крикнул и что-то негромко сказал своим спутникам; после этого вся компания собралась покинуть сцену, невежливо повернувшись спинами к миссис Макдональд, которая все еще говорила.

Их провожали возмущенными вздохами и ропотом, пока они проталкивались сквозь плотную стену людей, но никто не попытался их остановить, а гнев присутствующих утонул в оглушительных аплодисментах, последовавших за окончанием речи. Заиграли волынки, воздух прорезали случайные выстрелы, майор Макдональд начал скандировать «гип-гип-ура», да и в целом вокруг царил такой праздничный хаос, что даже прибытие целой армии осталось бы незамеченным, не говоря уж об уходе горстки недовольных виги.

Я нашла Джейми в тени мавзолея Гектора распутывающим волосы пальцами, чтобы собрать их в хвост.

– Вот это аншлаг, что скажешь?

– Даже несколько, – отозвался он, с подозрением наблюдая за явно нетрезвым джентльменом, пытающимся перезарядить мушкет. – Посмотри на этого мужчину, саксоночка.

– Он немного опоздал, чтобы пристрелить Нила Форбса. Ты видел, как он ушел?

Джейми кивнул, ловко перехватывая волосы кожаным ремешком.

– Он мог подойти ближе к открытому заявлению, только если бы взобрался на бочку рядом с Фионагал.

– Что сделало бы его превосходной мишенью. – Я сощурилась, глядя на краснощекого джентльмена, осыпающего порохом свои ботинки. – Не думаю, что у него есть пули.

– Ну тогда... – Джейми небрежно махнул на него рукой. – Майор Макдональд на редкость деятелен, как считаешь? Он сказал, что организовал такие речи для мисс Макдональд по всей колонии.

– Надо думать с ним самим в качестве импресарио. – Я заметила проблеск его красного мундира в толпе доброжелателей на террасе.

– Рискну такое предположить. – Джейми такая перспектива, похоже, не казалась радужной. Он был трезв, и его лицо было омрачено какими-то невеселыми мыслями. Его настроение не улучшится от пересказа беседы с Нилом Форбсом, но я все равно должна была рассказать.

– Ну, тут ничего не поделаешь, – Джейми пожал плечами. – Я надеялся держать все в секрете, но после того, как все обернулось с Робинотом Макгилливреем, у меня нет выбора, кроме как расспрашивать об этом при каждом удобном случае, хотя дело и становится всем известным. И о нем говорят, – он беспокойно переступил с ноги на ногу.

– Ты в порядке, саксоночка? – спросил он внезапно, посмотрев на меня.

– Да. А вот ты нет. Что такое?

Он слабо улыбнулся.

– О, ничего такого. Ничего такого, о чем бы я не знал раньше. Но все иначе, знаешь? Ты думаешь, что готов, а потом встречаешься с этим лицом к лицу и готов все отдать, только бы обстоятельства складывались по-другому.

Джейми посмотрел на лужайку и кивнул подбородком на толпу. Море тартанов плыли над травой, женские зонтики висели в воздухе – целое поле ярко раскрашенных цветов. В тени террасы продолжал играть волынщик, разбавляя жужжание разговоров тонким высоким дискантом.

– Полагаю, в один прекрасный день мне придется выступить против многих из них, верно? Сражаться с друзьями и родичами. Я стоял там, и Фионагал опустила руку мне на голову, будто благословляя; я смотрел на этих людей и видел, как ее слова воодушевляют их, а решимость растет... но потом я внезапно ощутил, будто огромный меч упал с небес между ними и мной, чтобы навеки разделить нас. Этот день близится, и я не могу остановить его.

Джейми сглотнул и отвел глаза. Я потянулась к нему, желая помочь, облегчить его боль, хотя и знала, что не могу. В конце концов, это из-за меня все происходит именно так, из-за меня он оказался в этом подобии Гефсиманского сада¹³.

Несмотря на это, Джейми взял мою руку, не глядя на меня, и сжал ее так, что хрустнули кости.

– Отче Мой, если возможно, да минует меня чаша сия... – прошептала я.

Джейми кивнул, не отрывая взгляда от земли, от опавших желтых лепестков. Потом он посмотрел на меня, слабо улыбаясь, но с такой болью в глазах, что у меня перехватило дыхание и пронзительно заныло сердце. Но он продолжал улыбаться и, проведя рукой по лбу, посмотрел на свои влажные пальцы.

– Ай, что ж. Это всего лишь вода, не кровь. Я буду жить.

Может, и не будешь, неожиданно подумала я, ошарашенная собственной мыслью. Сражаться на стороне победителей это одно, а вот выжить в этой битве – совсем другое.

Он заметил выражение моего лица и ослабил давление на руке, решив, что он сделал мне больно. Но боль не была физической.

– Впрочем, не как Я хочу, но как Ты¹⁴, – проронил он очень мягко. – Я сделал свой выбор, когда женился на тебе, хотя и не знал этого тогда. Но я его сделал и теперь не могу повернуть назад, даже если бы захотел.

– А ты бы хотел? – Я смотрела ему в глаза, когда спрашивала, и прочла в них ответ. Он покачал головой.

– А ты? Ты тоже сделала выбор.

Я также покачала головой и ощутила, как напряжение немного спало, когда его глаза встретились с моими, ясными сейчас, как летнее небо. На какой-то краткий миг, пока один удар сердца не сменился другим, мы оставались во вселенной одни. Потом недалеко от нас проплыла стайка щебечущих молодых девушек, и я сменила тему на более безопасную.

– Ты слышал что-нибудь о бедняге Манфреде?

– Бедняга Манфред? – Джейми посмотрел на меня с некоторым цинизмом во взгляде.

– Ну, его, конечно, можно назвать молодым безмозглым кобелем, который наделал дел, но это не значит, что он должен из-за этого умереть.

В ответ Джейми посмотрел на меня так, будто был не вполне согласен с такими доводами, но спорить не стал, просто сказав, что он спрашивал, но пока безрезультатно.

– Он объявится, – заверил он меня. – Скорее всего, в самом неподходящем месте.

– Ох, ох, ох! Для такого дня стоило жить! Благодарю вас, сэр, благодарю сердечно!

Это была миссис Баг, пылающая от жары, пива и счастья; она обмахивалась веером так, будто опасалась загореться. Джейми улыбнулся ей.

– Значит, вам было все слышно, моя дорогая?

– О да, сэр! – с энтузиазмом заверила она его. – Каждое слово! Арч нашел мне чудесное местечко прямо за одной из клумб, где все было слышно и не было толкотни.

¹³ В настоящее время небольшой сад в Гефсимании; в евангельские времена так называлась вся долина, лежащая у подножья Елеонской горы. Согласно Новому Завету, Иисус и его ученики регулярно посещали это место, что и позволило Иуде найти Иисуса в ночь ареста.

¹⁴ Евангелие от Матфея 26:39. Здесь и выше герои цитируют отрывок Библии, где Иисус молится в Гефсиманском саду, уже зная, что ему предстоит казнь.

Миссис Баг едва не умерла от восторга, когда Джейми предложил взять ее на барбекю. Разумеется, Арч собирался сюда, к тому же он частенько ездил в Кросс-Крик с разными поручениями, а вот миссис Баг не выезжала из Риджа с их прибытия несколько лет назад.

Несмотря на мой дискомфорт от откровенно лоялистской атмосферы вокруг, детский восторг миссис Баг оказался заразным; невольно я начала улыбаться, и мы с Джейми по очереди стали отвечать на ее вопросы. Миссис Баг прежде так близко не видела черных рабов, и они казались ей экзотически красивыми – дорого они стоят? Их нужно учить одеваться и правильно говорить? Потому что она слыхала, что Африка это такое жаркое место, где люди разгуливают голыми и убивают друг друга копьями, как здесь поступают с кабанами. И говоря о наготы, не кажется ли нам, что эта статуя солдата на лужайке просто непристойна? Ведь на нем за щитом нет ни лоскутка! И почему это у его ног лежит женская голова? И видела ли я, что ее волосы выглядят в точности как змеи? Какой ужас! И кто такой Гектор Кэмерон, который здесь похоронен? Такая роскошная гробница из белого мрамора, прямо как в Холируде, подумать только! О, так это покойный муж миссис Иннес? А когда она вышла за мистера Дункана, с которым миссис Баг уже познакомилась, – такой приятный мужчина, и глаза у него добрые. Какая жалость, что он потерял руку, наверное, это случилось в бою? И – глядите-ка! Муж миссис Макдональд – и до чего у него ладная фигура – тоже собирается что-то сказать!

Джейми бросил на террасу безразличный взгляд. Так и было, Алан Макдональд поднимался на стул – бочка была бы перебором; зрителей у него было гораздо меньше, чем у жены. И все же вокруг собралось достойное количество людей.

– Вы не пойдете послушать его? – спросила миссис Баг уже на бегу, буквально кружа над землей, словно очень крупная колибри.

– Нам будет прекрасно слышно отсюда, – заверил ее Джейми. – А вы поспешите, дорогая.

И она полетела в сторону террасы, буквально гудя от возбуждения. Джейми осторожно потрогал свои уши, проверяя, на месте ли они еще.

– Очень мило с твоей стороны взять ее с собой, – сказала я, смеясь. – Старушка наверняка так не веселилась последние лет пятьдесят.

– Нет, – ответил он, широко улыбаясь. – Скорее всего...

Джейми резко замолчал, озабоченно глядя на что-то у меня за плечом. Я повернулась, чтобы посмотреть, но он уже пошел в ту сторону, и я поспешила за ним.

Это была Иокаста, белая как полотно, растерянная, какой я никогда ее не видела. Она неустойчиво покачивалась возле бокового входа и могла бы упасть, если бы Джейми не подбежал и не подхватил ее одной рукой за талию.

– Господи, тетушка! Что случилось? – Он говорил тихо, чтобы не привлекать внимания, и подталкивал ее обратно ко входу.

– О Боже, милостивый Боже, моя голова, – шептала она, распластав тонкую ладонь по лицу, – пальцы едва касались кожи, раскинувшись над левым глазом, словно паучьи лапки. – Мой глаз.

Льняная повязка, которую она носила на людях, была измята и пропитана влагой – из-под нее текли слезы, но она не плакала. Лакримация: один глаз ужасно слезится. Слезы текли из обоих, но с левым все было гораздо хуже. Край повязки вымок, на щеке блестела влага.

– Мне нужно осмотреть ее глаз, – сказала я Джейми, касаясь его локтя и тщетно оглядываясь вокруг в поисках слуг. – Отведи ее в маленькую гостиную.

Это была ближайшая комната, все гости находились либо снаружи, либо толпились в холле, чтобы увидеть зеркало принца.

– Нет! – почти закричала она. – Нет, не туда!

Джейми бросил на меня взгляд, озадаченно приподняв одну бровь, но успокаивающе заговорил с Иокастой:

– Нет, тетушка. Все в порядке. Я унесу тебя в твою комнату. Давай-ка. – Он склонился и подхватил ее на руки, как если бы она была ребенком; шелковые юбки заскользили по его рукам со звуком бегущей воды.

– Унеси ее, я сейчас приду. – Я заметила рабыню по имени Анджелина в дальнем конце холла и поспешила поймать ее. Отдав распоряжения, я кинулась обратно к лестнице, остановившись по пути на секунду, чтобы заглянуть в малую гостиную.

Комната была пуста, однако оставленные стаканы из-под пунша и сильный запах табака заставляли предположить, что Иокаста здесь кого-то принимала. Ее корзинка с шитьем стояла открытой, с краю, грубо вытасченная, беспомощно свисала какая-то недовязанная вещица, похожая на дохлого кролика.

Наверное, это дети, подумала я. Несколько клубков шерсти были разбросаны по паркету, от них тянулись разноцветные нитки. Я замялась на пороге на секунду, но инстинкт был слишком силен – я торопливо наклонилась и сбросила клубки обратно в корзину. Я стала было укладывать недовязанную вещь сверху, но, вскрикнув, одернула руку. Из небольшого пореза на большом пальце сочилась кровь. Я положила палец в рот и с силой пососала ранку. Одновременно с этим я осторожно запустила вторую руку в глубину корзины, чтобы понять, чем я порезалась. Ножик, маленький, но рабочий. Скорее всего, предназначенный для того, чтобы обрезать нитки. Обнаружив на дне кожаные ножны от него, я вложила в них лезвие; после этого я взяла шкатулку с иглами, за которой пришла, и, прикрыв корзинку, поспешила к лестнице.

Алан Макдональд завершил свою короткую речь: снаружи раздались громкие аплодисменты, сопровождаемые одобрительными выкриками на гэльском.

– Проклятые шотландцы, – пробормотала я. – Они когда-нибудь начнут учиться на своих ошибках?

Но у меня не было времени раздумывать о последствиях пламенных речей семейства Макдональд. К тому времени, когда я достигла верхней ступеньки, один раб был позади меня, пытая под грузом моего медицинского чемоданчика, а другой в начале лестницы, аккуратно поднимаясь с кастрюлей горячей воды из кухни.

Иокаста сидела в своем кресле, сложившись пополам и громко стоная, ее губы были сжаты в тонкую нитку, а руки беспомощно и бесцельно двигались в растрепанных волосах, как будто она хотела схватиться хотя бы за что-нибудь. Джейми поглаживал ее по спине, бормоча утешения по-гэльски, мое возвращение явно стало для него облегчением.

Я давно подозревала, что причина слепоты Иокасты кроется в глаукоме – растущем давлении внутри глазного яблока, которое без лечения приводит к повреждению зрительного нерва. Теперь я была уверена в диагнозе. Более того, я знала, какая разновидность глаукомы это была: Иокаста явно страдала от приступа остро-угловой глаукомы, самого опасного типа.

От глаукомы пока не было лекарства, саму болезнь откроют только через некоторое время. Но даже если бы лечение было возможно, для Иокасты это не имеет значения – слишком поздно, слепота уже неизлечима. Как бы там ни было, в моем распоряжении имелось одно средство, и я понимала, что мне придется его применить.

– Возьми отсюда немного и замочи в воде, – сказала я Анджелине, хватая банку с канадским желтокорнем из своего чемоданчика и передавая ей. – А ты, – я повернулась ко второму рабу, – вскипяти еще воды, найди чистых повязок и положи в кипяток.

Отдавая распоряжения, я вытаскивала из своего чемоданчика маленькую спиртовую лампу. Огонь в очаге погас, но угли по-прежнему тлели; я наклонилась и подожгла фитиль, а затем открыла шкатулку с иглами из гостиной и достала самую большую, трехдюймовую, для починки ковров.

– Ты же не... – начал Джейми и прервался, сглатывая.

– Мне придется, – ответила я коротко. – Больше нет вариантов. Держи ее руки.

Он был почти таким же бледным, как Иокаста, но кивнул и с осторожностью взял ее блуждающие пальцы, отнимая их от головы. Я подняла полотняную повязку. Левый глаз заметно вспух и покраснел под веком. Слезы омывали его бесконечным потоком. Даже не касаясь глаза, я ощущала давление внутри, и решительно сжала зубы.

Больше ничего не сделать нельзя. Прочтя короткую молитву святой Клэр, которая была не только моей покровительницей, но и святой, отвечающей за глазные недуги, я провела иглой над пламенем, налила немного спирта на льняную салфетку и стерла с нее сажу. Сглотнув неожиданный избыток слюны, я пальцами раздвинула веки больного глаза, вверила свою душу в руки Господа и твердо вонзила иглу в склеру, возле края радужки.

Рядом раздался кашель, на полу появились пятна, источающие запах рвоты, но мне было некогда обращать на это внимание. Я быстро и осторожно вынула иглу. Иокаста вся застыла, намертво вцепившись в Джейми. Она не двигалась, только издавала короткие потрясенные всхлипы, как будто боясь пошевелиться или даже дышать. Из ее глаза вытекала струйка жидкости – стекловидное тело – довольно мутная и достаточно густая, чтобы разглядеть, как она медленно омывает влажную поверхность склеры. По-прежнему удерживая веки открытыми, второй рукой я вытащила полотняную повязку из настоя желтокорня, выжала лишнюю воду, не утруждая себя тем, чтобы посмотреть, куда она пролилась, и осторожно прижала ее к лицу Иокасты. Она резко вдохнула, ощутив тепло на коже, освободила руки и сама прижала пальцы к тряпице. Я отстранилась, позволяя ей удобнее взять ткань, которая теперь накрывала ее левый глаз, – тепло немного снимало боль.

Легкая поступь послышалась на лестнице и затем в холле – Анджелина, запыхавшись, вошла в комнату, прижимая к груди ладонь с зажатой в ней горстью соли, а в другой держа ложку. Я стряхнула соль с ее влажной руки в кастрюлю с теплой водой и скомандовала мешать, пока гранулы не растворятся.

– Ты принесла лауданум? – спросила я тихо. Иокаста откинулась в своем кресле, закрыв оба глаза, она походила на деревянную статую – веки зажмурены как от страха, костяшки сжатых в кулаки рук побелели.

– Я не смогла его найти, миссус, – пробормотала Анджелина в ответ, кидая испуганный взгляд на Иокасту. – Я и не знаю, кто мог бы его взять... Ключи есть только у мистера Улисса и самой миссис Кэмерон.

– Улисс пустил тебя в кладовку с лекарствами, значит, он знает, что миссис Кэмерон нездорова?

Она энергично закивала в ответ, от чего ленты на ее чепце затрепетали.

– О да, миссус! Он был бы в ярости, если бы узнал, что я ему не сказала. Он сказал тут же позвать его, если он нужен, а если нет, чтобы я сказала миссис Кэмерон, что не надо ей беспокоиться, он обо всем позаботится.

После этой фразы Иокаста испустила протяжный выдох, и ее сжатые кулаки немного расслабились.

– Господь, благослови этого человека, – пробормотала она с закрытыми глазами. – Он обо всем позаботится. Я бы пропала без него. Пропала.

Ее белые волосы прилипли к коже на висках, с коротких завитков над ее плечом капал пот, оставляя пятна на голубом темном шелке платья.

Анджелина развязала тесемки на платье и чулках и сняла их с хозяйки. Потом я попросила Джейми уложить Иокасту в кровать в нижней рубашке и обложила ее голову толстым слоем полотенец. Я наполнила один из моих самодельных, сделанных из гремучей змеи, шприцов теплой соленой водой, и, пока Джейми осторожно держал ее веко приоткрытым, я оросила больной глаз, надеясь предотвратить инфекцию. Ранка выглядела как крохотная алая точка на склере, над ней надулся небольшой пузырек. Джейми не мог смотреть на эту точку, не моргая поминутно. Я увидела это и улыбнулась ему.

– С ней все будет в порядке, – сказала я. – Иди, если хочешь.

Джейми кивнул и повернулся, чтобы уйти, но Иокаста тут же схватила его руку.

– Нет, дорогой, останься... если можешь. – Последнее было сказано как чистая формальность, но она ухватила его за рукав так крепко, что побелели костяшки пальцев.

– Да, тетушка, конечно, – сказал Джейми мягко и накрыл ее ладонь своей, утешительно сжимая ее. Однако она не отпускала племянника, пока тот не сел рядом.

– Кто еще здесь? – спросила она, беспокойно поворачивая голову из стороны в сторону, пытаясь услышать характерные звуки дыхания и движения, которые дали бы ей подсказку. – Рабы ушли?

– Да, они ушли, чтобы помочь с приемом, – сказала я. – Здесь только я и Джейми.

Она закрыла глаза и сделала глубокий дрожащий вдох, лишь после этого немного расслабившись.

– Хорошо. Я должна тебе кое-что рассказать, племянник, но нас никто не должен слышать. Племянница, – она подняла длинную бледную руку в мою сторону, – пойди и проверь, действительно ли мы одни.

Я послушно выглянула в холл. Никого не было видно, только из комнаты в дальнем конце раздавались голоса, смех и шуршание – группка женщин переговаривалась между собой, поправляя наряды и прически. Я вернулась в комнату и закрыла дверь, все внешние звуки мгновенно затихли, превратившись в еле заметный гул.

– Что такое, тетя? – Джейми по-прежнему держал ее за руку, большой палец нежно поглаживал тыльную сторону ладони в успокаивающем ритме – я видела, как он проделывал подобное с нервными животными. С тетей, однако, этот прием был менее эффективен, чем с собаками и лошадьми.

– Это был он. Он здесь!

– Кто здесь, тетя?

– Я не знаю! – Ее глаза беспокойно забегали, в тщетной попытке что-то разглядеть не только сквозь тьму слепоты, но и сквозь стены.

Джейми удивленно взглянул на меня, но ему, как и мне, было очевидно, что она не бредит, несмотря на бессвязность ее слов. Иокаста осознала, как звучит ее речь, и я увидела усиление в ее лице – она старалась взять себя в руки.

– Он пришел за золотом, – сказала она, понижая голос. – За французским золотом.

– Вот как, – осторожно отозвался Джейми. Он бросил на меня взгляд, приподняв одну бровь, но я покачала головой. У Иокасты не могло быть галлюцинаций.

Женщина нетерпеливо вздохнула и покачала головой, потом внезапно остановилась и со сдавленным болезненным стоном схватилась руками за голову, как будто пытаясь удержать ее на плечах. Она глубоко вдохнула и выдохнула, плотно сжимая губы, а потом медленно опустила руки.

– Это началось прошлой ночью, – сказала она. – Боль в глазу.

Она проснулась от пульсации в глазу, от тупой боли, которая медленно растекалась по левой стороне головы.

– Такое уже бывало раньше, – объяснила Иокаста. Она приподнялась в кровати, принимая сидячее положение; хоть женщина по-прежнему прижимала к глазу салфетку, она выглядела уже лучше. – Это началось, когда я стала терять зрение. Иногда один глаз, иногда оба. Но я знала, что это такое.

Иокаста Маккензи Кэмерон была не из тех женщин, которые позволят какому-то легкому недомоганию нарушить их планы, не говоря уж о том, чтобы как-то повлиять на событие, которое обещало стать самым запоминающимся собранием за всю историю Кросс-Крика.

– Я чувствовала себя отвратительно, – сказала она. – И тут Флора Макдональд собралась наведаться в наши края.

Приготовления были в самом разгаре: туши для барбекю запекались в ямах, бочки эля и пива стояли возле конюшен, в воздухе витали запахи свежего хлеба и бобов из кухни. Рабы были хорошо вымуштрованы, к тому же Иокаста полностью доверяла Улиссу во всем, что касалось организации. От нее требовалось, как она думала, только оставаться на ногах.

– Я не хотела принимать опиум или лауданум, – объяснила она. – Тогда я бы точно уснула. Поэтому я просто выпила виски.

Иокаста была статной и высокой женщиной, привычной к таким дозам алкоголя, которые свалили бы с ног женщин из двадцатого века. К тому времени, как прибыли Макдональды, она разделалась с большей половиной бутылки, но боль не затихала.

– А потом мой глаз начал так сильно слезиться, что любой понял бы – со мной что-то не так. Я этого не хотела, поэтому я пошла в гостиную, где спрятала небольшую бутылочку лауданума в рабочей корзинке на случай, если виски будет недостаточно.

Народ снаружи толпился, все хотели услышать речь мисс Макдональд, но гостиная оставалась безлюдной, насколько я могла судить со своим готовым разорваться глазом и пульсирующей головой. – Конец фразы прозвучал довольно обыденно, но я увидела, как Джейми поморщился, возвращаясь мыслями к тому, что я делала иглой. Он сглотнул и провел костяшками пальцев над верхней губой.

Иокаста успешно нашла бутылочку с лауданумом, сделала пару глотков и присела ненадолго, дожидаясь, пока он подействует.

– Не знаю, пробовал ли ты когда-нибудь эту вещь, племянник, но она имеет странный эффект – чувство, будто ты таешь по краям. Если примешь на каплю больше нужного, начнешь видеть вещи, которых нет – слепой ты или нет, – и слышать их.

Поглощенная действием виски, лауданума и шумом толпы снаружи, Иокаста не заметила шагов, и когда рядом с ней зазвучал голос, она на мгновение подумала, что это галлюцинация.

– «Так вот ты где, милая, – процитировала она, и ее лицо, и без того бледное, побледнело еще сильнее. – Помнишь меня?»

– Надо думать, ты помнила, тетушка? – сухо спросил Джейми.

– Да, – ответила она так же сухо. – Я слышала этот голос прежде, два раза. Один раз на свадьбе твоей дочери, а другой двадцать лет тому назад, в таверне возле Койгаха в Шотландии.

Иокаста отняла влажную тряпицу от лица и без промаха опустила ее в миску с теплой водой. Ее глаза были красными и опухшими, неприятно выделяющимися на бледной коже, уязвимыми в поволоке слепоты, но Иокаста взяла себя в руки.

– Да, я помнила этого человека, – повторила она.

Она сразу же поняла, что голос ей знаком, но некоторое время не могла вспомнить откуда. Потом осознание оглушило ее, и она вцепилась в подлокотник кресла.

«Кто вы?» – спросила она так повелительно, как могла. Ее сердце колотилось в груди, попадая в ритм с пульсацией в глазу и голове, все вокруг плыло от виски и лауданума. Наверное, это лауданум искажил крики толпы снаружи, превратив их в шум морского прибоя, а шаги рабов в холле в стук башмаков хозяина таверны на лестнице.

– Я была там. На самом деле там. – Несмотря на пот, который по-прежнему бежал по лицу Иокасты, я увидела, как бледная кожа на плечах покрылась мурашками. – В таверне в Койгахе. Я чувствовала запах моря и слышала голоса – Гектора и Дугала, – я слышала их! Они спорили где-то за моей спиной. И мужчина в маске – я видела его, – сказала она, и по моей шее пробежал озноб, когда она обратила на меня свои слепые глаза. Она говорила с таким убеждением, что на секунду показалось, что она действительно видела. – Он стоял внизу, у лестницы, так же, как двадцать пять лет назад – нож в руке, глаза устремлены на меня сквозь прорези в маске.

Он сказал: «Ты прекрасно знаешь, кто я такой, дорогая». Иокасте показалось, что она заметила улыбку, хотя смутно понимала, что, должно быть, услышала ее в голосе; она никогда не видела его лица, даже в те времена, когда еще не потеряла зрение.

Иокаста сидела в кровати, согнувшись практически пополам, руки были скрещены на груди, как будто она пыталась себя защитить, белоснежные волосы спутались и торчали в беспорядке за спиной.

– Он вернулся, – сказала она и затряслась в неожиданном конвульсивном ознобе. – Он пришел за золотом, и, когда он его найдет, он убьет меня.

Джейми положил руку на ее ладонь в попытке успокоить.

– Никто не убьет тебя, пока я здесь, тетушка, – сказал он. – Значит, этот мужчина пришел к тебе в гостиную и ты узнала его по голосу. Что еще он сказал тебе?

Она по-прежнему тряслась, но уже слабее. Я подумала, что это могут быть последствия большого количества виски и лауданума, не только пережитого страха.

Она закачала головой в попытке вспомнить подробности.

– Он сказал... сказал, что пришел, чтобы вернуть золото законному владельцу. Сказал, что нам доверили его хранить и что, хотя он не держит зла за то, что мы – Гектор и я – потратили часть, оно не было моим, никогда не было. Я должна сказать ему, где оно, и он позаботится о том, что осталось. Потом он схватил мою руку, – она перестала обхватывать себя и вытянула руку в сторону Джейми. – Мое запястье. Видишь следы? Ты видишь их, племянник?

Ее голос звучал взволнованно, и мне внезапно пришло в голову, что она сама может сомневаться в реальности происшествия.

– Да, тетушка, – мягко отозвался Джейми, касаясь ее запястья. – Я вижу следы.

Три лиловых отпечатка там, где пальцы надавили на кожу.

– Он сжал, а потом вывернул запястье так сильно, что мне показалось, я слышу хруст. Потом он отпустил меня, но не отступил. Он по-прежнему склонялся надо мной, я ощущала жар его дыхания и табачную вонь.

Я взяла ее левое запястье, нащупывая пульс. Он был сильным и частым, но сердце то и дело пропускало удар. Ничего удивительного. Я задумалась о том, как часто и в каких дозах она принимала лауданум.

– Я дотянулась до своей рабочей корзинки, выхватила из ножен маленький нож и попыталась добраться до его мошонки, – подытожила Иокаста.

Джейми удивленно рассмеялся.

– Так ты попала в цель?

– Да, она попала, – ответила я, прежде чем Иокаста успела открыть рот. – Я видела кровь на лезвии.

– Что ж, будет знать, как терроризировать беспомощных слепых женщин. – Джейми потрепал тетку по руке. – Ты отлично справилась, тетушка. После этого он ушел?

– Да. – Воспоминание о победе привело ее к некоторому равновесию, она вытянула руку из моих пальцев, чтобы сесть прямее на постели. Она резким движением сорвала обмотанное вокруг шеи полотенце и бросила на пол с гримасой отвращения.

Поняв, что тетке полегчало, Джейми посмотрел на меня и встал.

– Пойду проверю, не хромает ли кто снаружи. – У двери он остановился и оглянулся на Иокасту:

– Тетушка, ты сказала, что встречала его дважды до этого? В таверне в Койгаче, где мужчины вынесли золото на берег, и на свадьбе четыре года назад?

Она кивнула, откидывая с лица влажные волосы.

– Да. Это случилось в последний день. Он зашел в шатер, когда я была одна. Я поняла, что кто-то внутри, хотя он молчал, тогда я спросила, кто здесь. Он издал короткий смешок и сказал, что, видно, говорят правду и я полностью слеpla.

Иокаста поднялась, встречая невидимого гостя, его голос казался знакомым, но она не могла вспомнить, откуда знала его.

«Значит, вы не узнаете меня, миссис Кэмерон? Я был другом вашего мужа, хотя прошло уж много лет с тех пор, как я видел его в последний раз. На шотландском побережье в лунную ночь».

Иокаста нервно облизнула сухие губы, вспоминая тот день.

– И тогда я неожиданно все вспомнила. И я сказала ему: «Хоть я и слепа, но узнала вас, сэр. Что вам нужно?» Но он уже ушел. А в следующее мгновение я услышала голоса Федры и Улисса, которые подходили к шатру: он заметил их и потому сбежал. Они не видели его, так как были увлечены спором друг с другом. С той поры и до того времени, пока мы не уехали, я постоянно держала кого-нибудь при себе, так что он больше ко мне не приближался. До сегодняшнего дня.

Джейми нахмурился и задумчиво потер костяшками пальцев длинную прямую переносицу.

– Почему ты тогда не сказала мне?

Ее измученное лицо осветило слабое веселье, и она обхватила пальцами поврежденное запястье.

– Я думала, что мне мерещится.

* * *

Федра нашла бутылек с лауданумом там, где Иокаста уронила его – под креслом в гостиной. Там же она обнаружила дорожку из крошечных капелек крови, которые я второпях не заметила. Но они не доходили даже до двери – Иокаста не сильно поранила незваного гостя.

Дункан, которому доложили о случившемся, примчался, чтобы утешить Иокасту, но она тут же отослала его назад, приказав заниматься гостями, – ни травмы, ни болезни не могли расстроить такое событие!

Улисса ожидал куда более теплый прием. На самом деле, Иокаста специально послала за ним. Заглянув в комнату, чтобы проверить ее состояние, я увидела его сидящим на кровати и сжимающим руку своей хозяйки с выражением такой нежности на его обычно бесстрастном лице, что я, тронутая сценой, осторожно отступила в холл, чтобы не беспокоить их. Улисс, однако, заметил меня и кивнул.

Они негромко разговаривали, Улисс склонил голову в тяжелом белом парике близко к хозяйке. Казалось, он очень деликатно спорил с ней; она в ответ покачала головой и тихонько вскрикнула от боли. Его рука сжалась на ее ладони, и я увидела, что он снял свои белые перчатки – ее пальцы, длинные и хрупкие, белели в его сильной темной ладони.

Иокаста глубоко вдохнула, успокаиваясь. Потом она сказала что-то решительное, сжала его руку и откинулась на подушки. Улисс поднялся и еще секунду постоял рядом с кроватью, глядя на Иокасту. Потом он выпрямился и, вытащив из кармана перчатки, вышел в холл.

– Вы не приведете вашего мужа, миссис Фрэзер? – спросил он тихо. – Хозяйка хочет, чтобы я кое-что ему рассказал.

* * *

Вечеринка была по-прежнему в разгаре, но перешла в неторопливый и мерный ритм переваривания съеденного. Люди приветствовали нас с Джейми, пока мы вместе с Улиссом шли к дому, но нас никто не остановил. Улисс направился вниз, к своей кладовке, крохотной комнатке, которая прилегалa к зимней кухне; полки были уставлены серебряной посудой, бутылками ваксы, уксуса, синьки, игольницами, катушками ниток, инструментами для мелкой починки и основательной партией бутылок с виски, бренди и разными настойками.

Он убрал запас алкоголя с полки и, наклонившись вперед, нажал на вертикальную деревянную панель одетыми в белые перчатки руками. Что-то щелкнуло, и панель отъехала в сторону с мягким скрежетом.

Улисс отступил в сторону, безмолвно приглашая Джейми посмотреть в нишу. Джейми приподнял одну бровь и наклонился вперед, глядя в тайник. В кладовке было темно. Слабый свет сочился лишь сквозь узкие подвальные окна под потолком, которые опоясывали кухню.

– Там пусто, – сказал Джейми.

– Да, сэр. А не должно быть, – голос Улисса звучал тихо и уважительно, но твердо.

– Что там было? – спросила я, выглядывая из кладовой, чтобы убедиться, что нас не подслушивают. Кухня выглядела, как будто здесь недавно взорвалась бомба, но внутри был только мойщик посуды, слабоумный мальчик, который чистил кастрюли, напевая себе под нос.

– Часть золота, – тихо отозвался Улисс.

Французское золото, которое Гектор Кэмерон привез из Шотландии – десять тысяч фунтов в золотых слитках с печатью в виде королевской геральдической лилии, – было основой благосостояния Риверана. Но, разумеется, это мало кому было известно. Сперва Гектор, а после его смерти Улисс брали слитки и превращали металл в маленькие анонимные кучки золотых щепок. Их переправляли на речные склады, а иногда для дополнительной безопасности в портовые города – Эдентон, Уилмингтон или Нью-Берн. Там золото осторожно, небольшими, не вызывающими вопросов, партиями обменивали на наличные или складские свидетельства, которые можно было свободно использовать где угодно.

– Здесь оставалось около половины слитка, – сказал Улисс, кивая на нишу. – Я обнаружил пропажу несколько месяцев назад. С той поры я, разумеется, нашел новое место для тайника.

Джейми посмотрел на нишу, а потом на Улисса.

– Где остальное?

– В сохранности. По крайней мере, было в сохранности в прошлый раз, когда я проверял, сэр.

Основная часть золота была спрятана в мавзолее Гектора Кэмерона, его хранили в гробу, где его предположительно охранял дух Гектора. Кроме Улисса, об этом могли знать еще один или двое рабов, но страха перед призраками было достаточно, чтобы люди держались от усыпальницы подальше. Я вспомнила дорожку соли на земле перед мавзолеем и поежилась, несмотря на удушающую жару в подвале.

– Сегодня, конечно, у меня не было возможности проверить, – добавил дворецкий.

– Нет, разумеется, нет. Дункан знает? – Джейми кивнул на нишу, и Улисс кивнул в ответ.

– Украсть мог кто угодно. Так много людей бывает в этом доме... – Дворецкий почти незаметно пожал массивными плечами. – Но теперь, когда снова явился этот человек с моря, на все это можно посмотреть в ином свете, так ведь, сэр?

– Да, ты прав. – Секунду Джейми обдумывал услышанное, постукивая пальцами по ноге.

– Что ж. Тебе ведь придется остаться ненадолго, саксоночка, да? Чтобы присмотреть за тетиним глазом?

Я кивнула. Если рассчитывать на то, что мое грубое вмешательство не выльется в инфекцию, то для самого глаза я не могла сделать практически ничего. Но за ним надо было наблюдать, держать в чистоте и регулярно орошать, пока не будет уверенности, что рана зажила.

– Значит, мы ненадолго задержимся, – сказал он, поворачиваясь к Улиссу. – Я отправлю Багов назад на Ридж решать проблемы в мое отсутствие и позаботиться о жатве. А мы остаемся и присмотрим за всем тут.

* * *

Дом был полон гостей, но я спала в будуаре Иокасты, чтобы при необходимости прийти на помощь. Спавшее благодаря моим усилиям давление внутри глаза сняло мучительную боль, и она крепко уснула, все жизненные показатели были в норме, и этот факт позволил мне расслабиться в своей постели.

Однако, зная, что на моем попечении пациент, я спала некрепко, периодические просыпаясь, чтобы заглянуть к ней в комнату. Дункан спал на сундуке перед кроватью, потерянный для мира после утомительных событий прошедшего дня. Я услышала его тяжелое дыхание, когда наклонилась к очагу, чтобы зажечь свечу.

Иокаста по-прежнему крепко спала, лежа на спине с руками, изящно сложенными поверх одеяла, и откинутой на подушки головой; ее длинный нос и аристократическая поза делали ее похожей на надгробья в базилике Сен-Дени. Ей не хватало только короны и свернувшейся в ногах маленькой собачки.

Я улыбнулась при мысли о том, какие странные совпадения рождают гены: Джейми спал точно так же – на спине с руками, скрещенными на одеяле, прямой как стрела. А вот Брианна – нет, она с детства засыпала в самых разнообразных позах. Как я. Эта мысль принесла мне неожиданное чувство удовлетворения. Конечно, я знала, что она кое-что унаследовала от меня, но она так сильно походила на Джейми, что я всегда удивлялась, находя в ней свои черты.

Я задула свечу, но не вернулась в постель. В будуаре я спала на раскладной кровати Федры, но комната была маленькая и в ней не хватало воздуха. От жары и выпитого алкоголя у меня разболелась голова, а язык превратился в наждачную бумагу. Возле кровати Иокасты стоял графин, но он оказался пустым.

Не было необходимости снова зажигать свечу, в коридоре еще горел один из канделябров, и приглушенный свет очерчивал дверь в комнату. Я открыла ее и выглянула в холл. Коридор был усеян лежащими телами – слуги спали перед дверями спален; воздух мягко вибрировал от храпа и тяжелого дыхания спящих и засыпающих людей.

В конце холла, повернувшись к высокому окну и глядя в сторону реки, стояла одинокая бледная фигура. Она должна была услышать меня, но не обернулась. Я подошла ближе и тоже посмотрела в окно. На Федре была только нижняя рубашка, волосы, свободные от платка, падали густой темной массой ей на плечи. Для рабыни редкость иметь такие волосы, подумалось мне. Большинство женщин коротко остригали, волосы прятали под тюрбаном или платком, обычно не было времени, да и щеток, чтобы ухаживать за ними. Но Федра была камеристкой, должно быть, у нее находилось немного свободного времени и, по крайней мере, имелась расческа.

– Хочешь свою кровать назад? – спросила я тихонько. – Я пока не буду спать, а потом могу лечь на диване.

Она посмотрела на меня и покачала головой.

– О нет, мэм, – ответила она мягко. – Спасибо большое, но я не хочу спать. – Она заметила графин у меня в руках и потянулась к нему. – Давайте я принесу вам воды, мэм.

– Нет, я сама. Мне нужно подышать воздухом, – но я осталась стоять рядом с ней, глядя в окно.

Была дивная ночь: небо над рекой усеивали низко висящие яркие звезды, бледная серебристая нить прокладывала путь сквозь тьму. Тонкий серп луны застыл недалеко от земли, готовый через несколько часов ухнуть за горизонт; за рекой, между деревьями горело несколько костров.

Окно было открыто, и насекомые залетали внутрь; небольшое облако кружило вокруг свечи в подсвечнике за нами, крохотные крылатые создания касались моих лица и рук. Пели

сверчки, которых было так много, что пение сливалось в один высокий протяжный звук, будто кто-то водил смычком по струнам.

Федра потянулась, чтобы прикрыть окно, – спать с открытыми окнами считалось нездоровым, и, учитывая многочисленные болезни, переносимые москитами в этом влажном болотистом воздухе, скорее всего, так оно и было.

– Мне показалось, я что-то слышала. Там, – сказала она и кивнула на темноту под окнами.

– О? Должно быть, это мой муж, – сказала я. – Или Улисс.

– Улисс? – удивленно переспросила она.

Джейми, Йен и Улисс организовали ночной патруль и, без сомнения, были где-то там, в ночи, кружили вокруг дома и на всякий случай приглядывали за мавзолеем Гектора. Не зная ничего ни о пропавшем золоте Иокасты, ни о таинственном незнакомце, Федра, конечно, не могла знать и о принятых мерах безопасности, но она чувствовала, что что-то происходит, как это всегда чувствуют рабы, – несомненно, инстинкт заставил ее подняться и выглянуть из окна.

– Они просто держат ухо востро, – сказала я так убедительно, как только могла. – Тут сегодня так много людей...

Макдональды уехали на ночь на плантацию Фаркуарда Кэмпбелла, а с ними и добрая половина гостей, но многие остались в Риверане.

Федра кивнула, но выглядела встревоженной.

– Я просто чувствую, что что-то не в порядке, – сказала она. – Не знаю, что.

– Глаз твоей хозяйки... – начала я, но она покачала головой.

– Нет. Нет. Я не знаю, но это что-то в воздухе, вокруг – я это чувствую. Не только сейчас, сегодня... Что-то происходит. Что-то грядет. – Она беспомощно посмотрела на меня, не в силах выразить свои ощущения, но я поняла, почувствовала, что она имеет в виду.

Это могла быть отчасти взвинченность от приближающегося конфликта. Его и правда можно было почуять в воздухе. А могло быть нечто иное – нечто скрытое, едва ощутимое, но реальное, как смутная тень морского змея, которая промелькнула в глубине всего на секунду, но осталась в легендах.

– Моя бабушка, ее привезли из Африки, – тихо сказала Федра, глядя в ночь. – Она говорила с костями. Они могут сказать, когда плохие вещи близятся.

– Правда? – В этом тихом воздухе, в котором были слышны только ночные звуки и столько людей спали вокруг, ее слова прозвучали почти обыденно, уместно. – Она учила тебя... говорить с костями?

Девушка покачала головой, но угол ее рта приподнялся, и на лице появилось лукавое, заговорщицкое выражение. Я подумала, что она наверняка знает больше, чем хочет говорить.

В голову пришла непрошенная мысль. Я не знала, какое отношение Стивен Боннет может иметь к настоящим событиям, – он совершенно точно не мог быть мужчиной из прошлого Иокасты, да и тихая кража была не в его стиле. Но он мог догадываться, что где-то в Риверане есть золото, и судя по тому, что Роджер рассказал нам о встрече Федры с крупным ирландцем в Кросс-Крике...

– Тот ирландец, которого ты встретила, когда была с Джемми, – начала я, поудобнее перехватывая скользкую ручку графина, – ты больше его не видела?

Она посмотрела на меня с удивлением: Боннет явно был последним, о ком она думала.

– Нет, мэм, – сказала она. – Больше я его не видела. – Она подумала секунду, чуть прикрыв большие глаза. Ее кожа была цвета крепкого черного кофе с каплей сливок, а волосы... Где-то в ее семейном древе затесался кто-то из белых.

– Нет, мэм, – повторила она и перевела свой тревожный взгляд обратно в безмолвную ночь, к плывущему за горизонт месяцу. – Я только знаю, что что-то неладно.

Снаружи, у конюшни, закричал петух – неуместный и потусторонний звук в темноте.

Глава 55

Вендиго

20 августа, 1774

Утренний свет в комнате был идеальным.

– Мы начали с этой комнаты, – сказала Иокаста своей внучатой племяннице, подняв лицо навстречу солнечному свету, льющемуся через раскрытую двойную дверь, ведущую на террасу; невидящие глаза скрылись за опущенными веками. – Я хотела, чтобы у меня была комната, где я смогу рисовать, и я выбрала это место, где будет много прозрачного утреннего света, чистого и тихого, как озерная вода в летний полдень. А потом мы построили дом вокруг, начиная отсюда.

Руки старой женщины, по-прежнему сильные, с длинными пальцами, коснулись мольберта, палитры и кистей с нежной печалью, как будто она ласкала статую давно умершего возлюбленного, – в этом прикосновении сквозила страсть, но вместе с ней и смиренное принятие того, что она в прошлом.

Брианна, держа в руках альбом для набросков и карандаш, рисовала так быстро и так незаметно, как только могла, пытаясь передать на бумаге это выражение прожитой скорби. Набросок скоро окажется в ее сундуке с другими рисунками и будет ждать того дня, когда она сможет придать ему более законченную форму и запечатлеть безжалостный утренний свет и глубоко залегшие морщины на лице ее тети, будто обнажившиеся на солнце, которого она не могла увидеть, сильные кости под тонкой кожей.

Как бы там ни было, сейчас рисование было скорее деловым занятием, чем любовью к искусству. Со дня барбекю в честь Флоры Макдональд ничего подозрительного не случилось, но ее родители хотели задержаться еще немного. На всякий случай. Поскольку Роджер по-прежнему был в Шарлотте – он писал ей, письмо было спрятано на дне сундука с остальными набросками – то у нее не было причин спешить домой. Узнав о том, что она остается в Риверане на какое-то время, двое или трое знакомых Иокасты, богатых плантаторов, заказали семейные и личные портреты; это был неплохой источник дохода.

– Никогда не пойму, как ты это делаешь, – сказал Йен, кивая на холст на мольберте. – Это невероятно!

Откровенно говоря, Брианна и сама не понимала, как она это делает; да это было и неважно. Примерно так она раньше и отвечала на похожие комплименты, но скоро поняла, что люди принимают ее реакцию либо за ложную скромность, либо за снисхождение. Поэтому она просто улыбнулась Йену, позволяя удовольствию, которое она ощущала от его восхищения, засветиться на ее лице.

– Когда я была ребенком, папа брал меня на прогулки по парку Коммон, и мы часто видели там пожилого мужчину, который рисовал с натуры. Я просила папу остановиться, чтобы посмотреть, и они с мужчиной разговаривали. Обычно я просто разглядывала его работу, но однажды мне хватило смелости спросить его, как он это сделал. Он опустил на меня взгляд, улыбнулся и сказал: «Единственная хитрость, милая, это видеть то, на что ты смотришь».

Йен перевел взгляд с Брианны на картину, а потом обратно, как будто сравнивая портрет с рукой, которая его сотворила.

– Твой папа, – обронил Йен с любопытством. Он понизил голос, поглядывая на дверь, ведущую в холл, оттуда слышались голоса, но не слишком близко. – Ты ведь имеешь в виду не дядю Джейми?

– Нет. – Она ощутила знакомый укол боли при мысли о своем первом отце, но постаралась не думать об этом. Брианне не претила мысль рассказать о нем Йену, но не здесь и не

сейчас – с рабами, снующими вокруг, и бесконечным потоком посетителей, которые могли войти в любую минуту.

– Смотри. – Она оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что рядом никого не было, но рабы громко переговаривались в прихожей, споря о потерянной обувной щетке. Брианна приподняла крышку от небольшого отдела, где хранила запасные кисти, и запустила руку под полоску войлока, которым были выложены стенки.

– Что думаешь? – Она держала перед ним две миниатюры, по одной в каждой руке.

Выражение ожидания у него на лице сменилось неприкрытым интересом, и он деликатно коснулся изображений.

– Будь я проклят, – сказал он. На одной миниатюре была Клэр с длинными выющимися волосами, рассыпанными по обнаженным плечам, маленький твердый подбородок уверенно приподнят, чуть искажая мягкую линию рта.

– Глаза... Не уверена, что мне удалось их правильно передать, – сказала она, глядя на руку Йена. – Поверхность такая маленькая... Я не смогла правильно подобрать цвет. С папиными было гораздо легче.

Голубые вообще были проще. Немного кобальта, подчеркнутого белилами, и легкая зеленая тень, которая делала голубой ярче, оставаясь при этом почти незаметной... И к тому же это был папа. Сильный, четкий, прямой.

Получить действительно глубокий и сложный коричневый, не говоря уж об оттенке, который хотя бы отдаленно напоминал дымчатый топаз глаз ее матери – всегда ясных, но переменчивых, как свет, отражающийся в форелевом ручье с коричневатым торфяным дном, – можно было только с основательным мазком, какого нельзя было сделать на миниатюре. Нужно было попробовать еще раз, с портретом побольше.

– Похожи, как думаешь?

– Удивительно! – Йен перевел взгляд с одной миниатюры на другую, а потом аккуратно убрал портрет Клэр на место. – Твои родители их уже видели?

– Нет. Я хотела убедиться, что они действительно хороши, прежде чем показывать кому-либо. Но если это так, думаю, я смогу показывать их людям, которые приходят позировать, и, может, получу больше заказов на миниатюры. Над ними я могу работать и дома, на Ридже, – мне нужен только небольшой рисовальный набор и диски из слоновой кости. Рисовать можно с эскизов, я смогу обойтись без моделей.

Она коротко, как бы объясняя, махнула в сторону большого полотна, над которым работала, – с него смотрел Фаркуард Кэмпбелл в своем лучшем костюме, отчасти напоминающий чучело хорька, его окружали многочисленные внуки и правнуки, многие из которых пока представляли из себя белые пятна. План Брианны состоял в том, чтобы матери приводили маленьких детей по одному, а она на скорую руку набрасывала их черты и фигуры в отведенном на холсте месте, прежде чем маленькие модели успеют заскучать или завопить от возмущения.

Йен посмотрел на холст, но быстро вернулся к миниатюрам ее родителей. Он стоял, глядя на них, и легкая улыбка играла на его длинном нескладном лице. Вдруг заметив, что за ним наблюдают, он настороженно поднял на нее глаза.

– О нет. Ты же не...

– Да брось, Йен, дай мне просто сделать набросок, – попыталась Бри задобрить его. – Обещаю, это не больно.

– Ага, это ты так думаешь, – ответил он, начиная пятиться назад, как будто карандаш у нее в руках превратился в оружие. – Кайенкехака думают, что владение чьим-то образом позволяет иметь власть над этим человеком. Поэтому врачи носят фальшивые лица – так демоны, приносящие болезнь, не увидят их истинного облика и не будут знать, кому вредить.

Это было сказано так серьезно, что она подозрительно прищурилась в ответ, чтобы проверить, не шутит ли он. Но он, похоже, не шутил.

– Ммм. Йен... Мама ведь объясняла тебе про бактерии, да?

– Ай, объясняла, конечно, – ответил он тоном, демонстрирующим, что доводы Клэр его не убедили. – Она показывала мне эти плавучие штуки, которые вроде как живут у меня на зубах! – Он сморщился от отвращения и тут же вернулся к предыдущей теме. – Однажды в деревню пришел французский путешественник, философ-натуралист; у него были с собой рисунки птиц и зверей – индейцев это потрясло, – но потом он совершил ошибку, предложив нарисовать портрет жены вождя. Я едва успел вывести его из деревни целым.

– Но ты не могавк, – терпеливо сказала Бри, – а даже если бы был им, ты ведь не боишься, что у меня будет над тобой власть?

Он вдруг резко выпрямился и бросил на Брианну странный пронизывающий взгляд, который прошел сквозь нее, будто нож сквозь мягкое масло.

– Нет, – ответил он. – Нет, конечно, нет, – но в его голосе звучало не намного больше уверенности, чем когда он говорил о бактериях.

Как бы там ни было, он двинулся в сторону стула, предназначенного для тех, кто позировал, – он стоял там, куда падал яркий дневной свет из дверей, выходящих на террасу, – и сел, приподняв подбородок и решительно сжав челюсти, как будто приготовившись к грядущей казни.

Сдерживая улыбку, Брианна снова взялась за альбом, рисуя так быстро, как только могла, чтобы он не успел передумать. Рисовать Йена было непросто – его чертам не хватало четких, будто вырезанных линий, которыми обладали Роджер и ее родители. И все же его лицо нельзя было назвать мягким, даже если не считать узоров татуировок, ползущих от переносицы по щекам.

Он был молод и свеж, но жесткая линия рта – она была чуть изогнута, заметила Бри с интересом; и как она не видела этого раньше? – принадлежала кому-то другому, кому-то много старше; губы обрамляли две отчетливые линии, которые станут глубже с возрастом, но уже сейчас они были прорезаны довольно заметно.

Глаза... она почти отчаялась передать их правдиво. Большие и карие, они были его единственной претензией на красоту, и все же «красивые» – это последнее определение, которое можно было им дать. Как и большинство глаз, они были сложного цвета – в них светились оттенки осени, влажной темной земли, блестящих дубовых листьев и заходящего солнца на сухой траве.

Этот цвет был вызовом, но таким, который она бы рискнула принять. Но выражение... Оно мгновенно менялось с беспечно-дружелюбного, едва ли не переходящего в слабоумное, на такое, с владельцем которого не хотелось бы встретиться ночью в темном переулке.

Сейчас лицо Йена было где-то между этих двух полюсов, но внезапно перешло ближе к последнему, когда его взгляд остановился на дверях за ее спиной и тем, что происходило на террасе. Она удивленно оглянулась через плечо. Там кто-то был, она поймала край – его или ее – тени, но человек, отбрасывающий ее, держался вне поля зрения. И этот кто-то начал неуверенно насвистывать легкую мелодию.

Секунду назад все было нормально, но мир вдруг пошатнулся. Пришелец насвистывал «Yellow Submarine»¹⁵. Кровь вдруг отхлынула от ее головы, она качнулась и ухватилась за ближайший стол, чтобы удержаться от падения. Бри смутно различила, что Йен, словно кошка, поднялся со стула, схватил один из ее мастихинов¹⁶ и беззвучно скользнул из комнаты в холл. Ее руки онемели и стали ледяными, как и губы. Она попыталась просвистеть припев в ответ, из ее губ вышел один лишь воздух. Выпрямившись, она взяла себя в руки и пропела несколько слов. Мелодия едва давалась ей, но в словах нельзя было усомниться.

¹⁵ Популярная песня группы Beatles.

¹⁶ Тонкая упругая лопаточка, которой художник наносит грунт на полотно и удаляет лишнюю краску.

Свист прекратился, на террасе воцарилась мертвая тишина.

– Кто ты? – спросила она отчетливо. – Выходи.

Тень медленно удлинилась, обнаруживая львиную гриву на месте головы, сквозь кудри лился солнечный свет, сияя на плитках террасы. Сама голова несмело высунулась из-за угла возле дверей. Она с удивлением обнаружила, что это был индеец, хотя одежда была в основном европейской и сильно изношенной, не считая ожерелья из вампума. Он был худой и грязный, с глубоко посаженными глазами, напряженно застывшими на ней с неким благоговением.

– Ты тут одна, подруга? – спросил он хриплым шепотом. – Мне показалось, я слышал голоса.

– Как видишь, одна. Ты кто, черт побери, такой?

– Э... Вендиго. Вендиго Доннер. А твое имя Фрэзер, так? – Он несмело зашел в комнату, настороженно глядя по сторонам.

– Это мое девичье имя, да. А ты... – Она замолчала, не зная, как спросить.

– Да, – отозвался он мягко, небрежно оглядывая ее сверху вниз в манере, какой не позволил бы себе ни один мужчина восемнадцатого века в отношении леди. – Значит, это ты? Ты ее дочь, должна быть ей. – Он говорил настойчиво, придвигаясь все ближе.

Она почти наверняка знала, что он не собирался причинять ей вреда, просто был очень заинтересован. Йен, однако, решил не ждать развязки – в дверях стремительно мелькнула тень, и он уже держал Доннера сзади, индейский тревожный клич застрял у пленника в горле, прегражденный рукой, пережимавшей шею, кончик мастихина опасно упирался в кожу под ухом.

– Кто ты такой, задницы кусок, и чего тебе надо? – потребовал Йен объяснений, усиливая хватку на шее Доннера. Глаза индейца полезли из орбит, и он стал издавать короткие мяукающие звуки.

– Как он должен отвечать, если ты его душишь?

Этот призыв к разуму заставил Йена неохотно ослабить хватку. Доннер закашлялся, нарочито хватаясь за горло, и бросил на Йена неприязненный взгляд.

– В этом нет нужды, приятель. Я ничего такого не делал. – Глаза Доннера бегали, переходя с Йена на Бри. Он кивнул в его сторону: – А он?..

– Нет, но он знает. Сядь. Ты встретил мою маму, когда она... Когда ее похитили, так?

В ответ на это кустистые брови Йена подпрыгнули вверх, и он сжал ладонь на мастихине, который был довольно гибким, но имел острый кончик.

– Да. – Доннер осторожно опустил на стул, настороженно поглядывая на Йена. – Я почти попался. Твоя мама, она сказала мне, что у ее старика крутой нрав и мне лучше убраться, пока он не пришел за ней, но я не поверил. Почти не поверил. Но потом, когда я услышал барабаны, блин, я понял, что дело плохо, и свалил, пока там не стало горячо. – Он сглотнул, лицо его было бледным. – Я вернулся утром. Господи, ребята...

Йен пробормотал что-то себе под нос, Брианне показалось, что на могавке. Это звучало крайне недружелюбно, и Доннер очевидно разобрал достаточно, чтобы отодвинуться вместе со стулом подальше и ссутулить плечи.

– Эй, приятель, я ей ничего не сделал, лады? – Он умоляюще посмотрел на Брианну. – Не сделал! Я хотел помочь ей сбежать – спросите ее, она подтвердит! Только вот Фрэзер и его люди пришли прежде, чем я успел. Боже, зачем бы я стал вредить ей? Она первая, кого я здесь нашел, она была мне нужна!

– Первая? – спросил Йен, хмурясь. – Первая...

– Первая... путешественница, он имеет в виду, – сказала Брианна. Ее сердце сильно билось. – Зачем она была тебе нужна?

– Чтобы рассказать, как вернуться... обратно. – Он снова сглотнул, рука потянулась к ожерелью из вампума на шее. – Ты... Ты прошла через камни или родилась здесь? Наверное, прошла, – добавил он, не дожидаясь ответа. – Они здесь не вырастают такими высокими,

как ты. Маленькие девчонки. Я люблю высоких. – Он улыбнулся с выражением, которое явно задумывалось как игривое.

– Я прошла, – коротко ответила Брианна. – Какого черта ты тут делаешь?

– Пытаюсь подобраться достаточно близко, чтобы поговорить с твоей матерью. – Он тревожно оглянулся через плечо; в кухонном огороде разговаривали рабы, их было слышно отсюда. – Я прятался с чероки какое-то время, потом решил вернуться на Ридж, когда стало безопасно, но старая леди оттуда сказала, что вы все здесь. Чертовски длинная прогулка, скажу я тебе, – добавил он, морщась от неприятных воспоминаний. – Но потом громадный черный парень дважды вышвыривал меня отсюда. Видно, я не проходил по дресс-коду. Но я видел ее говорящей с тобой на террасе и слышал, как ты назвала ее мамой. Ну и по тому, что ты такая высокая, я понял, что ты наверно... Ну, в общем, что, если ты не подхватишь песню, попытка не пытка.

– Значит, ты хочешь вернуться туда, откуда пришел? – спросил Йен. Он явно считал, что это блестящая идея.

– О да, – жарко отозвался Доннер. – Да!

– Как ты пришел? – спросила Брианна. Шок от его появления постепенно сменялся любопытством. – Через Шотландию?

– Нет. Ты прошла там? – жадно спросил он. Едва дождавшись ее кивка, он продолжил: – Твоя мама сказала, что она пришла, потом вернулась назад и снова пришла сюда. Вы все можете ходить туда-обратно, типа как с вращающейся дверью?

Брианна решительно замотала головой, от воспоминаний ее пробрал озноб.

– Боже, нет. Это ужасно и очень опасно, даже с драгоценным камнем.

– Драгоценным камнем? – Он зацепился за это. – Нужен камень, чтобы получилось?

– Не обязательно, но, похоже, что он дает некоторую защиту. Еще, видимо, их можно использовать, чтобы вроде как управлять... процессом, но мы не знаем наверняка. – Она замялась, разрываясь между любопытством и необходимостью позвать Клэр. – Йен, можешь привести маму? Думаю, она в огороде с Федрой.

Ее кузен бросил на гостя пронизывающий подозрительный взгляд и покачал головой.

– Я не оставлю тебя одну с этим парнем. Ты иди, а я за ним слежу.

Она бы поспорила, но опыт общения с шотландскими мужчинами научил ее распознавать непреодолимое упрямство, когда она имела с ними дело. Кроме того, Доннер смотрел на нее таким взглядом, который заставлял ее ощущать легкий дискомфорт, – она поняла, что он смотрел на ее руку, на неограниченный рубин в ее кольце. Она была в целом уверена, что сможет дать ему отпор в случае чего, и все же...

– Я мигом вернусь, – сказала она, торопливо засовывая забытую кисть в чашку со скипидаром. – Никуда не уходи.

* * *

Я была шокирована, но меньше, чем можно было ожидать. Я чувствовала, что Доннер выжил. Надеялась на это, несмотря ни на что. Тем не менее эта встреча в утренней комнате Июкасты заставила меня онеметь. Он говорил, когда я вошла, но остановился, увидев меня. Он не поднялся – что было естественно, – но и не выказал никаких эмоций по поводу того, что я по-прежнему жива; просто кивнул и продолжил прерванный монолог.

– Остановить белых. Спасти наши земли, спасти наших людей.

– Но ты выбрал неподходящее время, – сказал Брианна. – Слишком поздно.

Доннер бросил на нее угрюмый взгляд.

– Я все выбрал верно. Я должен был прийти в 1766-м и пришел. – Он зло ударил себя по голове основанием ладони. – Черт, и что со мной было не так?

– Врожденный идиотизм? – вежливо предположила я, снова обретая способность говорить. – Либо это, либо галлюциногены.

Пустой угрюмый взгляд немного ожил, и он дернул углом рта.

– О да, подруга. Такое было.

– Но если ты пришел в 1766-м, как собирался, – запротестовала Бри, – как насчет Роберта Спрингера, Зуба Выдры? Если верить истории, которую мама слышала о нем, он должен был предупредить коренные племена о белых и предотвратить колонизацию. Только он пришел слишком поздно; это при том, что он явился за сорок или пятьдесят лет до тебя.

– План был другим! – взорвался Доннер. Он поднялся, запустив обе руки в пышную копну, и возбужденно ерошил волосы, превращая свою шевелюру в ежевичный куст. – Боже, нет!

– Значит, другим? Каким тогда, черт побери, был ваш план? – спросила я. – У вас ведь он был.

– Да, был! – Он уронил руки, оглядываясь вокруг, как будто в страхе быть услышанным, и облизнул губы.

– Боб хотел сделать, что ты говоришь, только другие сказали, что это не сработает. Слишком много разных групп, большой соблазн торговать с белыми... Просто нет шанса, что это сработает, понимаешь? Мы не могли совсем остановить происходящее, но могли сделать историю лучше.

Официальный план группы был не особенно масштабным. Путешественники должны были прибыть в 1760-е и в течение последующих десяти лет среди хаоса и замешательства – после окончания войны между французами и индейцами племени начали кочевать с места на место, образуя новые поселения, – внедриться в индейские группы вдоль линии соглашения и выше, на канадской территории.

После этого при помощи дара убеждения они планировали склонить индейцев на сторону британцев в грядущей революции, чтобы обеспечить англичанам победу.

– Понимаете, англичане обращаются с индейцами как с суверенными нациями, – начал он с рвением, обнаруживающим хорошо заученную теорию. – Они победят, продолжат торговать и всякое такое – это хорошо, – но они не станут вытеснять и выселять индейцев. Колонисты, – он с пренебрежением махнул в сторону открытой двери, – эти жадные ублюдки вгрызались в индейские земли последнюю сотню лет, и они не остановятся.

Бри подняла брови, но я видела, что идея показалась ей интригующей. Очевидно, это было не настолько безумно, насколько это звучало.

– Как вы могли думать, что преуспеете? – требовательно спросила я. – Всего несколько человек... Господи, – прервалась я, увидев его изменившееся лицо. – Иисус твою Рузвельт Христос, вы были не единственными?

Доннер безмолвно покачал головой.

– Сколько? – спросил Йен. Его голос звучал спокойно, но я видела, что он напряженно сцепил ладони на коленях.

– Я не знаю. – Доннер внезапно опустился на стол и сник, как мешок с зерном. – Всего было вроде около двухсот или трехсот человек, но большинство из них не слышали камни. – Он приподнял голову и посмотрел на Брианну. – А ты слышишь?

Она кивнула и сдвинула медные брови.

– Но ты считаешь, что были еще... путешественники... кроме тебя и твоих друзей?

Доннер беспомощно пожал плечами:

– Я думал, что были, да. Но Роберт сказал, что только пятеро могут пройти одновременно, поэтому мы тренировались в связках по пять человек. Мы все держали в секрете, никто из большой группы не знал, кто сможет путешествовать, а кто нет. Роберт был единственным, кто знал обо всех.

Я должна была задать этот вопрос.

– Как Роберт выглядел? – Подозрение гнезилось где-то на периферии сознания с тех пор, как я услышала это имя.

Доннер удивленно моргнул – он не ожидал такого вопроса.

– Блин, я не знаю, – сказал он беспомощно. – Низкий такой чувак. Белые волосы. Длинные, у нас у всех они были длинные. – Он запустил руку в свои запутанные патлы в подтверждение и задумчиво нахмурился.

– Довольно... широкий... лоб? – Я знала, что нельзя было подсказывать, но ничего не смогла с собой поделать и приложила два указательных пальца к бровям в качестве иллюстрации.

Он растерянно смотрел на меня несколько мгновений.

– Слушай, я не помню, – сказал он, беспомощно качая головой. – Это было давно. Как я могу такое помнить?

Я вздохнула.

– Что ж, тогда расскажи мне, что произошло, когда ты прошел через камни.

Доннер облизнул губы, часто моргая в попытке вспомнить детали. Я видела, что его медлительность не имела отношения к тупости, ему просто не нравилось об этом думать.

– Да. Ну, как я сказал, нас было пятеро. Я, Роб, Джереми и Атта. О, еще Джоджо. Мы прошли на острове, и...

– На каком острове? – хором спросили я, Брианна и Йен.

– Окракок, – ответил он с удивленным видом. – Это самый северный портал в архипелаге Бермудского треугольника. Мы хотели быть как можно ближе к...

– Бер... – начали мы с Брианной, но остановились, глядя друг на друга.

– Ты знаешь место, где есть несколько таких порталов? – спросила я, пытаюсь звучать спокойно.

– Сколько их там? – вклинилась Брианна, не дожидаясь ответа.

Ответ, однако, оказался довольно пространственным, в чем не было ничего удивительного. Роберт сказал им, что в мире есть много таких мест и что порталы обычно стоят группами. Одна была на Карибах, еще одна на северо-востоке, возле канадской границы. Другая в юго-западной пустыне – в Аризоне, еще одна где-то в Мексике. Порталы были в Северной Британии и на побережье Франции, на краю Иберийского полуострова. Наверное, были еще, но это все, что он упомянул.

Не все порталы были отмечены каменными кругами, но они часто оказывались там, где люди обосновались много веков назад.

– Роберт говорил, что это безопаснее, – сказал он, пожимая плечами. – Не знаю почему.

Портал на Окракоке не был окружен полным кругом камней, но был отмечен. Четыре камня, сказал он. На одном были знаки, которые Роберт определил как африканские, – возможно, они были сделаны рабами.

– Они вроде как в воде, – сказал Доннер, пожимая плечами. – В смысле, через них течет небольшой ручей. Роб сказал, что не знает ничего про воду, есть ли с ней какая-то разница, но он думал, что может быть. Вы, ребята, не в курсе?

Мы с Брианной покачали головами, глядя на него круглыми глазами, как пара сов. Йен, который и прежде хмурился, сдвинул брови еще сильнее. Мог ли он что-то такое слышать за то время, что провел с Гейлис Дункан?

Впятером – плюс Роберт – они доехали на машине так далеко, насколько это было возможно. Дорога, ведущая к Внешним Отмелям, была в плохом состоянии, ее часто смывало штормами, поэтому пришлось бросить машину в нескольких милях от пункта назначения и пробираться пешком через низкорослые прибрежные сосны и неожиданные участки с зыбучими песками. Стояла поздняя осень...

– Самайн¹⁷, – тихо проговорила Брианна, не отвлекая Доннера от рассказа.

Поздняя осень, погода была плохой. Дождь лил, не переставая, уже несколько дней, земля под ногами была скользкой, ненадежной и местами топкой. Дул сильный ветер, на пляжах бушевал шторм, они слышали его рев даже в том укромном месте, где стоял портал.

– Мы все были напуганы, кроме, быть может, Роба, но, черт, это было захватывающе, – сказал он с проблеском энтузиазма. – Деревья практическигнулись к земле, а небо... оно позеленело. Ветер дул так сильно, что мы чувствовали в нем соль – перемешанные с дождем, до нас долетали океанские брызги. И мы промокли до самых трусов.

– До чего? – спросил Йен, нахмурившись.

– До нижнего белья. Ну, знаешь, до панталон, – ответила Брианна, нетерпеливо махая рукой. – Продолжай.

Как только они прибыли на место, Роберт проверил путешественников на предмет наличия всего необходимого – огнива, табака, денег из того времени, – а потом выдал каждому ожерелье из вампума и по небольшому кожаному мешочку с ритуальными травами – это были амулеты.

– О, ну ты об этом знаешь, – сказал он, заметив мое выражение лица. – А ты какие использовала?

– Я не использовала амулеты, – ответила я, не желая, чтобы он отвлекался. – Продолжай. Как вы планировали попасть в нужное время?

– О, ну... – отозвался он, ссутулившись на своем стуле. – Мы не планировали. Роб сказал, что мы попадем примерно на двести лет назад плюс-минус два года. Мы не могли управлять путешествием – я думал, вы, ребята, что-то про это знаете. Ну, как попасть в определенное время. Потому что, черт возьми, я страшно хочу вернуться назад, к тем временам, когда я еще не связался с Рэем.

Под управлением Роба они в определенном порядке обошли камни, произнося какие-то слова. Доннер понятия не имел ни что они значили, ни что за язык это был. В конце ритуала они по одному должны были пройти к камню с африканскими символами, осторожно обходя его слева.

– И потом – бум! – Он ударил кулаком по открытой ладони второй руки. – Первый в очереди просто исчезает! Прикинь! Мы все были в шоке. То есть так и должно было случиться, но... исчез, понимаете? – повторил он, качая головой. – Просто исчез.

Взбурдаженные эффективностью ритуала, они повторяли маршрут и заклинание, и при каждом повторении первый в очереди к камню исчезал. Доннер был четвертым.

– Господи, – сказал он, бледнея при воспоминании. – Господи, я никогда не ощущал ничего подобного, и, надеюсь, мне не придется в будущем.

– Амулет – этот мешочек, который у тебя был, – начала Брианна, игнорируя его волнение, – что с ним случилось?

– Не знаю. Может, я его уронил, может, еще что. Я отключился, а когда пришел в себя, его не было. – Несмотря на теплый пригожий день, Доннер задрожал. – Джоджо. Он был со мной. Только мертвый.

Эта последняя фраза оглушила меня, как удар ножом прямо под ребра. В дневниках Гейлис Дункан были списки людей, найденных возле камней живыми и мертвыми. Мне не нужно было доказывать, что путешествие сквозь камни – рискованное предприятие, но это напоминание заставило меня ощутить дурноту, и я опустила на обитую тафтой оттоманку Иокасты.

– Остальные, – сказала я, пытаюсь унять дрожь в голосе. – Они...

¹⁷ Кельтский праздник окончания уборки урожая. Знаменовал собой окончание одного сельскохозяйственного года и начало следующего. Длилось празднество семь суток (по трое суток до и после самого Самайна).

Он покачал головой. Доннера бил озноб, но на лице блестел пот – он выглядел нездоровым.

– Никогда их больше не видел, – выдавил он.

Доннер не знал, что убило Джоджо. Он не задержался, чтобы разобраться, хотя смутно помнил, что на его рубашке было что-то вроде прожженных отметин. Найдя друга мертвым и обнаружив, что остальных там нет, он в панике кинулся сквозь густой хвойник и эстуарные болота. Через пару часов беспорядочного брожения он выбился из сил и провел ночь, лежа в песчаных дюнах среди жесткой травы. Он голодал трое суток, пока не нашел гнездо с черепашьими яйцами. Через некоторое время ему удалось добраться до материка на украденном каноэ. После этого Доннер бесцельно передвигался с места на место, время от времени подвизаясь на самую черную работу и ища забытья в выпивке, когда мог себе ее позволить. Так он и попал в банду Ходжепила около года тому назад.

Он сказал, что ожерелья из вампума предназначались для того, чтобы заговорщики узнали друг друга, случись им встретиться, но он не видел никого с таким ожерельем.

Брианна почти не слушала часть о его скитаниях, она сразу перепрыгнула на другую тему.

– Думаешь, Зуб Выдры – Спрингер – намеренно вас подставил, пытаясь попасть в другое время?

Он смотрел на нее, чуть приоткрыв рот.

– Никогда не думал об этом. Он пошел первым. Он пошел первым, – повторил Доннер, как будто пробуя эту мысль на вкус.

Брианна начала было спрашивать его о чем-то еще, но ее прервали голоса в холле, приближающиеся к утренней комнате. Доннер тут же подскочил на ноги, широко раскрыв глаза от испуга.

– Вот дерьмо, – сказал он. – Это он, вы должны мне помочь.

Прежде чем я успела выяснить, почему он так думал и кто такой «он», в дверях возникла строгая фигура Улисса.

– Ты, – угрожающим тоном сказал он съезжившемуся Доннеру. – Не указывал ли я тебе, любезный, на дверь? Как ты смеешь входить в дом мисс Иннес и оскорблять своим присутствием ее родных?

Он отступил в сторону, кивнув кому-то, кто стоял позади него, и в комнату заглянул маленький и круглый сердитый господин в измятом костюме.

– Это он, – сказал он, обвинительно выбрасывая вперед указательный палец. – Этот бродяга, который стащил мой кошелек в таверне Джейкобса этим утром! Вытянул прямо у меня из кармана, пока я завтракал ветчиной!

– Это был не я! – Доннер сделал слабую попытку возмутиться, но правда была написана у него на лице. Когда Улисс схватил его за воротник и без церемоний обыскал одежду, кошелек был благополучно обнаружен, к торжеству владельца.

– Вор! – выкрикнул он, потрясая кулаком. – Я все утро за тобой гонялся, ты мерзкий, вшивый, питающийся собачатиной дикарь... О, я прошу прощения, дамы, – добавил он, кланяясь мне и Брианне перед тем, как снова приняться за ругательства.

Брианна посмотрела на меня, приподняв брови, но я только пожала плечами. У нас не было возможности защитить Доннера от праведного гнева жертвы, даже если бы мне очень этого хотелось. По требованию круглого господина Улисс позвал двоих слуг с парой ручных кандалов – их вид заставил Брианну побледнеть, – и Доннера, под его протестующие вопли, что он этого не делал, его подставили, его вообще там не было, он друг леди, правда, «дружище, спроси их сам», его под конвоем сопроводили в темницу Кросс-Крика.

После его ухода в комнате воцарилась мертвая тишина. В конце концов, Йен помотал головой, как будто пытаясь отогнать мух, и, отложив мастихин, взял в руки альбом для набросков, где Доннер по просьбе Брианны пытался нарисовать маршрут вокруг камней, который они

проходили. Бездонные каракули из кругов и закорючек – его рисунок выглядел как один из тех, что делал Джемми.

– Что за имя такое – Веддиге? – спросил Йен, опуская альбом.

Брианна так крепко сжимала в пальцах карандаш, что костяшки на руке побелели. Она разжала ладонь и опустила его на стол; я заметила, что ее руки немного дрожат.

– Вендиге, – сказала она, – это дух-каннибал у индейцев оджибуэй. Он вое в шторм и пожирает людей.

Йен бросил на нее долгий изучающий взгляд.

– Милый парень, – проронил он.

– И правда. – Я и сама дрожала не хуже Брианны. Кроме шока от появления Доннера, его откровений, а затем его ареста меня донимали обрывки воспоминаний. Навязчивые образы нашей первой встречи бесконтрольно крутились в мозгу, несмотря на мои попытки пресечь их появление. Я чувствовала вкус крови во рту, вонь от немых мужских тел заглушал запах цветов, плывущий с террасы.

– Полагаю, это псевдоним, – сказала я, пытаюсь казаться невозмутимой. – Вряд ли его могли крестить под таким именем.

– Ты в порядке, мама? – Бри хмурилась, глядя на меня. – Тебе что-нибудь принести? Стакан воды?

– Виски, – ответили мы с Йеном в унисон, и я рассмеялась, несмотря на дрожь. К тому времени, как его принесли, я уже собой овладела.

– Как ты думаешь, Улисс, что с ним будет? – спросила я, когда он протянул мне поднос. Строгое красивое лицо дворецкого не выражало ничего, кроме легкого недовольства по отношению к недавнему гостю. Я увидела, как он нахмурился, глядя на куски грязи, отвалившиеся с ботинок Доннера и лежащие теперь на паркете.

– Думаю, они его повесят. У мистера Таунсенда – так зовут джентльмена – было десять фунтов в этом кошельке.

Более чем достаточно для повешенья. В восемнадцатом веке придерживались строгих взглядов на кражу: фунта было достаточно, чтобы приговорить человека к смерти.

– Хорошо, – сказал Йен с явным одобрением.

Я почувствовала, как у меня ёкнуло в животе. Мне не нравился Доннер, я ему не доверяла и, если быть до конца честной, не считала, что его смерть будет серьезной потерей для человечества. Но он был брат-путешественник: не налагало ли это на нас некоторые обязательства? Должны ли мы помочь ему? Что более важно – было ли что-то еще, чего он не успел рассказать?

– Мистер Таунсенд направился в Кэмпбеллтон, – добавил дворецкий, предлагая поднос Йену. – Попросить мистера Фаркуарда взяться за дело немедленно, чтобы поскорее дать показания, поскольку ему срочно нужно выезжать в Галифакс.

Фаркуард Кэмпбелл был мировым судьей и, похоже, единственным полномочным судьей в округе, с тех пор как Окружной суд перестал работать.

– Но они не повесят его до завтра, это вряд ли, – сказала Брианна. Обычно она не пила виски, но сейчас взяла бокал: эта встреча ее тоже потрясла. Я видела, как она крутит на пальце кольцо с рубином, рассеянно потирая камень большим пальцем.

– Нет, – сказал Йен, глядя на нее с подозрением. – Ты же не собираешься... – он посмотрел на меня. – Нет! – сказал он, в ужасе от той нерешительности, которую увидел на моем лице. – Этот парень – вор и мерзавец, и даже если ты собственными глазами не видела, как он сжигает дома и убивает людей, тетюшка, ты отлично знаешь, что он это делал. Ради бога, пусть его повесят, и дело с концом!

– Ну... – сказала я, колеблясь. Звук шагов и голосов в холле спас меня от необходимости отвечать. Вернулись Джейми и Дункан, которые ездили в Кросс-Крик. При виде Джейми,

появившегося в дверях, загорелого и раскрасневшегося, припыленного с дороги, я ощутила головокружительное чувство облегчения.

– Повесят кого? – весело поинтересовался он.

* * *

Мнение Джейми было таким же, как и мнение Йена: нужно дать им казнить Доннера, и дело с концом. Он нехотя согласился, что либо Брианна, либо я должны поговорить с парнем хотя бы еще один раз, чтобы удостовериться в том, что ему больше нечего нам рассказать.

– Я поговорю с тюремщиком, – сказал Джейми безо всякого энтузиазма. – Но имей в виду, – он ткнул на меня пальцем, – ни одна из вас и близко не подойдет к этому типу, если рядом не будет меня или Йена.

– Что, ты думаешь, он может нам сделать? – Брианна была раздражена его тоном. – Он вполтину меньше меня, Бога ради!

– Гремучая змея еще меньше, – ответил ее отец. – Ты же не зайдешь с ней в одну комнату только потому, что ты больше нее, я надеюсь?

Йен захихикал, и Брианна пихнула его локтем под ребра.

– Как бы там ни было, – сказал Джейми, игнорируя их, – у меня есть несколько новостей. И письмо от Роджера Мака, – сказал он, извлекая его из-под рубашки и улыбаясь Бри. – Если ты не слишком занята, чтобы его прочесть.

Ее глаза загорелись, как зажженная свечка, и она схватила письмо. Йен игриво попытался перехватить его, но она хлопнула кузена по рукам и выбежала из комнаты, чтобы прочитать письмо в более интимной обстановке.

– Что за новости? – спросила я. Улисс оставил в комнате поднос и графин с виски: я налила немного в свой опустевший стакан и подала его Джейми.

– Кое-кто видел Манфреда Макгилливрея, – ответил он. – Slàinte¹⁸. – Он осушил стакан с удовлетворенным видом.

– Ай? Где? – Йен выглядел слегка недовольным от этой новости. Я была взволнована.

– В борделе, где же еще.

К сожалению, его информатор был не в состоянии назвать местоположение сего борделя, поскольку был настолько пьян, что едва соображал, где находится он сам – как ядовито заметил Джейми, – но был совершенно уверен, что это было в Кросс-Крике или в Кэмпбеллтоне. К тому же он видел его пару недель назад. Манфред уже тысячу раз мог уехать.

– Но это начало, – сказала я с надеждой. Пенициллин был эффективен даже в случаях более запущенного сифилиса. На зимней кухне я уже заготовила свежий раствор. – Я поеду с тобой в тюрьму. Потом, после разговора с Доннером, мы можем пойти и поискать бордель.

Выражение удовольствия на лице Джейми несколько поблекло.

– Что? Зачем?

– Я не думаю, что Манфред все еще там, тетушка, – вставил Йен, явно наслаждаясь ситуацией. – Сомневаюсь, что у него хватило бы денег на столько времени.

– О, ха-ха! – сказала я. – Он мог сказать, где он остановился, так ведь? Кроме того, мне надо знать, появились ли у него новые симптомы.

В мое собственное время могло пройти десять, двадцать или даже тридцать лет после заражения, прежде чем сифилис заявит о себе в полную силу; здесь, однако, это была более скоротечная болезнь – заразившись, можно умереть в течение года. А Манфред пропадал уже больше трех месяцев, и бог знает, сколько прошло времени с начала болезни.

¹⁸ На здоровье (гэльск.).

Поиск борделя явно не вдохновлял Джейми, а вот Йен, наоборот, выглядел заинтересованным.

– Я помогу искать, – вызвался он. – Фергус тоже может помочь: он знает довольно много о шлюхах – они скорее и охотнее будут говорить с ним.

– Фергус? Фергус здесь?

– Да, он приехал, – сказал Джейми. – Это была другая часть новостей. Он как раз представляется тете.

– Зачем он приехал?

– Ну, ты слышала разговоры во время барбекю, да? Про мистера Симмса, издателя, про его проблемы? Так вот, похоже, ситуация ухудшилась, и он думает продать свой бизнес, прежде чем кто-нибудь сожжет его печатню и его вместе с ней. Мне пришло в голову, что это подойдет Фергусу и Марсали лучше, чем фермерство. Поэтому я послал ему весточку, чтобы он приехал и поговорил с Симмсом.

– Это блестящая идея! – сказала я. – Только... как Фергус сможет купить все это?

Джейми кашлянул и хитро на меня посмотрел.

– Ну, думаю, кое-какую сделку можно будет организовать. Особенно если Симмс настроен на продажу.

– Ладно, – сказала я, сдаваясь, – не думаю, что мне нужно знать детали. Но, Йен... – я повернулась, пристально разглядывая парня. – Не мне давать тебе советы, но ты не станешь – повторяю, не станешь – проводить опрос шлюх в интимной обстановке. Я ясно излагаю?

– Тетушка! – отозвался он, изображая потрясение. – Что за мысли! – и широкая улыбка расплылась по его татуированному лицу.

Глава 56

Деготь и перья¹⁹

В итоге Джейми отправился в тюрьму, чтобы договориться о свидании с Доннером, один. Он заверил меня, что без меня сделать это будет проще, у меня к тому же имелось несколько дел в Кросс-Крике. Кроме обычных покупок вроде соли, сахара, иголок-булавок и прочих хозяйственных мелочей мне совершенно необходимо было найти кору хинного дерева для Лиззи. Мазь из желчных ягод помогала во время приступов малярии, но и вполтину не так эффективно, как иезуитская кора, по части их предотвращения.

Однако Британские торговые санкции давали свой результат. Конечно же, нигде не было чая – этого стоило ожидать, его было не найти уже больше года. Но в этот раз не было и сахара, если не считать того, который продавали по заоблачной цене, как не было и стальных булавок.

Мне удалось купить соль. С фунтом кристаллов в корзине я вышла из доков. Стоял жаркий и влажный день; в стороне от реки воздух был неподвижным и густым, как патока. Соль затвердела в джутовых мешках, торговцу пришлось откалывать куски зубилом.

Я задумалась о том, как идут дела с поисками у Фергуса и Йена. У меня был кое-какой план насчет борделя и его обитателей, но сперва нужно было его найти.

Джейми я о своей идее пока не говорила. Если что-нибудь из этого выйдет, будет довольно времени на объяснения. Ряд рослых, склонившихся над тротуаром вязов на боковой улице образовывал густую тень. Я шагнула в ее манящую прохладу и обнаружила себя в начале респектабельного района Кросс-Крика, состоящего примерно из десяти домов. С того места, где я стояла, мне было видно довольно скромное жилище доктора Фентимана, различимое благодаря маленькой болтающейся вывеске, украшенной кадущею. Доктора не оказалось дома, но служанка, простая, опрятная молодая женщина с ужасным косоглазием, узнала меня и провела в приемный кабинет.

Это оказалась на удивление прохладная и приятная комната с большими окнами и вытертым холщовым половиком в крупную желто-голубую клетку. Здесь был рабочий стол, два удобных кресла и кушетка, на которую больные могли прилечь для осмотра. На столе стоял микроскоп, в который я с интересом заглянула. Это был качественный инструмент, но немного хуже моего, убедилась я с некоторым удовлетворением. Меня разбирало любопытство относительно остального медицинского скарба, и я как раз боролась с искушением злоупотребить гостеприимством доктора и залезть в его ящики, когда он явился собственной персоной, принесенный на крыльях бренди.

Он напевал себе под нос, одной рукой прижимая к себе шляпу, а на сгибе другой неся потрепанный медицинский саквояж. Увидев меня, Фентиман уронил оба предмета на пол и поспешил схватить меня за руку, радостно улыбаясь. Он склонился над моей ладонью и прижался к ней влажными горячими губами.

– Миссис Фрэзер! Моя дорогая, я так рад вас видеть! Надеюсь, у вас нет никакого физического недомогания?

Я находилась в некоторой опасности быть отравленной алкогольными парами, но постаралась сохранить самое радушное выражение лица, незаметно вытирая руку о платье и одновременно заверяя его, что я в полном порядке, как и все члены моей семьи.

– О, восхитительно, восхитительно, – отозвался он, неожиданно резко опускаясь на стул и широко улыбаясь, так что мне стало видно его пожелтевшие от табака моляры. Огромный парик чуть съехал набок, из-за чего Фентиман выглядел как мышка-соня под стеганым чехлом

¹⁹ Болезненная и оскорбительная процедура изгнания изменников и преступников. Виновного окунали в бочку с горячим дегтем и обсыпали перьями, а затем выносили на носилках за пределы поселения.

для чайника, но его это, кажется, не беспокоило. – Восхитительно, восхитительно, восхитительно.

Я приняла его вольный взмах рукой за приглашение и тоже присела. Я принесла небольшой подарок, чтобы умаслить доктора, и теперь извлекла его из корзины. Но, откровенно говоря, Фентиман был так проспиртован, что я понимала – мне придется приложить немного больше усилий, прежде чем я смогу подойти к причине моего визита. Как бы там ни было, мой подарок его воодушевил – это был выбитый глаз, который Йен подобрал для меня после драки в Янсейвилле, заспиртованный в виски на скорую руку. До меня доходили слухи об увлечениях Фентимана, и я подумала: такой подарок придется ему по вкусу. Так и случилось – он еще некоторое время повторял: «Восхитительно!» Остановившись через некоторое время, он моргнул, поднял банку к свету и повертел, с удовольствием разглядывая содержимое.

– Восхитительно, – добавил он еще раз. – Спешу заверить, ваш подарок займет самое почетное место в моей коллекции, миссис Фрэзер!

– У вас есть коллекция? – спросила я, изображая неподдельный интерес.

– О да, о да! Не желаете взглянуть?

У меня не было возможности отказаться, он уже поднялся и нетвердо направился к двери в дальней стене кабинета. Это оказалась просторная кладовка, в которой на полках стояли тридцать или сорок стеклянных контейнеров, наполненных алкоголем и некоторым числом объектов, которые вполне можно было описать как «интересные». Они варьировались от смешотворных до по-настоящему ошеломительных. Один за другим доктор доставал с полок свои сокровища, он показал мне сначала большой палец ноги, размером и цветом напоминающий съедобный гриб, затем разделенный надвое язык – судя по зажившим краям, его разрезали еще при жизни владельца, – за ним последовала кошка с шестью лапами, сильно деформированный недоразвитый мозг («Его извлекли из черепа повешенного убийцы», – поведал Фентиман гордо. «Ничего удивительного», – пробормотала я в ответ, думая о Доннере и размышляя, как выглядит его мозг.) и несколько младенцев, предположительно мертворожденных, с сильными уродствами и мутациями.

– Поглядите-ка на это, – сказал он, поднимая дрожащими руками высокий стеклянный цилиндр. – Это бриллиант моей коллекции. Один из самых известных медиков Германии, герр доктор Блюменбах, знаменитый своей коллекцией черепов, убеждал меня – нет, прямо-таки изводил меня, заверяю вас! – расстаться с этим экземпляром в его пользу.

«Это» было черепами и позвоночником двухголового младенца. И вид этого артефакта захватывал дух. Такой предмет мог быстро убедить любую женщину детородного возраста откеститься от секса.

Хоть коллекция доктора и была, мягко говоря, отталкивающей, экскурсия позволила мне подойти к истинной причине моего визита.

– Это действительно невероятно увлекательно, – сказала я, наклоняясь вперед, как будто чтобы изучить пустые глазницы парящих в алкоголе черепов. Они были целиком развитые и отделенные друг от друга, расщепился только позвоночник. Призрачно-белые, черепа висели в жидкости так близко друг к другу, что соприкасались круглыми лбами, как будто между ними был какой-то секрет; они на секунду расходились, только когда цилиндр приходил в движение. – Как думаете, чем мог быть вызван подобный феномен?

– О, несомненно, это какой-то серьезный шок, пережитый матерью, – заверил меня доктор. – Женщины в положении так уязвимы, невероятно чувствительны к любым перепадам настроения и сильным впечатлениям. Их нужно ограждать от любых потрясений.

– Безусловно, – пробормотала я. – Но, знаете, некоторые дефекты, вот этот, например, думаю, могут быть результатом сифилиса у матери.

Так и было. Я узнала типично деформированную челюсть, узкий череп и провалившийся нос. Этот ребенок был забальзамирован во плоти и безмятежно лежал в бутылки, свернувшись.

Судя по размерам и отсутствию волос, он был недоношенным – я искренне надеялась, ради его же блага, что он родился мертвым.

– Шифи... сифилис, – повторил доктор, слегка покачиваясь. – О да. Да, да. Я приобрел это маленькое создание... эм... – С опозданием ему пришло в голову, что сифилис не самая подходящая тема для разговоров с леди. Мозги убийц и двухголовых детей вполне можно обсудить, но никак не венерические заболевания. У него в кладовке – я почти уверена – стояла банка с мошонкой негра, который страдал слоновой болезнью, – и этот экземпляр он мне не показал.

– У проститутки? – дружелюбно подсказала я. – Да, полагаю, подобные несчастья не так уж редки среди подобных женщин.

К моему неудовольствию, он ускользнул от нужной мне темы.

– Нет, нет. На самом деле... – Он оглянулся через плечо, как будто боясь, что нас кто-то может услышать, потом наклонился ко мне и хрипло прошептал: – Я получил этот экземпляр от коллеги в Лондоне несколько лет назад. Поговаривали, что это был ребенок иностранного вельможи.

– О, надо же, – сказала я несколько обескураженно. – Как... интересно.

В этот момент – надо сказать, не самый подходящий – вошла служанка с чаем – а точнее сказать, с отвратительным отваром из жареных желудей и ромашки, вымоченной в кипятке, – и разговор неизбежно свернул в сторону повседневных мелочей. Я боялась, что чай отрезвит его, прежде чем я успею направить беседу в нужное русло, но, к счастью, на чайном подносе стоял графин кларета²⁰, который я, не скупясь, разлила по бокалам.

Я попыталась вернуться к теме медицины, наклонившись к сосудам, которые Фентиман оставил на столе. В самом ближнем была рука мужчины, страдавшего от запущенного случая контрактуры Дюпюитрена – пальцы скрутило так сильно, что они напоминали неразличимый слипшийся отросток. Хотела бы я, чтобы на это посмотрел Том Кристи. Он избегал меня со времен операции, но, насколько мне было известно, его рука работала нормально.

– Ну не удивительно ли, сколько всего может произойти с человеческим телом? – сказала я.

Доктор покачал головой. Он обнаружил неудовлетворительное состояние своего парика и попытался его поправить; его морщинистое лицо под белыми локонами чем-то напоминало величавого шимпанзе – за исключением, быть может, яркого носа, изрезанного красными капиллярами, как кусок бекона.

– Удивительно, – отозвался он. – И все же еще более удивительно, как это самое тело может противостоять самым чудовищным травмам.

С этим нельзя было не согласиться, но я ожидала несколько иного развития беседы.

– Да, конечно. Но...

– Мне так жаль, что я не могу показать вам один экземпляр – он мог бы стать отличным дополнением моей коллекции, уверяю вас! Увы, джентльмен настоял на том, чтобы забрать его с собой.

– Он... что?

Ну, в конце концов, в другой жизни я сама выдавала десяткам детей их аппендиксы или гланды после операции. Наверное, желание забрать вырезанный орган было не таким уж странным.

– Да, совершенно удивительный случай. – Фентиман задумчиво отхлебнул кларет. – Это было яичко – надеюсь, вы простите мне такие подробности, – смущенно добавил доктор. Он

²⁰ Кларет – общее название для некоторых красных вин Бордо, а также, в более широком понимании, сухих красных вин бордоского типа, производимых за пределами Франции.

замаялся на мгновение, но не смог сдержать желания поделиться. – Джентльмен пострадал от ранения в мошонку, очень неприятный инцидент.

– Очень, – согласилась я, ощущая внезапный холодок у основания позвоночника. Может, это был таинственный посетитель Иокасты? Я не пила кларет, чтобы сохранить ясную голову, но сейчас плеснула немного в свой бокал, чувствуя, что он не будет лишним. – Он не сказал, что это был за инцидент?

– О да. Инцидент приключился на охоте, сказал он. Но они все это говорят, так ведь? – Фентиман подмигнул мне, и кончик его носа, кажется, стал еще краснее. – Думаю, это была дуэль. Может быть, месть ревнивого соперника?

– Может быть.

Дуэль? Но большинство дуэлянтов стрелялись, они не использовали шпаги. Кларет был действительно хорош, и я почувствовала себя увереннее.

– И вы... эээ... Удалили яичко? – так должно было произойти, раз он хотел добавить его в свою inferнальную коллекцию.

– Да, – ответил он и даже слегка поежился от воспоминания, демонстрируя мужскую солидарность. – Пулевое ранение было серьезно запущенно – он сказал, все произошло несколько дней назад. Мне пришлось удалить поврежденное яичко, второе, к счастью, удалось сохранить.

– Уверена, это должно было его обрадовать. – Пулевое ранение? Конечно, нет... Это ведь не может быть... и все же... – Это случилось недавно?

– Ммм, нет. – Он склонил голову набок, сидя в кресле, и его глаза начали косить от усилий вспомнить подробности. – Это было весной, года два тому назад. Может, в мае? Наверное, в мае.

– А фамилия джентльмена, случайно, была не Боннет? – Мой голос звучал на удивление непринужденно. – Мне кажется, я слышала, что Стивен Боннет был вовлечен в подобный... инцидент.

– О, этот мужчина не назвал имени. Пациенты частенько так делают, если повреждение может вызвать слишком много вопросов или общественное осуждение. В таких случаях я не настаиваю.

– Но вы его помните. – Я обнаружила, что сижу на самом краешке стула, крепко зажав бокал с кларетом в кулаке. С усилием я разжала ладонь и опустила его на поднос.

– Мхххммм.

Черт, его тянуло в сон, я видела, как его веки начали подрагивать.

– Высокий джентльмен, хорошо одетый. У него была... прекрасная лошадь...

– Еще немного чаю, доктор Фентиман? – Я подала ему свежую чашку, пытаясь взбодрить. – Расскажите мне еще об этом случае. Операция, наверное, требовала особой деликатности?

Мужчины не любят слышать, что удаление яичек – простая манипуляция, хотя правда в том, что так оно и есть на самом деле. С другой стороны, стоило признать, что, если пациент в сознании в ходе всей операции, это несколько усложняет дело.

Фентиман стал немного более оживленным, рассказывая мне подробности.

– ...Дробь прошла через яичко насквозь и оставила идеально ровное отверстие... Клянусь вам, сквозь него можно было посмотреть. – Фентиман явно сожалел о потере такого интересного экземпляра и не очень охотно согласился рассказать мне о том, что стало с джентльменом, которому этот экземпляр принадлежал. – Ну, это было странно. Дело было в лошади, видите ли... – пространно сказал доктор. – Прекрасное животное... Длинная грива, как женские волосы... очень необычная...

Фризская лошадь. Фентиман тогда вспомнил, что плантатор, Филип Уайли, был поклонником таких лошадей, и сказал об этом пациенту. Он предположил, что раз у мужчины нет

денег и он к тому же не в состоянии ездить верхом некоторое время... В общем, возможно, продать животное Уайли было разумной идеей. Пациент согласился и попросил доктора узнать у плантатора, хочет ли он купить лошадь, поскольку последний как раз был в городе для участия в судебных заседаниях.

Доктор Фентиман услужливо отправился исполнить просьбу, оставив больного уютно устроившимся на кушетке в обнимку с бутылкой лауданума. Филип Уайли оказался весьма заинтересован в лошади («Да уж, бьюсь об заклад, он был заинтересован», – сказала я, но доктор не услышал) и поспешил домой к Фентиману, чтобы посмотреть на нее. Лошадь была на месте, но пациент исчез – в отсутствие доктора ушел на своих двоих, прихватив заодно полдюжины серебряных ложек, эмалированную табакерку, бутылку лауданума и шесть шиллингов – к счастью, все деньги, что были у доктора дома.

– Ума не приложу, как он это провернул, – сказал Фентиман, округляя глаза. – В таком состоянии!

К его чести, он был сильнее обеспокоен здоровьем своего пациента, чем собственными потерями. Фентиман был ужасным пьяницей – я никогда не видела его трезвым, – но не самым плохим врачом.

– И все же, – добавил он философски, – все хорошо, что хорошо кончается, не так ли, моя милая леди?

Он имел в виду, что стоимость лошади с лихвой покрыла его потери да еще и оставила его с достойной прибылью.

– Конечно, – отозвалась я, размышляя о том, как Джейми примет эти новости. Он выиграл жеребца – потому как это, конечно же, был Лукас – у Филипа Уайли в ходе горячей карточной партии в Риверане, только чтобы через несколько часов обнаружить, что конь украден Боннетом.

В целом Джейми, наверное, будет рад узнать, что жеребец вернулся в хорошие руки, хоть и не его собственные. Что же касается Боннета... Когда его тело не нашли после выстрела Брианны, Джейми сказал довольно цинично: «Говно не тонет».

Фентиман уже начал откровенно зевать. Его глаза слезились, он моргнул и начал похлопывать себя в поисках носового платка, затем наклонился, чтобы посмотреть в своем саквояже, который доктор уронил на пол возле кресла.

Я достала свой платок и наклонилась, чтобы подать ему, когда увидела их в открытом саквояже.

– Что это? – спросила я, указывая пальцем. Я и так видела, что это, разумеется, но мне нужно было узнать, где он их взял. Это были шприцы, два симпатичных маленьких шприца из меди. Каждый состоял из двух частей: поршня с завитыми ручками и цилиндра, сужающегося к одному концу и увенчанного узкой длинной иглой с тупым концом.

– Я... Почем... Это... ммм... – Мой вопрос совершенно застал его врасплох, и он стал заикаться, как школьник, которого поймали в туалете с сигаретами. Затем что-то пришло ему в голову, и он расслабился.

– Уши, – провозгласил он торжественно. – Чтобы чистить уши. Да, именно так, без сомнения. Ушные клизмы!

– О, вот как! – Я взяла один в руки, Фентиман попытался остановить меня, но его реакции были заторможены и у него получилось схватить только краешек моего рукава.

– Как оригинально, – сказала я, двигая поршень. Он шел немного туго, но вполне удовлетворительно, особенно учитывая, что единственной альтернативой был самодельный шприц из кожаного мешочка с прикрепленным к нему клыком гремучей змеи. Конечно, тупая игла не подойдет, но ее не сложно срезать так, чтобы край стал острым. – Где вы их взяли? Я бы хотела заказать такой же для себя.

В глазах доктора читался ужас, нижняя челюсть опустилась.

– Я... ээ... Я, правда, не думаю... – слабо запротестовал он.

Именно в этот момент, в самое неподходящее время, демонстрируя чудеса интуиции, в дверях показалась служанка.

– Мистер Бреннан пришел, у его жены подошел срок, – коротко сообщила она.

– О! – Доктор Фентиман подскочил на ноги, захлопнул саквояж и стремительно сунул его под мышку.

– Тысяча извинений, миссис Фрэзер... должен идти... дело безотлагательной важности. Был очень рад вас видеть! – Он выбежал из комнаты, крепко прижимая к себе саквояж и второпях наступив на свою шляпу.

Служанка смиренно подняла головной убор и несколько раз довольно равнодушно хлопнула по нему, возвращая к нормальной форме.

– Вы уходите, мэм? – спросила она тоном, из которого было件нятно, что мне пора идти, независимо от того, хочу я этого или нет.

– Да, – сказала я, поднимаясь. – Но скажите мне, – я вытянула ладонь со шприцом, – знаете ли вы, что это такое и где доктор Фентиман взял их?

Было сложно сказать, в какую сторону она смотрит, но она наклонила голову, как будто чтобы изучить предмет моего любопытства. Ее выражение оставалась таким же равнодушным, как если бы ей на рынке предлагали корюшку не первой свежести.

– А, это. Ай, мэм, это шприц для пениса. Кажется, ему их прислали из Филадельфии.

– О, эм, шприц для пениса. Понятно, – ответила я, недоуменно моргая.

– Да, мэм. Для лечения срамных болезней, вроде гонореи. Доктор часто принимает мужчин, которые ходят к миссис Сильви.

Я глубоко вдохнула.

– Миссис Сильви, вот как. А вы, случайно, не знаете, где именно... заведение миссис Сильви?

– За постоянным двором Сайласа Джеймсона, – ответила она, впервые глядя на меня с неким подобием любопытства, как будто удивляясь, какой болван может этого не знать. – Вам нужно что-нибудь еще, мэм?

– О нет, – ответила я. – Этого достаточно, спасибо! – Я потянулась было, чтобы отдать ей шприц, но потом меня осенило. В конце концов, у доктора их было два.

– Я дам вам за него шиллинг, – сказала я, глядя ей в тот глаз, который в теории смотрел в мою сторону.

– По рукам, – ответила она быстро, потом помолчала немного и добавила: – Если собираетесь использовать его на своем мужчине, сперва убедитесь, что он мертвецки пьян.

* * *

Моя главная миссия, таким образом, была завершена, но мне оставалось выяснить кое-что еще, прежде чем начать атаку на сомнительное заведение миссис Сильви.

Я планировала заглянуть к стекольщику и при помощи рисунков попытаться объяснить ему, как изготовить цилиндр и поршень для гиподермического шприца, оставив полую иглу и ее крепление на долю Бри. К сожалению, хотя единственный стекольщик в Кросс-Крике мог похвастаться умением изготавливать любые виды банок, бутылок и стаканов, необходимых в хозяйстве, одного взгляда на его товары было достаточно, чтобы понять, что мой заказ превосходит его возможности. Теперь, однако, об этом больше не нужно было беспокоиться! Несмотря на то что металлическим шприцам недоставало кое-каких свойств стеклянных собратьев, у них было неоспоримое преимущество – их нельзя разбить. И хотя было бы неплохо иметь съёмные иглы, я могу просто дезинфицировать шприц целиком после каждого применения.

У шприцов доктора Фентимана были очень толстые тупоконечные иглы. Нужно будет их нагреть и посильнее вытянуть, чтобы они стали тоньше. Но любой болван с наковальней может это сделать, подумала я. Потом обрезать медный кончик под углом и отшлифовать край обреза, чтобы он легко прокалывал кожу... Проще простого, с удовольствием попытожила я и едва не запрыгала от радости по пыльной дороге. Теперь осталось только раздобыть кору хинного дерева.

Однако мои планы насчет коры рухнули, как только я повернула на главную улицу и увидела аптеку мистера Богьюса. Дверь была открыта, и мухи свободно залетали внутрь; обычно опрятное крыльцо покрывало такое количество грязных следов, как будто на лавку напала вражеская армия. Впечатления разорения и опустошенности усилились, когда я зашла внутрь: почти все полки стояли пустыми, если не считать покрывающих их черепков и сухих трав. Дочь Богьюсов, десятилетняя Миранда, скорбно стояла на страже скромного ряда нетронутых банок и бутылок и пустого черепашьего панциря.

– Миранда! – воскликнула я. – Что случилось?

Ее лицо просветлело, когда она увидела меня, уголки маленького розового рта мгновенно поднялись вверх.

– Миссис Фрэзер! Хотите немного мятной шандры? У нас остался почти целый фунт, и совсем недорого, всего три фартинга за унцию.

– Я возьму унцию, – сказала я, хотя на самом деле в моем собственном саду ее росло предостаточно. – Где твои родители?

Улыбка снова сползла с ее личика, и нижняя губа задрожала.

– Мама внутри пакует вещи, а папа пошел продавать Джека мистеру Рэйнтри.

Джек был аптекарским конем и любимцем Миранды. Я прикусила губу.

– Мистер Рэйнтри – добрый человек, – сказала я, пытаюсь утешить ее. – И у него есть отличное пастбище для лошадок и теплая конюшня; мне кажется, Джек будет там счастлив. У него появятся друзья.

Она кивнула, крепко сжав губы, но две крупные слезы скатились по ее щекам.

Быстро оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что никто не приближается к аптеке, я зашла за прилавок, села на перевернутый бочонок и усадила девочку к себе на колени, где она тут же расклеилась, плача и прижимаясь ко мне, при этом явно стараясь быть потише, чтобы ее не услышали в доме. Я похлопывала ее по спине, издавая низкие успокаивающие звуки, – я ощущала не только жалость к девочке, мне было беспокойно. Богьюсы явно собирались продать лавку. Но почему?

Я так редко спускалась с гор, что понятия не имела, каких взглядов придерживается Ралстон Богьюс. Не будучи шотландцем, он не присутствовал на барбекю в честь Флоры Макдональд. Его аптека, однако, всегда была процветающим предприятием, семья жила вполне достойно, судя по одежде детей, – Миранда и двое ее младших братьев всегда были обуты. Богьюсы жили здесь по крайней мере с тех пор, как родилась Миранда, если не дольше. Раз они уезжали в такой спешке, значит, что-то случилось или вот-вот случится.

– Ты знаешь, куда вы едете? – спросила я девочку, которая сидела у меня на коленях, шмыгая носом и вытирая лицо моим передником. – Может, мистер Рэйнтри мог бы писать тебе письма о том, как дела у Джека.

Она посмотрела на меня с надеждой.

– Думаете, он может отправить письмо в Англию? Это ведь так далеко.

Англия? Все было серьезно.

– О, думаю, да, – сказала я, заправляя ее растрепавшиеся локоны под чепчик, – мистер Фрэзер каждый вечер пишет письма своей сестре в Шотландию, а это еще дальше.

– О, ну тогда... – Она слезла с моих коленей с куда более счастливым видом и расправила платье. – Как думаете, могу я писать Джеку?

– Уверена, мистер Рэйнтри прочтет ему твое письмо, – заверила ее я. – Значит, ты умеешь писать?

– О да, мэм, – ответила она серьезно. – Папа говорит, что я читаю и пишу куда лучше, чем он в моем возрасте. И на латыни. Он научил меня читать названия на этикетках, чтобы я могла принести ему то, что нужно. Видите вот эту? – она с гордостью указала на большую керамическую аптекарскую банку, украшенную голубыми и золотыми спиралями. – Электуари Лимонезис. А вот это Ипекакуана.

Я восхитилась ее знаниями, думая попутно, что теперь я, по крайней мере, знаю, какую позицию занимает ее отец. Богьюсы были лоялистами, раз они возвращались в Англию. Жаль, что они уезжают, но с учетом моих знаний о ближайшем будущем меня радовало, что эта семья будет в безопасности. Сейчас Ралстон, по крайней мере, может выручить достойные деньги за аптеку – если они не поспешат, их имущество будет конфисковано, а сами они станут счастливыми, если им удастся избежать ареста или чего похуже.

– Рэнди? Ты не видел ботинок Джорджи? Я нашла один под сундуком, но... О, миссис Фрэзер! Прощу прощения, мэм, я не знала, что здесь кто-то есть. – Острый взгляд Мелани Богьюс остановился сначала на мне, сидящей за прилавком, потом на покрасневших глазах дочери и, наконец, на влажных пятнах на моем переднике. Она ничего не сказала и только, проходя, похлопала Миранду по плечу.

– Миранда сказала, что вы возвращаетесь в Англию. – Я поднялась и осторожно вышла из-за прилавка. – Нам будет жаль с вами расставаться.

– Это очень мило с вашей стороны, миссис Фрэзер. – Она печально улыбнулась. – Нам тоже жаль уезжать. И, скажу вам честно, предстоящий вояж меня совсем не радует. – Это было сказано с искренней горячностью человека, который уже прошел подобное испытание и предпочел бы быть сваренным заживо, лишь бы избежать повторного опыта.

Я ей очень сочувствовала, зная не понаслышке, каково пройти через такое плавание. Еще и с тремя детьми, когда двоим младшим мальчуганам нет еще и пяти... Мое воображение живо рисовало мне картины самых неприглядных трудностей.

Я хотела спросить, что вынудило их принять такое скоропалительное решение, но не могла придумать, как поднять эту тему в присутствии Миранды. Одно было ясно: что-то произошло. Мелани выглядела настороженной, как кролик, и ее суетливость невозможно было оправдать даже сборами в дорогу семьи с тремя маленькими детьми. Она постоянно оглядывалась через плечо, как будто боясь, что на нее исподтишка кто-то нападет.

– А мистер Богьюс... – начала я, но меня прервала тень, упавшая на крыльцо. Мелани замерла, прижав руку к груди, и я развернулась, чтобы посмотреть, кто пришел.

В дверях, заслоняя свет, стояла невысокая, крепко сложенная женщина в очень странной одежде. На мгновение я подумала, что она индеанка, потому что на ней не было чепца, а темные волосы были заплетены в косу, но когда она зашла в магазин, я увидела, что она белая. А точнее, розовая – ее полное лицо было сожжено солнцем, кончик курносого носа ярко алел.

– Которая из вас Клэр Фрэзер? – требовательно спросила она, переводя взгляд с меня на Мелани Богьюс.

– Я, – ответила я, подавляя инстинктивный порыв отступить назад. В ее поведении не было ничего угрожающего, но она излучала внушающую беспокойство физическую силу.

– Иезавель Хэтфилд Мортон, – сказала она, испытующе прищурясь. – Один старикан в доках сказал, что ты направлялась сюда. – Ее грубый выговор представлял резкий контраст с мягким английским акцентом Мелани Богьюс, такая речь ассоциировалась у меня с людьми, чьи семьи жили на окраинах колоний уже в третьем или четвертом поколении и вели беседы только с енотами, опоссумами и друг с другом.

– Эээ... да, – сказала я, не видя повода это отрицать. – Вам нужна какая-то помощь?

Она не выглядела так, как будто ей требовалась помощь. Будь она еще более здоровой, швы на мужской рубашке, которую она носила, могли бы попросту лопнуть. Мелани и Миранда смотрели на нее огромными круглыми глазами. Однако чего бы Мелани ни опасалась, это была не мисс Мортон.

– Не то чтобы помощь, – сказала она, проходя в лавку и изучая меня, склонив голову набок. – Хотя, я подумала, ты можешь знать, где обретается этот скунс, Исаяя Мортон.

Моя челюсть отвисла, и я поспешила ее закрыть. Стало быть, не мисс Мортон, а миссис Мортон. То есть первая миссис Мортон. Исаяя Мортон сражался вместе с Джейми в его отряде полиции во время войны регуляторов; свою первую жену он упоминал, обливаясь холодным потом.

– Я... эээ... думаю, что он работает где-то в провинции, – сказала я. – Гилфорд? Или это был Пэйливилль?

На самом деле он жил в Хиллсборо, но это вряд ли имело значение, поскольку сейчас его там не было. Сейчас он находился в Кросс-Крике – приехал, чтобы забрать партию бочек для пивоварни, где он работал. Всего час назад я видела его в бочарной лавке в сопровождении второй миссис Мортон и их новорожденной дочери. Иезавель Хэтфилд Мортон не выглядела как человек, который может справиться с такими фактами в рамках закона.

Она издала низкий гортанный звук, означавший негодование.

– Паршивый мелкий хорек. Но я еще доберусь до него, будьте покойны на этот счет, – она говорила с уверенностью, которая не сулила ничего хорошего Исаяе Мортону.

В этом случае поговорка «молчание – золото» была очень актуальна, но я не удержалась от вопроса.

– Зачем он вам нужен?

Исаяя, конечно, обладал некоторым неотесанным шармом, но, глядя на вещи объективно, он едва мог привлечь одну женщину, не говоря уж о том, чтобы свести с ума двух.

– Нужен мне? – Казалось, эта идея ее развеселила, и она потерла своим солидным кулаком под носом. – Мне он не нужен. Но ни один мужик не смеет сбегать от меня к какой-то кисломордой лахудре. Как только я до него доберусь, я пробью его голову насквозь и прибью его покусанную мухами шкуру к моей двери.

Сказанные другим человеком, эти слова можно было принять за метафору. Однако ревнивые угрозы, произнесенные именно этой дамой, звучали как реальное намерение. Глаза Миранды и ее матери стали круглыми, как у двух лягушек.

Иезавель Мортон прищурилась, глядя на меня, и задумчиво почесала под одной из своих больших грудей, заставив ткань рубашки прилипнуть к влажному телу.

– Я слыхала, ты спасла этому никчемному жабьему отродью жизнь при Аламансе. Это правда?

– Э... Да. – Я с опаской наблюдала за ней, пытаюсь угадать любое потенциально опасное движение. Ее фигура заблокировала дверь; если она на меня бросится, придется забежать за прилавок и скрываться через жилые комнаты Богьюсов.

При ней был большой тесак без ножен. Он был заткнут за пояс, сплетенный из вампума, который выполнял двойную функцию, одновременно поддерживая складчатую массу, которая по виду напоминала красные фланелевые нижние юбки, обрезанные по колено. Ее массивные ноги были голыми, и она пришла босиком. Еще с пояса свисал пистолет и пороховой рожок, но, слава богу, она не пыталась дотянуться до оружия.

– Плохо дело, – бесстрастно прокомментировала она. – Хотя, если бы он умер, я бы лишилась удовольствия его прикончить, так что все хорошо. За меня не тревожься – если я его не найду, его разыщут мои братья.

Очевидно, на этом она посчитала свою миссию на время завершенной, расслабилась и осмотрелась вокруг, только сейчас заметив опустевшие полки.

– А тут чего такое? – спросила она с интересом.

– Мы продаем лавку, – пробормотала Мелани, пытаясь засунуть Миранду себе за спину. – Уезжаем в Англию.

– Вот как? – Иезавель выглядела слегка заинтересованной. – Что случилось? Убили твоего мужчину? Или облили его дегтем с перьями?

Мелани побледнела как полотно.

– Нет, – прошептала она. Ее горло дернулось, когда она сглотнула, а испуганный взгляд обратился к двери. Так вот какая угроза висела над ними. Я внезапно ощутила озноб, несмотря на жару.

– Мхм. Ну, коли тебе интересно, облили или нет, тебе лучше поспешить на Главную улицу, – предложила она доброжелательно. – Они там готовятся сделать из кого-то жареного цыпленка, к гадалке не ходи. По всему городу горячим дегтем воняет, и народ из таверн идет туда поглазеть.

Мелани и Миранда издали одновременный испуганный писк и бросились к двери, протиснувшись мимо невозмутимой Иезавели. Я стремительно двинулась в том же направлении и едва успела избежать столкновения с Ралстоном Богьюсом, который вошел как раз вовремя, чтобы подхватить свою бывшую в истерике жену.

– Рэнди, иди-ка присмотри за своими братьями, – сказал он спокойно. – Успокойся, Мелли, все в порядке.

– Деготь, – выдохнула она, хватаясь за него. – Она сказала... сказала...

– Это не я, – ответил он, и я заметила его промокшие волосы и смертельную бледность на покрытом потом лице. – Им нужен не я. Пока что. Это издатель.

Он очень деликатно отцепил пальцы жены от своей руки и зашел за прилавок, с любопытством взглянув на Иезавель.

– Возьми детей, и идите к Фергусонам, – сказал он и извлек ружье из тайника под прилавком. – Я приду, как только смогу. – Он потянулся к ящику, чтобы взять пороховой рожок и пули.

– Ралстон! – Мелани шептала, опасаясь, что Миранда вернется в лавку и услышит ее, но ее паника была очевидной даже при недостатке звука. – Куда ты собрался?

Один уголок его рта дернулся, но он не ответил.

– Идите к Фергусонам, – повторил он, глядя на коробку с патронами.

– Нет! Нет, не ходи! Пойдем с нами, пойдем со мной! – она порывисто схватила его за руку.

Он стряхнул ее пальцы и продолжил заниматься ружьем.

– Идите, Мелли.

– Нет! – Она повернулась ко мне за поддержкой: – Миссис Фрэзер, скажите ему! Пожалуйста, скажите ему, что это бессмыслица! Ужасная нелепость! Он не должен идти туда.

Я открыла рот, все еще раздумывая, что им сказать, но мне не выпало шанса принять решение.

– Не думаю, что миссис Фрэзер это кажется нелепостью, Мелли, – сказал Ралстон Богьюс, по-прежнему не глядя на жену. Он перекинул ремень от коробки с патронами через плечо и взвел курок. – Ее муж сдерживает их прямо сейчас, в одиночку.

Он посмотрел на меня, коротко кивнул и вышел.

* * *

Иезавель была права: по всему городу пахло дегтем. Это было не так уж необычно в летнее время, особенно возле складов в доках, но густая вонь теперь примешивалась к ощущению

угрозы, обжигая ноздри. Не считая дегтя – с перьями, – я задыхалась, пытаюсь поспеть за Ралстоном Богьюсом, который хоть и не бежал, но шагал очень стремительно.

Иезавель была права и насчет людей, идущих из таверн: угол Главной улицы был заполнен взбудораженной толпой. В основном это были мужчины, но среди них были и женщины попроще – жены рыбаков и прислуга.

Аптекарь замялся, заметив их. Несколько человек обернулись, один или двое дернули соседей за рукав, указывая на него, – и лица у них были не самые дружелюбные.

– Убирайся, Богьюс! – прокричал один мужчина. – Тебе тут делать нечего – пока что нечего!

Другой остановился, подобрал камень и кинул его. Он безобидно ударился о деревянную мостовую в нескольких футах от Богьюса, но привлек внимание. Люди в толпе начали оборачиваться, медленно двигаясь в нашу сторону.

– Папа! – прокричал тоненький запыхавшийся голосок за моей спиной. Я обернулась и увидела Миранду – без чепца, косички наполовину распустились за спиной, лицо цвета свеклы от быстрого бега.

Раздумывать было некогда, я подхватила ее на руки и подкинула в сторону отца. Захваченный врасплох, он уронил ружье и поймал девочку. Какой-то мужчина выскочил вперед и потянулся к оружию, но я наклонилась и подняла его первой. Вместе с ружьем я отступила на шаг назад, прижимая его к груди и испытующе глядя на соперника. Я не знала этого человека, но он знал меня: замаявшись, он осмотрел меня с головы до ног и оглянулся через плечо. Я слышала голос Джейми и другие голоса, все они пытались перекрыть друг друга. После всей спешки я по-прежнему тяжело дышала и не могла разобрать слова в их перепалке. Судя по всему, они спорили, но это был только разговор, пока никакого кровопролития. Мужчина колебался – он посмотрел на меня, потом себе за спину, – но в конце концов развернулся и стал протискиваться обратно в толпу.

Богьюсу хватило здравого смысла не отпускать дочку, которая крепко обнимала его за шею, спрятав лицо у него на плече. Он перевел на меня глаза и совершил еле заметное движение, как будто хотел забрать ружье. Я покачала головой и прижала к себе трофей покрепче. Ствол был теплым и скользким у меня в руках.

– Заберите Миранду домой, – сказала я. – Я... что-нибудь придумаю.

Ружье было заряжено, курок взведен. Один выстрел. Мой лучший вариант – на мгновение создать неразбериху, но даже это может помочь.

Я начала проталкиваться сквозь толпу, осторожно опустив ружье вниз, так чтобы не рассыпать порох, и пряча его в складках юбки. Запах дегтя неожиданно стал гораздо сильнее. Перевернутый, перед домом издателя лежал котел, а вокруг него растеклась черная дымящаяся липкая лужа, воняющая на солнце. Угли, алые и уже почерневшие, были раскиданы по всей улице и под ногами зевак. Крупный господин, в котором я узнала мистера Таунсенда, пытался затоптать остатки на скорую руку сооруженного костра, пресекая попытки нескольких молодых мужчин снова его разжечь.

Я поискала Джейми глазами и обнаружила его именно там, где сказал Ралстон Богьюс, – перед входной дверью печатной лавки, с метлой, измазанной в дегте, и с горящими глазами.

– Это твой мужчина? – подросла Иезавель Мортон и теперь с интересом смотрела поверх моего плеча. – Крупный мужик, ага?

Капли дегтя покрывали все пространство перед лавкой и самого Джейми тоже. Крупный кусок застрял у него в волосах, и я заметила на руке красный ожог в том месте, где деготь попал на кожу. Несмотря ни на что, он широко улыбался. Еще две запачканных дегтем метлы лежало на земле, одна была поломана пополам – явно о чью-то голову. Джейми наслаждался происходящим, по крайней мере, пока.

Я не сразу увидела издателя, Фогарти Симмса. На мгновение испуганное лицо показалось в окне, но тут же скрылось из вида, когда из толпы бросили камень, ударившийся об оконную раму и разбивший стекло.

– Выходи, Симмс, скользкий трус! – закричал мужчина поблизости. – Или нам тебя выкурить?

– Выкурить его! Выкурить его! – воодушевленные возгласы понеслись из толпы. Молодой парень рядом со мной наклонился, пытаясь поднять дымящуюся головешку, выкатившуюся из костра. Я безжалостно наступила ему на руку, когда он сжал пальцы.

– Господи Иисусе! – Он отпустил добычу и упал на колени, зажав руку между ног и судорожно всхлипывая от боли. – О Господи!

Я отступила и снова начала проталкиваться вперед. Удастся мне подойти ближе, чтобы отдать Джейми ружье? Или я только сделаю хуже?

– Отойди от двери, Фрэзер! К тебе у нас нет вопросов!

Я узнала этот поставленный голос – говорил Нил Форбс, адвокат. Но он был одет не в свой обычно безупречный костюм, на нем была грубая домотканая одежда. Значит, нападение было не случайным, он пришел подготовленным к грязной работе.

– Эй! Говори за себя, Форбс! У меня к нему есть вопросы! – Это был дородный мужчина в фартуке мясника, краснорожий и возмущенный, с опухшим красным глазом. – Погляди-ка, что он со мной сделал! – он махнул пухлой рукой сначала на свой глаз, а потом на одежду – измазанная дегтем метла оставила весьма заметный след прямо на груди. Он погрозил Джейми крупным кулаком. – Ты за это заплатишь, Фрэзер!

– Ай, но заплачу той же монетой, Бьюкен! – отозвался Джейми, держа метлу наподобие копья. Бьюкен взвизгнул и отпрянул назад с искаженным от страха лицом. Люди в толпе засмеялись.

– А ну, вернись! Если хочешь поиграть в дикарей, тебе нужно больше боевой раскраски!

Бьюкен попытался сбежать, но путь заграждала толпа. Джейми совершил стремительный выпад с метлой, прицельно замазав ткань, покрывающую дебелие ягодицы. Бьюкен, ощутив тычок, панически подпрыгнул и стал, спотыкаясь, проталкиваться вперед, вызвав очередной взрыв хохота и насмешек среди присутствующих.

– Остальные тоже хотят поиграть в дикарей, да? – крикнул Джейми. Он обмакнул метлу в дымящуюся лужу и резко рассек ею воздух, описывая полукруг. Брызги горячего дегтя разлетелись во все стороны, и люди, вскрикивая, отпрянули назад, наступая друг на друга и толкаясь.

Меня тоже довольно сильно толкнули, и я ударилась о бочку, стоящую на улице. Я бы упала, если бы не Иезавель, которая подхватила меня под руку и поставила на ноги без особых видимых усилий.

– Твой мужчина прям дикарь, – сказала она, с одобрением глядя на Джейми. – Я б тоже такого хотела!

– Да, – отозвалась я, потирая ушибленный локоть. – И я. Иногда.

Но такие симпатии были далеко не всеобщими.

– Брось это, Фрэзер, или будешь носить перья вместе с ним! Чертовы тори!²¹

Крик раздался у меня за спиной, и, развернувшись, я увидела, что оратор явился подготовленным: в руке он держал подушку, распоротую с одной стороны, и при каждом его жесте из нее вылетало немного перьев.

– Облейте их всех дегтем с перьями!

²¹ Тори – колонисты, проживавшие в английских колониях Северной Америки и занявшие во время Войны за независимость 1775–1783 гг. сторону британского правительства.

На этот раз выкрик раздался у меня над головой, я повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть молодого мужчину, широко распахнувшего ставни на верхнем этаже дома на другой стороне улицы. Он пытался протолкнуть перину через окно, но его усилия встретили упорное сопротивление в лице хозяйки, которой перина принадлежала. Женщина навалилась на него сзади и методично колотила мухобойкой по голове, осыпая проклятиями.

Молодой парень рядом со мной начал кудахтать, как курица, расставляя локти, к явному удовольствию своих друзей, которые тут же начали повторять за ним, игнорируя немногие призывы вести себя разумно.

На дальнем конце улицы начали скандировать:

– Тори, тори, тори!

Настроение в толпе начало меняться – и не в лучшую сторону. Я подтянула к себе ружье, раздумывая, что предпринять, и уверенная – я должна предпринять хоть что-нибудь. Еще мгновение, и они бросятся на него.

– Дай-ка мне ружье, тетушка, – прозвучал мягкий голос у моего плеча. Резко обернувшись, я обнаружила рядом с собой тяжело дышавшего Йена. Ни секунды не сомневаясь, я отдала ему оружие.

– *Reste d'retour!* – прокричал Джейми по-французски – *Oui, le tout!*²² – Казалось, он обращается ко всей толпе, но смотрел он прямо на Йена.

Какого черта он... Но тут я заметила Фергуса, который яростно работал локтями, чтобы сохранить свое место в первом ряду зрителей. Йен, уже готовый поднять ружье, замялся, крепко прижав к себе оружие.

– Он прав, отойди назад! – сказала я резко. – Не стреляй, еще рано.

Теперь я понимала, что поспешный выстрел может принести больше вреда, чем пользы. Взять хоть Бобби Хиггинса и Бостонскую резню. Мне не хотелось даже думать о подобном в Кросс-Крике, особенно с Джейми в самом пекле.

– Не буду – но и до него я им не позволю добраться, – прошипел Йен. – Если они только попытаются... – Он не договорил, но я видела, как напряглись его желваки, и ощущала острый запах его пота, который пробивался даже сквозь горячий деготь.

Слава богу, в этот момент вмешалось providение и немного отвлекло людей: раздававшиеся сверху крики заставили всех поднять головы.

Еще один мужчина – очевидно домовладелец – показался в окне, он пытался втащить вандала за воротник обратно в дом, одновременно охаживая его по ребрам. Пара исчезла внутри, и через пару секунд шум и женские крики постепенно затихли, одна только перина наполовину вяло свисала из окна, как эпитафия завершившейся драме.

Скандирование затихло, когда люди увлеклись происходящим наверху, но теперь началось снова, периодически прерываемое выкриками в адрес издателя, – ему предлагали выйти и сдаться.

– Выходи, Симмс! – заорал Форбс. Я заметила, что он обзавелся свежей метлой и осторожно подбирался к двери печатной лавки. Джейми тоже это увидел, и угол его рта презрительно дернулся.

Сайлас Джеймсон, владелец местной таверны, стоял за Форбсом, изготовившись, как профессиональный борец, широкое лицо искажено злой улыбкой.

– Выходи, Симмс! – эхом отозвался он. – Какой мужчина станет прятаться под шотландской юбкой, а?!

Звучный голос Джеймсона было хорошо слышно, и большинство рассмеялись после его слов, включая Джейми.

²² Отойдите назад! Все вы!

– Умный мужчина! – прокричал Джейми в ответ и потряс краем килта перед Джеймсом. – Этот тартан укрыл многих нуждающихся ребят в свое время!

– И девчонок тоже, бьюсь об заклад! – прокричал кто-то дерзкий из толпы.

– Думаешь, найдешь свою жену у меня под килтом? – Джейми тяжело дышал, пропитанные потом рубашка и волосы прилипли к телу, но он по-прежнему широко улыбался, приподнимая краешек пледа. – Может, хочешь подойти поближе и поискать?

– А мне места хватит? – бесстыдно прокричала в ответ одна из торговек рыбой.

По толпе прокатился хохот. Как это обычно бывает при больших сборищах людей, настроение толпы быстро менялось от агрессии к веселью. Я сделала глубокий дрожащий вдох, чувствуя, как капля пота скатилась между грудей. Джейми пока контролировал ситуацию, но он ходил по лезвию ножа.

Если уж он решил защищать Симмса – а он решил, – никакая сила на земле не заставит его бросить печатника на произвол судьбы. Если толпа хочет Симмса – а они его хотели, – им придется сначала разобраться с Джейми. И, судя по всему, скоро они за это примутся.

– Выходи, Симмс! – заорал кто-то с акцентом из Южной Шотландии. – Ты не сможешь прятаться за спиной у Фрэзера весь день!

– Уж лучше держать печатника у своей задницы, чем адвоката! – крикнул Джейми в ответ, махая метлой в сторону Форбса в качестве иллюстрации. – Они поменьше, верно?

Это заставило людей взорваться от смеха: Форбс был довольно крупным и упитанным мужчиной, в то время как Фогарти Симмс выглядел дистрофиком. Форбс побагровел, и я заметила, как люди начали бросать косые взгляды в его сторону. Форбсу было за сорок, он никогда не был женат, и ходили слухи...

– Нет, точно, держать адвоката у своей задницы – плохая идея, – весело кричал Джейми, тыкая в сторону Форбса метлой. – Украдет твоё дерьмо, а потом заставит платить за клизму!

Форбс открыл рот, и лицо его приобрело пунцовый оттенок. Он отступил на шаг и, кажется, закричал что-то в ответ, но никто не слышал, его слова потонули в хохоте.

– А потом продаст его тебе как удобрение! – добавил Джейми, как только смех немного стих. Ловко перевернув метлу, Джейми ткнул Форбса деревянным кончиком в живот.

Толпа радостно заулюлюкала, и Форбс, который не был прирожденным бойцом, потерял голову и бросился на Джейми, нацелив на него метлу, как если бы это была лопата. Джейми, который явно дожидался именно такого неразумного выпада, отступил в сторону, как танцор, сделал ему подножку и обрушил ему на плечи вымазанную в дегте метлу, в результате чего Форбс плашмя полетел прямо в остывающую лужу дегтя, к бурной радости всей улицы.

– Ну-ка, возьми это, тетушка! – Внезапно ружье было сунуто мне в руки.

– Что? – Абсолютно сбита с толку, я крутанулась вокруг собственной оси и увидела, как Йен рысцой бежит за спинами людей, что-то выкрикивая Фергусу. Буквально за несколько секунд они, не замеченные толпой, внимание которой по-прежнему было сконцентрировано на упавшем Форбсе, достигли дома с торчащей из окна периной.

Йен наклонился и сложил ладони чашей, Фергус поставил ногу на эту импровизированную платформу и подпрыгнул, цепляясь за перину своим крюком, как будто они годами репетировали этот трюк. Крюк прошил ткань, и несколько мгновений Фергус болтался в воздухе, судорожно хватаясь за него здоровой рукой, чтобы он не слетел.

Йен подпрыгнул вверх и схватил Фергуса за талию, стягивая вниз. Под общим весом ткань перины поддалась, Фергус и Йен свалились на землю, и невероятный каскад гусиных перьев последовал за ними. Их подхватил слабый ветер и понес по влажному тяжелому воздуху, крутя их в сказочном снежном вихре, который накрыл всю улицу и облепил удивленную толпу комками липкого пуха.

Воздух, казалось, состоял из пуха: перья были повсюду, щекотали глаза, нос и рот, липли к волосам, одежде и ресницам. Я смахнула их со слезящихся глаз и торопливо отступила назад,

подальше от наполовину ослепленных людей, спотыкающихся, падающих и кричащих друг на друга.

Я наблюдала за Фергусом и Йеном, но, когда разразился перьевой шторм, я, в отличие от большинства, оглянулась на печатную лавку, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джейми открыл дверь, схватил Фогарти Симмса за руку и выволок наружу, как молочного поросенка.

Джейми хорошенько пихнул Симмса вперед, так что тот начал спотыкаться, и метнулся назад, чтобы вооружиться своей метлой и прикрыть отступление издателя. Ралстон Богьюс, который маячил в тени дерева неподалеку, вышел на свет с пикой в руках и побежал за Симмсом, то и дело оборачиваясь и воинственно помахивая оружием, чтобы отпугнуть преследователей.

Эта операция не прошла абсолютно незамеченной: хотя большинство были слишком заняты борьбой с сумасшедшим облаком перьев, пара человек заметили, что происходит, и подняли шум, и, ревя как стая собак, пытались пробраться сквозь толпу, чтобы нагнать ускользнувшего издателя.

Если и был подходящий момент... Если я пальну в воздух, они притормозят и у Симмса будет время скрыться. Я решительно подняла ружье и нащупала курок. В этот самый момент оружие выхватили у меня так резко, что я не успела понять, что произошло, ошеломленно глядя на свои пустые руки. Следом за моей спиной раздался такой звучный голос, что он заставил всех поблизости потрясенно замолчать.

– Исайя Мортон! Приготовься к смерти, парень!

Ружье выстрелило у меня над ухом с оглушительным «бум!», и облако пороха ослепило меня. Кашляя и задыхаясь, я начала тереть лицо передником, вернув себе зрение как раз вовремя, чтобы увидеть короткую и пухлую фигуру Исайи Мортонна ниже по улице, который бежал так, что только пятки сверкали. Иезавель Хэтфилд Мортон тут же бросилась за ним вдогонку, сбивая с ног всех, кто был на пути. Она ловко перескочила через вымазанного в дегте и покрытого перьями Форбса, который по-прежнему стоял на четвереньках с озадаченным видом, потом протолкалась через остатки толпы и пулей кинулась вниз по улице, двигаясь с удивительной для ее комплекции скоростью, – только фланелевые юбки развевались за спиной. Мортон завернул за угол и исчез из виду, неукротимая менада следовала за ним по пятам.

Я сама была слегка сбита с толку – в ушах звенело. Я подняла голову, когда кто-то коснулся моей руки. Прикрыв один глаз, сверху на меня шурился Джейми – как будто не вполне доверял тому, что видит. Он что-то говорил, и, хотя я не могла разобрать слов, его жестикуляция в сторону моего лица, сопровождаемая лукавой ухмылкой, доносила примерный смысл.

– Ха, – холодно отозвалась я, и собственный голос показался мне тонким и далеким. – Уж кто бы говорил!

С рубашкой, покрытой пятнами дегтя и комьями белых перьев, прилипших к его бровям, волосам и щетине, Джейми выглядел, как снеговик весной. Он сказал что-то еще, но я плохо его слышала. Я помотала головой и покрутила пальцем возле уха, обозначая для него свою временную глухоту. Он улыбнулся, взял меня за плечи и наклонился вперед, так что наши лбы встретились с глухим «тук!». Я почувствовала, что он дрожит, но не могла понять причину: изможденность или смех. Выпрямившись, Джейми поцеловал меня в лоб и взял за руку.

Нил Форбс сидел посреди улицы, раскинув ноги, с растрепавшимися в беспорядке волосами. С одного бока он был покрыт дегтем от плеч до колен. Форбс потерял один ботинок, а его соратники тем временем пытались очистить мужчину от перьев. Джейми, держа меня за руку, обошел его широким полукругом, при этом доброжелательно кивая в его сторону. Форбс, покраснев, поднял голову и что-то сказал, его широкое лицо исказилось в обозленной гримасе. В целом это было даже к лучшему, что я была не в состоянии его услышать.

* * *

Йен и Фергус исчезли вместе с большинством несогласных, без сомнения, чтобы устроить неразбериху где-нибудь еще. Мы с Джейми отправились в «Платан», постоянный двор на Ривер-стрит, чтобы освежиться и прийти в себя. Веселость Джейми немного поутихла, когда я начала отдирать от него деготь и перья, но он был всерьез захвачен моим пересказом визита к доктору Фентиману.

– И что им делают? – Джейми слегка морщился, пока я рассказывала про яичко Стивена Боннета, а когда я дошла до шприцов для пениса, невольно скрестил ноги.

– Ну, сначала, разумеется, нужно ввести иглу внутрь, а потом, я полагаю, доктор впрыскивает раствор вроде ртутного хлорида через уретру.

– Через... эм...

– Хочешь, чтобы я показала? – спросила я. – Я оставила корзину у Богьюсов, но могу сходить за ней и...

– Нет, – он наклонился вперед и уперся локтями в колени. – Думаешь, очень жжет?

– Не думаю, что это особенно приятная процедура.

Он поежился.

– Да, это вряд ли.

– К тому же, я думаю, неэффективная, – добавила я задумчиво. – Ужасная несправедливость пройти через такое и не вылечиться. Так ведь?

Он смотрел на меня с видом человека, который только что обнаружил, что подозрительный сверток рядом с ним тикает.

– Что... – начал он, но я поспешила закончить свою речь.

– Значит, ты не станешь возражать насчет визита к миссис Сильви, чтобы договориться с ней о том, что я буду лечить девушек?

– Кто такая миссис Сильви? – спросил он с подозрением.

– Владелица местного борделя, – сказала я, делая глубокий вдох. – Горничная доктора Фентимана рассказала мне о ней. Наверное, это не единственный бордель в городе, но думаю, что миссис Сильви наверняка знает обо всех своих конкурентах, так что сможет рассказать тебе...

Джейми провел рукой по лицу, оттянув нижние веки, так что покрасневшие глаза стали видны особенно отчетливо.

– Бордель, – повторил он. – Ты хочешь, чтобы я пошел в бордель.

– Ну, разумеется, я могу пойти с тобой, если ты хочешь, – сказала я. – Хотя, мне кажется, один ты справишься лучше. Я бы сделала это сама, – добавила я довольно резко, – но вряд ли меня примут всерьез.

Он прикрыл один глаз, испытующе глядя на меня вторым, который выглядел так, будто по нему провели наждачкой.

– О, это наверняка. Значит, вот что ты задумала, когда настояла на том, чтобы поехать в город вместе со мной? – В его голосе звучала нотка горечи.

– В общем... да, – признала я. – Хотя мне действительно нужна была кора хинного дерева. К тому же, – добавила я рассудительно, – если бы я не поехала с тобой, ты никогда не узнал бы ничего о Боннете. Как и о Лукасе.

Он пробормотал что-то на гэльском – значение сказанного сводилось, в моей трактовке, к тому, что он бы прекрасно прожил в неведении относительно обоих персонажей.

– К тому же тебе не привыкать к борделям, – заметила я. – У тебя даже была комната в одном. В Эдинбурге!

– Ай, это правда, – согласился он. – Но я не был женат тогда... Точнее, я был, но... Что ж, в те времена это было мне на руку – люди думали, что я... – Он прервался и бросил на меня умоляющий взгляд. – Саксоночка, ты правда хочешь, чтобы все в Кросс-Крике думали, что я...

– Ну, они ведь не станут так думать, если я отправлюсь с тобой?

– О Господи.

К этому времени он зарылся лицом в собственные ладони и усердно массировал кожу головы, как будто считал, что это поможет ему найти причины, которые заставят меня отказаться от задуманного.

– Где твое сострадание и солидарность по отношению к мужскому племени? Ты ведь не хочешь, чтобы какой-нибудь незадачливый парень отправился на сеанс с Фентимановым шприцом только потому, что ты...

– До тех пор, пока мне самому не нужен такой сеанс, – отозвался он, поднимая голову, – я готов оставить своих собратьев-мужчин наедине с последствиями их греховной жизни, они получат по заслугам.

– Что ж, с этим трудно не согласиться, – признала я. – Но они не единственные. Есть еще женщины. И не только шлюхи; как насчет жен – и детей, кстати – всех тех мужчин, которые заразились? Ты ведь не позволишь им всем умереть от сифилиса, если их можно спасти?

К этому времени взгляд Джейми уже напоминал взгляд загнанного в угол зверя, и мои аргументы не особенно поправили ситуацию.

– Но... Пенициллин не всегда работает, – заметил он. – Что, если он не сработает на шлюхах?

– Такое возможно, – признала я. – Но если есть выбор между тем, чтобы попробовать то, что может не сработать, и совсем не пробовать... – Видя, что он по-прежнему смотрит на меня исподлобья, я оставила идею убеждать его при помощи логических доводов и взялась за козыри.

– Как насчет Йена?

– А что с ним? – отозвался он опасливо, но я поняла, что мой вопрос мгновенно воскресил воспоминания у него в голове. Благодаря Джейми, Йен был знаком с борделями – хоть это знакомство и было совершенно случайным, непреднамеренным.

– Йен – порядочный парень. Он не стал бы... – начал Джейми упрямо.

– Он мог, – ответила я. – И тебе это известно.

Я понятия не имела о том, как у Йена обстоят дела с личной жизнью и есть ли она у него вообще. Но это был здоровый взрослый мужчина двадцати одного года от роду, не отягощенный обязательствами, а значит...

Я видела, как Джейми неохотно приходит к такому же заключению... Когда мы поженились, ему было двадцать три и он по-прежнему был девственником. Йен, однако, в силу обстоятельств никому не подконтрольных, познакомился с радостями плоти в значительно более юном возрасте. И эту невинность было уже не вернуть.

– Мхм, – протянул Джейми.

Он взял полотенце, свирепо потер им мокрые волосы, кинул его в сторону, собрал по-прежнему влажные волосы назад и потянулся за ремешком, чтобы затянуть их в хвост.

– Чем быстрее мы за это возьмемся, тем быстрее с этим будет покончено, – сказала я, глядя на него с одобрением. – Думаю, мне лучше пойти с тобой. Только заберу свою корзину.

Он ничего мне не ответил, угрюмо продолжив приводить себя в презентабельный вид. К счастью, во время уличных передраг на нем не было ни жилета, ни сюртука, так что самые страшные пятна на рубашке удалось скрыть.

– Саксоночка, – позвал он; я развернулась и встретила жесткий взгляд его покрасневших глаз.

– Да?

– Ты за это заплатишь.

* * *

Заведение мисс Сильви выглядело как совершенно непримечательный двухэтажный особняк, небольшой и немного обшарпанный. Черепица немного загибалась по краям, придавая ему легкое сходство с женщиной, которую застали врасплох как раз в тот момент, когда она снимала бигуди.

При виде неухоженного крыльца и заросшего двора Джейми неодобрительно заворчал в своей шотландской манере; в данном случае это наверняка был способ скрыть дискомфорт.

Не знаю, какой я ожидала увидеть мисс Сильви – единственная хозяйка борделя на моей памяти была элегантной француженкой, переехавшей в Эдинбург, – но владелица самого популярного публичного дома в Кросс-Крике оказалась женщиной лет двадцати пяти с лицом простым, как хлебная корка, и выдающимися ушами.

На самом деле я тут же решила, что она служанка, и только вежливое обращение Джейми к ней как «миссис Сильви» дало мне понять, что дверь открыла сама хозяйка. Я искоса поглядела на Джейми, размышляя о том, откуда он может ее знать, но потом посмотрела на женщину снова и поняла, что он наверняка обратил внимание на качество ее платья и заметил крупную брошь на груди.

Миссис Сильви перевела взгляд с Джейми на меня и нахмурилась.

– Мы можем войти? – спросила я и зашла, не дожидаясь ответа. – Я миссис Фрэзер, а это мой муж, – сказала я, указывая на Джейми, у которого порозовели кончики ушей.

– О? – проронила миссис Сильви неуверенно. – Что ж, если вас двое, мне придется взять с вас фунт сверху.

– Прошу про... О! – Горячая кровь бросилась мне в лицо, когда я с опозданием поняла, что она имеет в виду. Джейми ухватил суть ее фразы мгновенно и выглядел как вареная свекла.

– Все в порядке, – заверила она. – Конечно, это необычно, но Дотти не станет возражать. Она немного увлечена женщинами.

Джейми издал низкий рычащий звук, ненавязчиво напоминая, что это была моя идея, мне и объясняться.

– Боюсь, мы друг друга не поняли, – сказала я со всем возможным обаянием. – Мы... эээ... мы просто хотели бы поговорить с вашими... – я запнулась, подыскивая подходящее слово. Явно не «работницы».

– Девушками, – подсказал Джейми.

– Эм, да, девушками.

– Вот оно что. – Она переводила маленькие блестящие глаза по очереди с меня на Джейми. – Наверное, методисты, да? Или баптисты сияющего света? Тогда два фунта. За неудобства.

Джейми засмеялся.

– Дешево, – заметил он. – Или это за каждую?

– О, конечно, за каждую.

Губы мадам Сильви еле заметно искривились в усмешке.

– Два фунта за душу? Ай, и кто же станет называть цену за спасение? – Теперь Джейми открыто подтрунивал над ней, и мадам Сильви, однозначно поняв, что мы не относимся ни к категории потенциальных клиентов, ни к бродячим проповедникам, получала удовольствие от разговора, хотя и старалась скрыть это.

– Я стану, – отозвалась она сухо. – Шлюха знает цену всему, но не ценит ничего – так мне однажды сказали.

Джейми кивнул в ответ.

– Да. И сколько стоит жизнь одной из ваших девушек, мадам Сильви?

Всякая веселость исчезла из ее взгляда, глаза остались такими же яркими, но в них светилась готовность к обороне.

– Вы мне угрожаете, сэр? – Она выпрямилась и положила руку на колокольчик, стоящий на столике возле двери. – Спешу вас заверить, сэр, у меня есть защита. Советую вам уйти сейчас же.

– Если бы я хотел навредить тебе, женщина, я бы вряд ли захватил жену за компанию, чтобы она смотрела, – заметил Джейми мягко. – Я не такой извращенец.

Ее ладонь, крепко сжимавшая ручку колокольчика, немного расслабилась.

– Вы бы удивились, если бы узнали, каких людей я встречала, – сказала она. Имейте в виду, – мадам Сильви направила на него палец, – я в таком не участвую и никогда не стала бы, но я видела и кое-что похуже.

– Как и я, – сказал Джейми, в его голосе больше не было смеха. – Скажи-ка мне, может, ты слыхала о шотландце по имени Mac Dubh?

Ее лицо изменилось – она явно слышала это имя. Я была сбита с толку, но благоразумно молчала.

– Слыхала, – сказала она, потом ее взгляд стал острым. – Это были вы, да?

Он мрачно кивнул.

Мадам Сильви на секунду поджала губы, перед тем как снова вспомнить о моем присутствии.

– Он рассказывал вам? – спросила она.

– Сомневаюсь, – ответила я, с подозрением глядя на Джейми, который намеренно избегал моего взгляда.

Мадам Сильви издала короткий смешок.

– Одна из моих девушек пошла в «Жабу» с клиентом, «Жабой и Ложкой» звалось сомнительное заведение возле реки, и он очень плохо с ней обошелся. Потом он вытащил ее в зал и стал предлагать мужчинам, выпивающим там. Она сказала, что тогда поняла, что она труп, – вы ведь знаете, что можно изнасиловать до смерти?

Последняя фраза была адресована мне, причем сказана она была тоном, в котором смешались вызов и равнодушие.

– Знаю, – коротко ответила я. По моему телу пробежала короткая дрожь, а ладони стали влажными.

– Там был большой шотландец, который, по всей видимости, имел возражения по поводу намечающегося веселья. Но он был один против толпы...

– Твой конек, – пробормотала еле слышно, и Джейми кашлянул.

– ...и он предложил сыграть в карты на девушку. Они сыграли в брэг, и он выиграл.

– Неужели? – спросила я вежливо.

Мухлевать в карточных играх тоже было его коньком. Я старалась отговорить Джейми от использования этих талантов, поскольку была уверена, в один прекрасный день его за это кто-нибудь убьет. Ничего удивительного, что он ничего не рассказал мне об этом случае.

– Он взял Элис, завернул ее в свой плед и принес домой – оставил ее у дверей.

Она посмотрела на Джейми с плохо скрытым восхищением.

– Значит, вы пришли потребовать свой долг? У вас есть моя благодарность, если она чего-нибудь стоит.

– Стоит. И стоит много, мадам, – сказал он тихо. – Но нет. Мы пришли, чтобы спасти ваших девушек от кое-чего похуже пьяных насильников.

Ее тонкие брови вопросительно поднялись вверх.

– От сифилиса, – сказала я прямо.

Она ошарашенно открыла рот.

Несмотря на относительно юный возраст, мадам Сильви оказалась крепким орешком, с ней было не так-то просто договориться. Хотя страх перед сифилисом был постоянным фактором в жизни проституток, разговоры о спирохетах ее не проняли, а предложение сделать инъекции пенициллина ее подопечным – оказалось, что в заведении было всего три девушки – встретило твердый отказ.

Джейми позволил нашим пререканиям продолжаться до тех пор, пока мы окончательно не зашли в тупик. Тогда он применил иную тактику.

– Моя жена предлагает лечение не только по доброте сердечной, – сказал он. К этому времени мадам пригласила нас в аккуратную гостиную, украшенную полосатыми льняными занавесками, и Джейми осторожно наклонился вперед, чтобы не повредить хрупкое кресло, на котором он сидел.

– Сын наших друзей пришел к моей жене и сказал, что подхватил сифилис от проститутки в Хиллсборо. Она его осмотрела – нет сомнений в том, что он заражен. Но мальчишка запаниковал, прежде чем она успела начать лечение, и сбежал. С тех самых пор мы его ищем и буквально вчера услышали, что его видели здесь, в вашем заведении.

Мадам Сильви на секунду потеряла контроль над выражением своего лица. Она мгновенно овладела собой, но ужас, отразившийся в ее чертах, ни с чем нельзя было перепутать.

– Кто? – спросила она хрипло. – Шотландец? Как он выглядел?

Джейми обменялся со мной коротким озадаченным взглядом и описал Манфреда Макгилливрея. К тому времени, когда он закончил, лицо молодой женщины было белым как простыня.

– Он был у меня. Дважды. Господи. – Она сделала несколько глубоких судорожных вдохов и собралась с силами.

– Но он был чист! Я заставила его показать – я всегда так делаю!

Я объяснила, что, хотя шанкры заживают, болезнь остается в крови и проявляет себя позже. Да и разве сама она не знала о шлюхах, которые оказывались больны сифилисом без всяких первичных симптомов вроде язвочек?

– Да, конечно... Но они никогда не предпринимали никаких защитных мер, – сказала она, упрямо сжимая челюсти. – А я всегда предпринимаю, как и мои девочки. Я настаиваю на этом.

Я видела, как она укреплялась в своем отрицании проблемы. Чтобы не признавать, что она может укрывать в своем заведении смертельную болезнь, она будет настаивать, что это невозможно, до тех пор, пока не убедит себя в этом и не выкинет нас отсюда.

Джейми тоже это видел.

– Мадам Сильви, – сказал он, прерывая поток аргументов. Она, растерянно моргая, подняла на него глаза.

– У вас есть колода карт?

– Что? Я... Да, конечно.

– Принесите ее, – сказал он с улыбкой. – Брелан, мушка или брэг, на ваш выбор.

Он посмотрела на него долгим испытующим взглядом, крепко сжимая губы. Потом линия рта чуть расслабилась.

– Честная игра? – спросила она, и озорная искра блеснула в ее глазах. – И какие ставки?

– Честная игра, – заверил он. – Если я выиграю, моя жена сделает всем уколы.

– А если проиграете?

– Бочонок моего лучшего виски.

Она замялась ненадолго, пристально глядя на него и оценивая свои шансы. В его волосах по-прежнему был кусок дегтя, а к сюртуку прилипли перья, но голубые глаза смотрели пронзительно и искренне.

– По рукам, – сказала она.

* * *

– Ты мухлевал? – спросила я, хватаясь за его руку, чтобы не споткнуться. Уже давно стемнело, и улицы Кросс-Крика не освещало ничего, кроме звезд.

– Мне не пришлось, – сказал он и широко зевнул. – Может, она хорошая шлюха, но в карты играть не умеет. Ей надо было выбрать мушку, там все по большей части зависит от везения, а брэг требует умения. Но в мушке легче хитрить, – добавил он, подмигнув.

– А что именно делает хорошую шлюху хорошей? – спросила я с любопытством. Я никогда не думала о вопросе квалификации в связи с этой профессией, но наверняка таковая имела, помимо необходимых анатомических особенностей и готовности сделать их доступными.

Он посмеялся на это, но задумчиво почесал голову.

– Ну, хорошо, если ей нравятся мужчины, но она не воспринимает их слишком серьезно. И если ей нравится ложиться с ними в постель, это тоже плюс. Ох. – Я наступила на камень и схватилась крепче за его руку, задев кожу, обожженную дегтем.

– Ой, извини. Больно? У меня с собой есть немного мази, которую я могу наложить, когда доберемся до постоянного двора.

– Ох, нет. Просто волдыри, заживет.

Он осторожно потер руку и передернул плечами, как будто стряхивая с себя мысли о боли. Взяв меня под руку, он завернул за угол, в сторону главной улицы. Мы еще раньше решили, что, раз можем задержаться допоздна, остановиться в «Королевской гостинице» Макланахана будет разумнее, чем проделывать в темноте долгий путь до Риверана.

Запах горячего дегтя по-прежнему висел в воздухе в этой части города, вечерний бриз разнес перья по обочинам, где они образовали небольшие сугробы. Время от времени случайное перо проплывало мимо моего уха, словно неторопливый мотылек.

– Интересно, они все еще оципывают Нила Форбса? – спросил Джейми весело.

– Может, его жена просто наденет на него наволочку и использует как подушку, – предположила я. – Хотя, погоди-ка, у него ведь нет жены. Им придется...

– Назвать его петушком и отправить на двор обслуживать несущек, – закончил за меня Джейми, хихикая. – Из него выйдет отличный петушок, хотя и не в смысле использования своего «петушка» по назначению.

Он не был пьян – у мадам Сильви мы выпили только слабый кофе после инъекций, – но был ужасно уставшим. Мы оба очень устали. Внезапно, в этом состоянии полного изнурения, даже самые глупые шутки стали казаться ужасно смешными; мы шли, спотыкаясь и врезаясь друг в друга, и смеялись над все более и более плоскими шутками, пока от смеха у нас не начало сводить животы.

– Что это? – внезапно спросил Джейми, делая глубокий удивленный вдох. – Что горит?

Горело что-то основательное – в небе, над крышами соседних домов, стояло зарево, резкий запах горящей древесины внезапно перебил вонь от горячего дегтя. Джейми поспешил завернуть за угол, я бежала за ним по пятам.

Горела печатная лавка мистера Симмса. Очевидно, его оппоненты, разочарованные тем, что упустили добычу, решили обрушить свое негодование на его собственность.

Группа мужчин слонялась по улице, так же как сегодня днем. Среди них раздавались крики «тори!», некоторые держали в руках горящие факелы. Новые люди спешили по улице к горящему дому, что-то выкрикивая. Я разобрала только «проклятые виги!», потом две группы смешались в яростной неразберихе кулаков и локтей.

Джейми схватил меня за руку и потянул в ту сторону, откуда мы пришли, чтобы нас не заметили. Мое сердце колотилось, я задыхалась от быстрого бега. Мы нырнули за дерево и остановились, тяжело дыша.

– Что ж, – выдавила я после небольшой паузы, наполненной криками возбужденных повстанцев, – похоже, Фергусу придется найти что-то другое. Я знаю, что лавка аптекаря продается дешево.

Джейми издал невнятный звук, отдаленно напоминающий смех.

– У него лучше выйдет работать в партнерстве с мадам Сильви, – сказал он. – Это занятие не имеет отношения к политике. Пойдем, саксоночка, нам придется сделать хороший крюк.

Когда мы наконец дошли до гостиницы, мы обнаружили Йена на крыльце, беспокойно высматривающим нас.

– Где, во имя всех святых, вас носило? – спросил он строгим тоном, который неожиданно напомнил мне о его матери. – Мы везде тебя искали, дядя Джейми, весь город прочесали от и до. Фергус уже утвердился в мысли, что тебя поймали в этой неразберихе и покалечили или вообще убили. – Он кивнул в сторону печатной лавки, пламя начинало угасать, но зарево было по-прежнему достаточно ярким, чтобы осветить его сурово нахмуренное лицо.

– Мы занимались богоугодными делами, – заверил его Джейми смиренно. – Посещали убогих и немощных, как нам завещал Христос.

– О, ай? – с сарказмом отозвался Йен. – Он еще завещал присматривать за преступниками. Какая жалость, что вы не начали с этого.

– Что? Почему?

– Этот ублюдок Доннер сбежал, вот почему, – сообщил Йен, судя по всему, испытывая мрачное удовлетворение от роли гонца с плохими вестями. – Во время драки, около полудня. Тюремщик решил присоединиться к веселью и оставил дверь закрытой на одну защелку. Засранец запросто вышел оттуда и был таков.

Джейми глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух из легких, немного закашлявшись от дыма.

– Ну что ж, – сказал он. – Значит, минус одна печатная лавка и один вор, но плюс четыре шлюхи. Как думаешь, это справедливый обмен, саксоночка?

– Шлюхи? – удивленно воскликнул Йен. – Какие шлюхи?

– Шлюхи мадам Сильви, – сказала я, пристально глядя на него. Вид у него стал чуть пристыженным, хотя, может, дело было в неверном свете от пожара. – Йен! Ты ведь не...

– Конечно, да, саксоночка, – обреченно ответил Джейми. – Посмотри на него.

Виноватое выражение расплывалось у Йена по лицу, как пятна масла на воде, – его было легко различить даже в неверном красноватом свете от догорающего пожарища.

– Я выяснил кое-что про Манфреда, – торопливо сказал он. – Он отправился вниз по реке, чтобы сесть на корабль до Уилмингтона.

– Да, это мы тоже выяснили, – сказала я немного ядовито. – С кем ты был? Мадам Сильви или одна из девушек?

Его крупный кадык нервно дернулся.

– Мадам Сильви, – ответил он тихо.

– Ясно, – отозвалась я. – К счастью, у меня осталось немного пенициллина, а еще есть отличный тупой шприц. Быстро внутрь, Йен, горе ты луковое, и спускай штаны.

Миссис Макланахан, вышедшая на крыльцо, чтобы выяснить, будем ли мы ужинать, услышала мою последнюю фразу и бросила на меня удивленный взгляд, но мне было уже все равно, что именно она подумает.

Некоторое время спустя мы лежали, укрытые от всех треволнений и хаоса уходящего дня, в тихой гавани чистой постели. Я открыла окно, и легкий ветерок разбавил тяжелый неподвижный воздух в комнате. Несколько мягких серых частиц плавно залетели внутрь – перья или пепел – и теперь кружились, как снежинки, опускаясь на пол.

Рука Джейми лежала у меня на животе, и я чувствовала мягкие выпуклые окружности волдырей, покрывающих его предплечье. Воздух остро пах горелой древесиной, а за этим

запахом пряталась вонь от дегтя, как притаившаяся угроза. Мужчины, которые сожгли лавку Симмса – и почти сожгли самого Симмса, да и Джейми вместе с ним, – были будущими повстанцами, которых потом назовут патриотами.

– Я слышу, как ты думаешь, саксоночка, – сказал он. Его голос звучал сонно, умиротворенно. – О чем?

– Я думала о дегте и перьях, – отозвалась я тихо и осторожно коснулась его руки. – Джейми, время пришло.

– Я знаю, – ответил он мягко.

Какие-то люди шли по улице снаружи с факелами, пьяно распевая что-то. Дрожащий свет от огня проплыл по потолку и исчез. Я чувствовала, как Джейми наблюдает за его движением, прислушиваясь к нетрезвым голосам, которые постепенно затихали в конце улицы. Он ничего не сказал, и через несколько мгновений его большое тело, так близко прижавшееся к моему, начало расслабляться, снова проваливаясь в сон.

– О чем ты думаешь? – прошептала я, не уверенная в том, слышит ли он меня. Он услышал.

– Я думаю, из тебя бы вышла отличная шлюха, саксоночка, если бы ты была более свободных нравов, – ответил он сонно.

– Что? – спросила я ошарашенно.

– Но я рад, что ты не такая, – добавил он и захрапел.

Глава 57

Возвращение священника

4 сентября 1774

Роджер обошел Купервиль стороной по дороге домой. Дело было не в том, что он боялся гнева Уте Макгиливрей, просто он не хотел портить радость от возвращения домой холодностью или стычками любого рода. Вместо этого он сделал большой крюк, постепенно проделывая путь вверх по склону в сторону Риджа, – он продирался через заросшие части тропы, где лес возвращал свое, и пересекал небольшие ручьи.

Перейдя последний из них, его мул отряхнулся, разбрызгивая вокруг капли воды с живота. Притормозив, чтобы вытереть пот с лица, он заметил движение на крупном валуне у берега. Айдан рыбачил, не замечая появления Роджера.

Роджер развернул Кларенса вдоль берега и пару секунд просто молча наблюдал. Затем он спросил:

– Хорошо клюет?

– Сносно, – отозвался Айдан, сосредоточенно наблюдая за леской. Затем он поднял голову, и его лицо расплылось в широкой улыбке. Отбросив в сторону удочку, он соскочил с камня, подбежал к Роджеру и протянул руки вверх, чтобы Роджер смог схватить его за тощие запястья и посадить в седло перед собой.

– Вы вернулись! – воскликнул он и обхватил Роджера обеими руками, одновременно зарываясь лицом в его грудь. – Я ждал вас. Значит, теперь вы настоящий священник?

– Почти. Откуда ты знал, что я вернусь сегодня?

Айдан пожал плечами.

– Я ждал почти целую неделю! – он озадаченно заглянул в лицо Роджеру своими круглыми глазами. – Вы ни капельки не изменились.

– Нет, – подтвердил Роджер, улыбаясь. – Как твой живот?

– Лучше всех. Хотите посмотреть на шрам? – Айдан откинулся назад, задирая край своей потрепанной рубашки вверх, чтобы показать узкий рубец длиной примерно четыре дюйма, алеющий на его бледной коже.

– Выглядит отлично, – одобрительно заметил Роджер. – Значит, теперь, раз ты выздоровел, то присматриваешь за мамой и маленьким Орри?

– О да, – Айдан выпятил вперед хилую грудь. – Я принес шесть форелей вчера к ужину, самая большая была размером с мою руку! – В доказательство он выразительно показал на свое предплечье.

– Быть не может!

– Правда! – возмущенно начал Айдан, потом понял, что его поддразнивают, и широко улыбнулся.

Кларенс выказывал признаки нетерпения – ему хотелось домой, он дергал поводья и перебирал копытами, выписывая небольшие круги по берегу.

– Мне пора. Хочешь поехать со мной?

Айдан явно хотел, но переборол соблазн и покачал головой.

– Нет. Я обещал миссис Огилви сразу сообщить ей, как только вы вернетесь.

Роджер удивился.

– А зачем?

– У нее родился малыш на прошлой неделе, она хотела, чтобы вы его крестили.

– О! – Сердце Роджера подпрыгнуло, и радость, до этого момента скрытая где-то в груди, начала понемногу расправлять крылья. Его первое крещение! Точнее, первое официальное крещение, подумал он, ощутив укол боли при воспоминании о маленькой девочке О’Брайен,

которую он похоронил без имени. Он не сможет провести обряд до посвящения в сан, но этого приятно ждать.

– Скажи ей, я буду рад окрестить малыша, – сказал он, опуская Айдана на землю. – Пусть передаст через тебя, когда я понадоблюсь. И не забудь свою рыбу! – крикнул он вслед мальчику.

Айдан подобрал свою удочку и связку серебристой рыбы – каждая не длиннее его ладони – и исчез в лесу. Роджер повернул Кларенса в сторону дома.

Он почувствовал запах дыма еще в начале тропы. Запах был сильнее обычного печного дыма. После всех разговоров о том, что произошло в Кросс-Крике, которые он слышал по пути, Роджер не смог отогнать от себя тревожные мысли и прищепил мула, чтобы тот шел быстрее. Кларенс, почуяв близость дома даже сквозь дым, смиренно принял приказ седока и резво потрусил вверх по склону.

Запах стал сильнее, к нему примешивался какой-то странный, как будто знакомый, мускусный полутон. С каждым шагом дым, висящий между деревьев, становился все плотнее, и к тому моменту, когда Роджер вышел на опушку, он буквально стоял в стременах от напряжения.

Хижина была на месте, потрепанная, но целая. Облегчение заставило его опуститься обратно в седло с такой силой, что Кларенс возмущенно крикнул. Дым вился вокруг дома плотными спиралями, и фигура Брианны с по-мусульмански укутанными шарфом волосами и лицом была едва различима. Он спешил, сделал вдох, чтобы позвать ее, и мгновенно испытал приступ кашля. Чертова печка для обжига была открыта и изрыгала дым, словно дьявольский котел. Теперь он разобрал мускусный полутон – запах жженой земли.

– Роджер, Роджер! – Бри увидела его и бросилась бежать. Перепрыгнув через кучу торфа, с развевающимися юбками и шарфом, как горная коза, она упала в его объятия.

Он крепко схватил ее, думая, что нет в жизни ничего лучше, чем чувствовать ее вес в своих руках и ощущать вкус ее губ, даже несмотря на то, что на обед она явно ела лук. Она отстранилась на мгновение, улыбающаяся, с влажными глазами.

– Я люблю тебя. – Потом Брианна снова обхватила его лицо и поцеловала. – Я скучала. Когда ты в последний раз брился? Я люблю тебя.

– Четыре дня назад, когда выехал из Шарлотта. Я тоже тебя люблю. Все в порядке?

– Конечно. То есть не совсем. Джемми упал с дерева и выбил зуб. Но это был молочный зуб, и мама сказала, что это не должно повлиять на коренной, когда он начнет резаться. Йен мог заразиться сифилисом, и мы все его осуждаем. Папу почти облили дегтем в Кросс-Крике. А еще мы видели Флору Макдональд, и мама проткнула иглой глаз тети Йокасты, и...

– Фу, – инстинктивно отреагировал Роджер. – Зачем?

– Чтобы он не лопнул. А еще я заработала шесть фунтов, рисуя на заказ! – триумфально подытожила она. – Я купила проволоки и шелковой бумаги, чтобы делать ширмы, а еще шерсти для твоего зимнего плаща. Она зеленая. А самое главное, мы встретили другого... Ну, про это, наверное, лучше рассказать позже, это сложно. Как все прошло с пресвитерианцами? Все в порядке? Ты священник?

Он покачал головой, пытаясь решить, на какую часть этого потока сознания ответить сначала. Выбор пал на последнюю фразу, просто потому, что ее он помнил наверняка.

– Почти. Ты брала уроки по бессвязной речи у миссис Баг?

– И как ты можешь быть почти священником? Погоди-ка, расскажешь через минуту, мне нужно приоткрыть печь посильнее.

С этими словами она помчалась назад через перекопанную землю к зияющему отверстию печи. С одной стороны возвышался высокий кирпичный дымоход, который отчасти напоминал надгробный камень. Обгоревшие куски дерна, которые прикрывали печь в процессе работы, были разбросаны вокруг. Создавалось общее впечатление огромной дымящейся могилы, из

которой только что поднялось нечто огромное, раскаленное и, без сомнения, демоническое. Если бы он был католиком, то перекрестился бы.

Он осторожно подошел к краю, где Брианна, сидя на коленях, вытягивала перед собой лопату, чтобы убрать следующий слой дерна с ивового каркаса, который возвышался над ямой. Посмотрев вниз, он различил в густом дыму странной формы объекты, лежащие на земляных полках. Несколько по форме напоминали тарелки и миски. Большая часть предметов походила на тубы длиной в два-три фута, с одного края закругленные и суженные, а с другого чуть расширяющиеся. Они были темного розового цвета, почерневшие от дыма, и больше всего напоминали коллекцию гигантских фаллосов на гриле – ассоциация почти настолько же неприятная, как история про глаз Иокасты.

– Трубы, – гордо сказала Брианна, указывая лопатой в сторону продолговатых предметов. – Для воды. Смотри, они получились идеальными! Ну, или станут такими, если не треснут, пока будут остывать.

– Ничего себе! – отозвался Роджер с умеренным энтузиазмом. – Эй, я привез тебе подарок. – Потянувшись в карман плаща, он достал апельсин, который она схватила с восторженным писком, хотя и замялась на секунду перед тем, как вонзить палец в оранжевую корочку.

– Ешь, не беспокойся. Я привез еще один для Джемми, – заверил он ее.

– Я люблю тебя, – сказала она снова с жаром, апельсиновый сок побежал по ее подбородку. – Что там с пресвитерианцами? Что они сказали?

– Ну, в целом все в порядке. У меня все-таки университетская степень, и я знаю достаточно греческого и латыни, чтобы их впечатлить. Есть загвоздка с ивритом, но я наверстаю – преподобный Кадвелл одолжил мне книгу. – Он похлопал рукой по карману.

– Ага, так и вижу тебя проповедующим на иврите Кромби и Бьюкенанам, – сказала она, широко улыбаясь. – Так что еще?

К ее губе прилип кусочек апельсиновой мякоти и, ведомый импульсом, он наклонился и поцеловал ее, ощущая, как во рту разливается яркая кисловатая сладость.

– Ну, они проверили мое знание доктрины и писания, мы много говорили и молились вместе. – Он ощущал какую-то неловкость и смущение от собственных слов. Это был удивительный опыт – как возвращение домой, по которому он скучал, но сам не знал этого. Если начистоту, ему было радостно от того, что он нашел свое призвание и что у него была возможность разделить его с теми, кто понимал его и шел той же дорогой...

– Пока что я только служитель слова, – сказал он глядя на носки своих ботинок. – Я смогу совершать таинства брака и крещения только после посвящения в сан, но для этого нужно дождаться ближайшего пресвитерианского собора. Пока что я могу проповедовать, учить и хоронить.

Она смотрела на него с немного грустной улыбкой.

– Ты счастлив? – спросила она, и он кивнул, на мгновение онемев.

– Очень счастлив, – выдавил он наконец едва слышно.

– Хорошо, – отозвалась она и улыбнулась веселее. – Я понимаю. Значит, теперь ты, так сказать, обручен с Господом.

Он засмеялся и почувствовал, как горло начало расслабляться. Боже, нужно будет что-то придумать насчет этого, он не может проповедовать пьяным каждое воскресенье. Возвращаясь к теме о нарушении правил...

– Да, так и есть. Но я женат на тебе – об этом я не забуду.

– Смотри мне. – Ее улыбка теперь была широкой и искренней. – Раз уж мы женаты... – Она посмотрела прямо, так что ее взгляд прошел сквозь него, словно электрошок. – Джем у Марсали, играет с Германом. Я никогда раньше не занималась любовью со священником. Это кажется чем-то развязным и плохим, как думаешь?

Роджер сделал глубокий вдох, но это не помогло; он по-прежнему чувствовал головокружение; несомненно, дело было в дыме.

– О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! – начал он. – И ложе наше зелено. Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника; живот твой – круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое – ворох пшеницы, обставленный лилиями. – Он вытянул руку и нежно коснулся ее. – Два сосца твои – как два козленка, двойни серны²³.

– Вот как?

– Это в Библии, – абсолютно серьезно заверил он ее.

– Расскажи-ка мне еще про мой живот, – попросила она, но прежде чем он успел открыть рот, он заметил маленькую тень, выскочившую из леса и со всех ног бегущую к ним. Это был Айдан, задохнувшийся от бега и уже без рыбы.

– Миссис Огил... ви сказала... Чтобы вы пришли сейчас! – выпалил он. Он глотнул немного воздуха, чтобы доставить оставшуюся часть сообщения: – Младенец... слабенький, и они хотят ее крестить на тот случай, если она умрет.

Роджер хлопнул по пальто с другой стороны; книга общего богослужения, которую ему дали в Шарлотте, успокаивающе оттягивала карман.

– А ты можешь? – Брианна смотрела на него с тревогой. – Католики могут – то есть в случае необходимости крестить может и обычный человек.

– Да, в таком случае могу, – сказал он, задыхаясь от волнения. Он посмотрел на Брианну, измазанную сажей и грязью, ее одежда остро пахла дымом и печеной глиной, отнюдь не миррой и алоэ.

– Хочешь пойти со мной? – Он отчаянно хотел, чтобы она согласилась.

– Ни за что на свете такое не пропущу, – заверила она и, сняв свой грязный шарф, тряхнула волосами, яркими, как знамена, развевающиеся на ветру.

* * *

Это был первый ребенок в семье Огилви, крошечная девочка, которой Брианна, в силу своего немалого родительского опыта, тут же диагностировала острые колики, но в целом определила ее как вполне здорового младенца. Пугающе молодые родители – оба выглядели не старше пятнадцати – были до смешного благодарны за все: за советы и уверения Брианны, за ее предложение сходить к Клэр (супруги боялись сами идти к жене лэрда, не говоря уж о слухах, которые о ней ходили) за лекарствами и едой и, наконец, более всего за то, что Роджер пришел крестить их дочь.

Они не могли поверить в свою удачу: настоящий священник – объяснить им реальное положение вещей оказалось невозможно – появился в этой глуши и снизошел до того, чтобы прийти и даровать благословение Божье их дочери.

Роджер и Брианна остались с ними ненадолго и ушли, когда солнце поползло за горизонт, оба светящиеся полубессознательной радостью от сделанного доброго дела.

– Бедолаги, – сказала Брианна, интонация ее колебалась между сочувствием и веселостью.

– Бедолаги, – согласился Роджер, разделяя ее настроения.

Крещение прошло прекрасно – даже кричащий краснолицый младенец приутих, когда Роджер лил воду на лысую макушку и провозглашал, что теперь душа ребенка под защитой Господа. Он ощущал невероятную радость и величайшее смирение от того, что ему было поз-

²³ Ветхий Завет. Песнь Песней, 7:1–3.

волено совершить обряд. Только одна деталь оставляла Роджера в замешательстве – его эмоции колебались от смущенной гордости до глубокого смятения.

– Ее имя... – сказала Брианна и остановилась, качая головой.

– Я пытался остановить их, – сказал он, пытаясь контролировать свой голос. – Я пытался, ты тому свидетель. Я предложил Элизабет. Майри. Может, Элспет. Ты слышала!

– Да ладно, – сказала она, и ее голос завибрировал. – Мне кажется, Роджерина – прекрасное имя. – После этого она перестала себя сдерживать, опустилась на траву и начала смеяться не хуже гиены.

– О Боже, бедный ребенок, – сказал он, пытаясь – безуспешно – не засмеяться вслед за женой. – Я слышал имя Томасина и даже Джеймсина, но... Боже.

– Может, они сократят ее имя до Ины, – предположила Брианна, сопя и вытирая лицо передником. – Или прочтут его задом наперед – Аниреждор – и станут звать ее Ани.

– О, спасибо тебе за утешение, – сухо отозвался Роджер и наклонился, чтобы помочь ей подняться с земли.

Брианна прижалась к нему и обняла его за талию, все еще трясаясь от смеха. Она пахла апельсинами и дымом, заходящее солнце играло золотом в ее волосах.

Наконец она утихла и подняла голову с его плеча.

– Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне²⁴, – сказала она и поцеловала его. – Ты молодец, преподобный. Пойдем домой.

²⁴ Ветхий Завет, Песнь песней, 6:3.

Часть восьмая

Зов

Глава 58

Любите друг друга

Роджер вдохнул настолько глубоко, насколько мог, и закричал что было сил. И это было не очень громко. Он повторял упражнение снова и снова.

Было больно. И становилось хуже; слабый задушенный звук собственного голоса вызывал у него отвращение, так что хотелось заткнуться и больше никогда не открывать рот. Он подышал, закрыл глаза и закричал со всей мощью, на которую были способны его легкие. По крайней мере, попытался.

Острая боль пронзила его горло справа, и крик оборвался. Роджер хватал воздух ртом. Пару секунд он осторожно вдыхал и выдыхал, сглатывая, а потом повторил все заново.

Господи, как больно.

Он вытер рукавом слезящиеся глаза и приготовился к новой попытке. Уже набрав воздуха в грудь и сжав кулаки, он услышал голоса и медленно выдохнул. Голоса были близко и перекликались между собой, но ветер дул в противоположную сторону, и он не мог разобрать слова. Скорее всего, охотники. Стоял погожий осенний день, воздух был прозрачно-голубым, и лес казался наполненным живым дрожащим светом.

Листья только начали менять цвет, но некоторые уже опадали – тихое непрекращающееся движение на периферии зрения. Он отлично знал, что любое движение в такой обстановке можно принять за дичь. Набрав было воздуха, чтобы позвать охотников, он вдруг замялся и тихо пробормотал: «Вот дерьмо». Отлично. Уж лучше пускай его пристрелят по ошибке вместо оленя, чем так позориться.

– Придурок, – сказал он самому себе, снова набрав воздуха и закричал: – Ауууу!

Несмотря на усилие, звук вышел тихий и хриплый. Он позвал еще раз. Потом еще и еще. К пятому разу он подумал, что уж лучше покориться судьбе и быть пристреленным, чем продолжать надрываться, чтобы его услышали. Но в этот момент до него по прохладному легкому воздуху наконец донеслось слабое ответное «ау».

Он облегченно замолчал и кашлянул, удивленно отмечая отсутствие крови, – казалось, что горло истерзано до мяса. Он издал мелодичное мычание и попытался сделать голос повыше. Октава. Едва-едва, и боль тут же стала простреливать глотку, но это была полная октава. Это был первый раз со времен травмы, когда ему удалось восстановить такую часть старого диапазона. Вдохновленный этим явным свидетельством прогресса, он радостно поприветствовал охотников, когда они показались из-за деревьев: это были Алан Маккензи и Йен Мюррей, оба держали в руках по длинному прикладу.

– Преподобный Маккензи! – отозвался Алан, улыбаясь, как лихая дружелюбная сова. – Что это вы здесь делаете совсем один? Репетируете первую проповедь?

– Вообще-то да, – ответил Роджер удовлетворенно. В каком-то смысле это была правда – да и вряд ли можно было найти лучшее объяснение, почему они встретили его одного в лесу, без оружия, ловушек или хотя бы удочки.

– Вы уж постарайтесь, – сказал Алан, кивая. – Все придут. Отец не дает Мальве расслабиться, она от заката до рассвета начищает все до блеска.

– О! Вот как? Тогда передай ей, что я это очень ценю.

Хорошенько поразмыслив, Роджер спросил Тома Кристи, сможет ли он проводить воскресные службы в доме учителя. Это была простая, грубо сложенная хижина, как большинство домов на Ридже, но поскольку в ней проходили занятия, она была немного просторнее. И хотя Джейми Фрэзер, без сомнения, разрешил бы использовать Большой Дом, Роджер подумал, что его паства – какое страшное слово – будет чувствовать себя некомфортно, если службы будут проходить в доме паписта, каким бы гостеприимным и терпимым этот конкретный папист ни был.

– Ты же придешь, так ведь? – спросил Алан Йена. Йен удивленно глянул на него в ответ и неуверенно потер костяшками пальцев верхнюю губу.

– О, ну, я ведь крещен католиком, так что...

– Ну ведь ты христианин, по крайней мере? – отозвался Алан несколько нетерпеливо. – Или нет? Поговаривают, ты стал язычником среди индейцев да так им и остался.

– Вот как? – Йен говорил спокойно, но Роджер заметил напряжение в его лице. Он с интересом отметил, что Йен не ответил, вместо этого задав вопрос ему: – А твоя жена придет тебя послушать, кузен?

– Придет, – ответил он, мысленно скрещая пальцы на этот день, – и маленький Джем тоже.

– А вот так? – спросила Бри, глядя на него с выражением ликующей гордости, подбородок приподнят, губы чуть раскрыты. – Джеки Кеннеди. Этот вариант неплох, как думаешь? Или лучше попробовать королеву Елизавету на смотре войск? – Она сжала губы, и ее лицо теперь выражало не восхищенное внимание, но сдержанное одобрение.

– О, миссис Кеннеди, прошу, – выбрал он. Он будет рад, если ей просто удастся сохранить серьезное лицо, не говоря уже о более сложных комбинациях.

– Что ж, тогда я приду, если ты считаешь, что никто не воспримет это неправильно, – добавил Йен деликатно в сторону Алана, который добродушно отмахнулся от его слов.

– О, там будут все, – повторил Алан, и от этого замечания у Роджера что-то ухнуло в животе.

– Надеетесь достать оленя? – спросил он, кивая на ружья и надеясь сменить тему разговора на что-нибудь, не имеющее отношения к его предстоящему дебюту в качестве священника.

– Да, – ответил Алан, – но мы слышали крик пумы в этой стороне, – он кивнул, обводя глазами лес вокруг них. – Йен говорит, что если где-то рядом пума, то олень нам не светит.

Роджер бросил подозрительный взгляд на Йена, чье подчеркнуто спокойное лицо сказало ему больше, чем он хотел знать. Алан Кристи, рожденный и выросший в Эдинбурге, мог и не отличить звериный крик от человеческого, но Йен-то уж точно отличал.

– Жаль, что она распугала дичь, – заметил Роджер, приподнимая одну бровь и глядя на Йена. – Пойдемте, я составлю вам компанию по пути назад.

* * *

Он выбрал «Любите ближнего своего, как самого себя» как тему для своей первой проповеди. «Старое, доброе...» – как он сказал Брианне, заставив ее немного скривиться. Он слышал сотни вариаций на эту тему и был вполне уверен, что ему хватит материала на необходимые тридцать-сорок минут.

Нормальная служба в церкви была гораздо длиннее – чтение псалмов, обсуждение проповеди, молитва за прихожан, – но его голос был еще недостаточно силен. Ему нужно начать с малого, чтобы постепенно прийти к полноценной службе, которая легко могла продолжаться около трех часов. Он договорился с Томом Кристи, который был старейшиной, чтобы он взял на себя чтение псалмов и молитвы. А там будет видно, как пойдут дела.

Брианна скромно сидела в сторонке, наблюдая за ним, – слава богу, не как Джеки Кеннеди, но каждый раз, когда он ловил ее взгляд, скрытая нежная улыбка искрилась в ее глазах.

Роджер взял с собой заметки на случай, если иссякнет вдохновение, но они ему не понадобились. У него перехватило дыхание на пару секунд, когда Том Кристи, закончив читать отрывок, захлопнул Библию и кинул на него многозначительный взгляд, но, начав говорить, Роджер сразу почувствовал себя уверенно – это было очень похоже на чтение лекций в университете; хотя, видит Бог, паства слушала его куда внимательнее студентов. Они не прерывали его речь вопросами и не спорили – по крайней мере, пока он говорил.

Первые несколько мгновений он остро осознал, где и с кем находится: чувствовал слабый запах пота и вчерашнего жареного лука, видел потертые доски пола, вымытые и выскобленные щелоком, людей, тесно сидящих на скамьях и толпящихся в проходе и сзади. Спустя несколько минут для него все исчезло, кроме нескольких лиц прямо перед ним.

Алан Кристи не преувеличивал: пришли все. Было почти так желюдно, как во время его последнего публичного выступления перед несвоевременным воскресением старой миссис Уилсон.

Он раздумывал о том, насколько его нынешняя популярность повлияла на количество слушателей. Пара человек исподволь следила за ним с каким-то ожиданием в глазах, как будто ждали, что в финале он превратит воду в вино, но в большинстве своем его приход остался доволен проповедью. Его голос был хриплым, но достаточно громким. Слава богу.

Он верил в то, что говорил. Скоро после начала он ощутил легкость, и ему не нужно было больше концентрироваться на своей речи. Это позволило Роджеру смотреть на разных прихожан по очереди, как если бы он с каждым говорил лично, в то же время подмечая детали происходящего задним умом.

Марсали и Фергус не пришли – ничего удивительного, – но Герман был здесь, он сидел вместе с Джемом и Айданом Маккаллумом рядом с Брианной. Все трое взволнованно пихали друг друга локтями и принялись тыкать пальцами, когда Роджер начал говорить. Брианна быстро пресекла это поведение при помощи какой-то приглушенной, но явной угрозы, поскольку их активность снизилась до безобидного ерзанья. Мать Айдана сидела сбоку от сына с выражением абсолютного обожания, от которого Роджер чувствовал неловкость.

Кристи заняли почетное место по центру в первом ряду: Мальва Кристи смиренно сидела в своем кружевном чепце, по обеим сторонам от нее уверенно расположились отец и брат, явно не замечающие многозначительных взглядов, которые кидали в ее сторону некоторые молодые люди.

К немалому удивлению Роджера, пришли и Клэр с Джейми; правда, они стояли позади, в самом конце комнаты. Его тесть выглядел бесстрастным, а вот у Клэр все эмоции были написаны на лице – она явно находила происходящее забавным.

– ...и если мы воистину понимаем, что такое любовь Христова...

Это был почти инстинкт, приобретенный за время бесчисленных лекций, – что-то было не так. Какая-то легкая возня происходила в дальнем углу, где уселись несколько подростков. Там были двое из бесчисленных мальчиков Макафи и Джеки Лахлан, широко известный как «дьявольское отродье». Роджер заметил не больше чем случайный удар по ребрам, шальной блеск в глазах – только далекие подземные толчки. Но он чувствовал, что грядет нечто большее, а потому продолжал следить за этим углом, надеясь, что его взгляд присмирит мальчишек. Так и вышло – он как раз поймал момент, когда между башмаками миссис Кромби скользнула змея. Это была довольно спокойная для такой обстановки крупная королевская змея, ярко раскрашенная красными, желтыми и черными полосками.

– Теперь вы можете спросить: «И кто же тогда мой ближний?» И это хороший вопрос, если вам случилось жить в месте, где половина людей, что вам встречаются, – незнакомцы. И многие из них не просто вам незнакомы, но и отличаются странностями.

По комнате пробежал сдержанный одобрителный смех. Змея неторопливо и расслабленно ползла под ногами прихожан – она приподняла голову, и ее раздвоенный язык мелькал в полутьме под скамьями, пробуя воздух на вкус. Должно быть, змея была прирученной, люди ее не пугали.

А вот обратное было неверно – в Шотландии змеи почти не водились, и переселенцы реагировали на них довольно нервно. Кроме очевидной ассоциации с дьяволом, большинство людей к тому же не отличали ядовитых змей от обычных, поскольку единственная шотландская змея – гадюка – обладала смертельным ядом. Роджер мрачно подумал, что, если люди посмотрят вниз и увидят, что беззвучно скользит по половицам рядом с их ногами, начнется паника.

Задущенный смешок раздался в углу с ответственными лицами и тут же умолк, когда несколько голов повернулись в ту сторону и в унисон зашикали на нарушителей порядка.

– «...Я был голоден, и вы накормили Меня; Я хотел пить, и вы напоили Меня»²⁵. И кого вы знаете здесь, кто отвернулся бы даже... от чужака, *sassenach*, который пришел голодным к вашей двери?

Волна легкого веселья прокатилась по комнате, и люди бросили пару возмущенных взглядов на Клэр, которая покраснела, но, скорее, от сдерживаемого смеха – он ее не оскорбил.

Он на секунду опустил взгляд к полу: змея, отдохнув, снова пришла в движение, изящно огибая край скамьи. Роджер уловил краем глаза резкое движение – Джейми увидел змею и дернулся. Он испуганно застыл и рассматривал рептилию, как будто это была бомба.

Роджер вставлял короткие молитвы между частями проповеди, тихо надеясь, что святое Провидение найдет уместным незаметно направить змею к открытой двери в задней части комнаты. Новоиспеченный священник начал молиться еще усерднее, одновременно непринужденно расстегивая пальто, чтобы в случае чего было удобнее двигаться.

Если проклятая тварь поползет к передней двери, а не к задней, ему придется прыгнуть вперед и попытаться поймать ее, прежде чем все смогут ее увидеть. Это вызовет некоторое волнение, но несравнимое с тем, что может произойти, если...

– ...теперь вы подумали о том, что сказал Иисус, когда встретил самаритянку у колодца...

Змея по-прежнему огибала ножку скамьи, принимая решение. Она была всего в трех футах от его тестя. Джейми по-ястребиному смотрел на нее, пот заметно поблескивал над его бровью. Роджер знал, что его тесть, мягко говоря, недолюбливал змей – и ничего удивительного, учитывая, что огромная гремучая змея едва не убила его три года назад.

Роджер был слишком далеко, чтобы достать рептилию, – между ним и змеей было три ряда прихожан. Бри, которая могла бы справиться с ситуацией, сидела в противоположном углу. Ничего не поделаешь, решил он, мысленно капитулируя и обреченно вздыхая. Придется приостановить службу и очень спокойно позвать кого-нибудь надежного – кого? Он быстро obeжал глазами присутствующих и увидел Йена Мюррея, который, слава богу, был достаточно близко, чтобы схватить змею и вынести ее наружу.

Он уже открыл рот, чтобы так и поступить, когда змея, пресытившись видом возле ножки скамьи, повернула и быстро заскользила вдоль крайней скамьи. Роджер пристально следил за ее движением, а потому удивился не меньше самой рептилии, когда Джейми неожиданно наклонился и поднял ее с пола, быстро засовывая шокированную змею себе под плед. Джейми был крупным мужчиной, и его резкое движение заставило нескольких людей с любопытством обернуться. Он переступил ногами, кашлянул и принял вид человека, страшно увлеченного проповедью. Увидев, что смотреть не на что, любопытствующие вернулись в исходное положение, поудобнее устрояясь на скамьях.

– ...и мы снова возвращаемся к самаритянам в притче о добром самаритянине, не так ли? Большинство из вас знакомы с этой историей, но для детей, которые могут ее не знать... –

²⁵ Евангелие от Матфея, 25:35.

Роджер улыбнулся Джиму, Герману и Айдану, которые заерзали, как маленькие гусеницы, и радостно запищали от того, что он выделил их из всех присутствующих.

По-прежнему краем глаза он наблюдал за Джейми, который стоял неподвижный и бледный, как его лучшая льняная сорочка. Что-то двигалось в этой самой сорочке, в его сжатой руке на мгновение мелькнула пестрая чешуя – змея явно пыталась выбраться через его руку, до воротника она дотянуться не могла, потому что Джейми крепко и даже несколько отчаянно держал ее за хвост. Пот струился по его лицу, как и по лицу Роджера. Он заметил, что Брианна недоуменно нахмурилась, глядя на него.

– ...и тогда самаритянин сказал хозяину постоялого двора позаботиться о бедняге, перевязать его раны и накормить, а он остановится на обратном пути, когда закончит со своими делами, и за все заплатит. Итак...

Роджер увидел, что Клэр наклонилась к Джейми и что-то зашептала. Его тесть упрямо замотал головой. Скорее всего, Клэр заметила змею – вряд ли она могла такое пропустить – и пыталась убедить Джейми выйти на улицу, но он стоически отказывался, не желая прерывать проповедь, поскольку, чтобы выйти, ему пришлось бы проталкиваться через тех, кто стоял за ним.

Роджер остановился на секунду, чтобы вытереть лицо платком, который как раз с этой целью дала ему Брианна, и под его прикрытием увидел, как Клэр сунула руку в разрез своей юбки и достала большой ситцевый мешок. Похоже, она шепотом спорила с Джейми. Он по-прежнему мотал головой с видом спартамца, в которого вцепилась лиса.

Потом змеиная головка с раздвоенным языком внезапно оказалась у Джейми под подбородком, и он широко раскрыл глаза. Клэр тут же встала на цыпочки, схватила рептилию за шею и, смотав ошалелую змею в кольцо, как длинную веревку, запихала извивающийся ком чешуи в мешок головой вперед и затянула тесемки.

– Хвала Господу! – вырвалось у Роджера, и паства тут же послушно грянула «Аминь» с несколько удивленным видом.

Мужчина, стоявший рядом с Клэр и наблюдавший за стремительным развитием событий, теперь смотрел на нее с выпученными глазами. Она засунула беспокойно дергающийся мешок обратно в юбки, накинула поверх свою шаль и, окинув джентльмена выразительным взглядом в стиле «На что это ты уставился, парень?», развернулась к Роджеру с выражением глубокой набожности.

Роджер кое-как довел проповедь до конца, испытывая настолько глубокое облегчение от того, что змея была обезврежена, что даже финальный гимн – бесконечный гимн, где ему нужно было петь каждую строчку, а на нее эхом отзывались прихожане – не слишком его расстроил, хотя его голос почти совсем отказывался ему подчиняться и скрипел, как несмазанная телега.

Его рубашка прилипла к телу, и холодный воздух казался блаженством, пока он стоял снаружи, пожимая руки и кланяясь на добрые слова от своей новоиспеченной паствы.

– Прекрасная проповедь, мистер Маккензи, прекрасная! – заверила его мисси Гвилти. Она пихнула локтем сморщенного джентльмена, который ее сопровождал, – он мог с одинаковым успехом быть ее мужем или свекром. – Не правда ли, знатная была проповедь, мистер Гвилти?

– Мфффм, – отозвался сморщенный джентльмен рассудительно. – Неплохо, неплохо. Коротковата немножко, и вы не упомянули историю про блудницу, но всему свое время, еще наверстае.

– Без сомнений, – сказал Роджер, кивая, улыбаясь и одновременно задаваясь вопросом, что за блудницу он имеет в виду. – Спасибо, что пришли.

– О, ни за что в мире не пропустила бы, – сообщила ему следующая дама. – Хотя пение было не совсем такое, которое можно было ожидать, так ведь?

– Боюсь, что так. Может быть, в другой раз...

– Мне никогда не нравился сто девятый псалом, он такой занудный. Может, в следующий раз вы порадуете нас чем-нибудь более духоподъемным?

– Надеюсь, что так...

– Папа-папа-папа! – Джем врезался ему в ноги, яростно обхватив отца за бедра и почти повалив его на землю.

– Ты отлично справился, – сказала Брианна, глядя на него с удовольствием. – Что происходило в задней части комнаты? Ты все время туда смотрел, но я ничего не могла разглядеть, и...

– Отличная служба, сэр, отличная! – старший Огилви поклонился ему и пошел прочь, держа жену под руку и говоря ей: – Бедняге медведь на ухо наступил, но проповедь была не так уж плоха, учитывая обстоятельства.

Герман и Айдан присоединились к Джемми, и теперь мальчики пытались обнимать его втроем. Он изо всех сил старался ответить им тем же, одновременно согласно кивая на предложения говорить погромче, вести службу на гэльском, избегать латыни (какой латыни?) и папистских отсылок, стараться выглядеть более спокойным, более счастливым, постараться не дергаться и включать больше притч.

К нему подошел Джейми и угрюмо пожал ему руку.

– Очень неплохо, – сказал он.

– Спасибо. – Роджер замялся, подыскивая слова. – Вы... В общем, спасибо, – повторил он.

– «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за ближнего своего»²⁶, – вставила Клэр, улыбаясь ему из-за плеча Джейми. Ветер приподнял ее шаль, и он увидел, что ее юбка совершает довольно странные движения.

Джейми издал тихий гортанный смешок.

– Мфффмм. Может, тебе стоит заглянуть к Рабу Макафи и Исайе Лахлану и перекинуться с ними парой слов. Или даже прочесть им короткую проповедь на тему «тот, кто любит сына своего, тот с детства наказывает его»²⁷.

– Макафи и Лахлан. Да, я так и поступлю. – Или, может, он поймает братьев Макафи и Джеки Лахлана собственной персоной и посмотрит, как поступить с частью про наказание.

Он проводил последних прихожан, с благодарностями простился с Томом Кристи и его семьей и отправился домой обедать с собственной семьей. По идее, следующая служба должна была начаться в полдень, но к такому режиму он был еще не готов.

Старая миссис Абернати шла немного впереди них, поддерживаемая подругой, миссис Коинах, которая была чуть менее древней.

– Симпатичный парнишка, – заметила миссис Абернати, и в свежем осеннем воздухе ее треснувший старческий голос прозвучал особенно громко. – Но какой нервный! Пот ручьями лил, ты видела?

– Наверное, он смущался, – примирительно отозвалась миссис Коинах. – Думаю, со временем приновится.

* * *

Роджер лежал в кровати, наслаждаясь приятной тяжестью завершенных дел, облегчением от предотвращенных катастроф и видом собственной жены. Брианна склонилась над очагом, и свет от догорающих углей проходил сквозь ткань ее ночнушки, придавая ее коже и кончикам волос свечение, как будто свет шел изнутри.

²⁶ Ин. 15:13.

²⁷ Цитата из книги «Песнь песней» царя Соломона.

Притушив на ночь очаг, она поднялась и посмотрела на Джемми, свернувшегося в своей кровати с видом отходящего ко сну ангела.

– Ты выглядишь задумчивым, – сказала она, забираясь на матрас. – О чем думаешь?

– Пытаюсь понять, что из того, что я сказал, могло показаться мистеру Макнилу латынью, не говоря уж о папистских отсылках, – ответил он, с готовностью освобождая ей место.

– Ты не начал петь «Аве Марию» или вроде того, – заверила она. – Я бы заметила.

– Мм, – протянул он и кашлянул. – Давай не будем про пение, хорошо?

– Будет лучше, – решительно сказала она и повернулась, устраиваясь поудобнее в кровати. Матрас был набит шерстью, которая была гораздо удобнее и в разы тише кукурузной шелухи, но имела свойство образовывать шишки и впадины в неожиданных местах.

– Возможно, – сказал он, размышляя об этом. Может быть. Но голос никогда не будет прежним. Нет смысла об этом думать, он свое уже отгоревал. Пришло время двигаться дальше и извлекать максимум пользы из того, что есть.

Наконец комфортно устроившись на своей половине кровати, она повернулась к нему и удовлетворенно вздохнула, когда ее тело как будто переплелось с его в идеальной гармонии – один из ее маленьких необъяснимых талантов. Брианна заплела волосы в толстую косу на ночь, и Роджер провел рукой по всей ее длине, невольно вспоминая давешнюю змею с легкой дрожью. Интересно, что Клэр с ней сделала. Скорее всего, выпустила на свободу в своем маленьком огороде, чтобы она охотилась на мышей. Клэр – прагматик.

– Тебе удалось сообразить, что за историю про блудницу ты забыл? – пробормотала Брианна, прижимаясь к нему бедрами в непринужденном, но явно неслучайном движении.

– Нет. В Библии целая толпа этих блудниц, – Роджер очень осторожно ухватил зубами мочку ее уха, и она глубоко, судорожно вдохнула.

– Что такое блудница? – спросил тонкий сонный голос из детской кровати.

– Давай-ка спи, парень. Я все тебе расскажу утром, – отозвался Роджер, и его рука скользнула по изгибу круглого и крепкого, теплого женского бедра.

Джем, скорее всего, провалится в сон за секунды, но они ограничивали себя тихими короткими касаниями под одеялом, дожидаясь, пока он уснет крепче. Заснув всерьез, ребенок спал как убитый, но пару раз случались инциденты, когда из дремоты его выдергивали странные звуки из родительской постели и он просыпался.

– Ты себе все так и представлял? – спросила Бри, задумчиво опуская палец на ореол вокруг его соска и проводя им вокруг.

– Все... О, ты имеешь в виду проповедь. Ну, за исключением змеи...

– Не только это. Все целиком. Думаешь... – Она посмотрела ему в глаза, и он попытался сосредоточиться на ее словах, а не действиях.

– Оо... – Он накрыл ее ладонь своей и глубоко вдохнул. – Да. Ты имеешь в виду, уверен ли я по-прежнему? Я уверен, что не стал бы всего этого затевать, если бы не был уверен.

– Отец... Папа всегда говорил, что это великое благословение иметь призвание, знать, для чего ты родился. Думаешь, ты всегда знал о своем призвании?

– Ну, какое-то время я был убежден, что мне суждено стать дайвером, – сказал он. – Не смейся, это правда. Как насчет тебя?

– Меня? – Она посмотрела на него с удивлением, потом задумчиво поджала губы. – Ну, я ходила в католическую школу, предполагалось, что мы все должны рассматривать постриг, но я была почти уверена, что во мне нет религиозного пыла.

– И слава богу, – сказал он с жаром, который заставил ее рассмеяться.

– Потом какое-то время я думала, что должна стать историком – что я хочу им быть. Это было интересно, – добавила она задумчиво. – Я могла бы этим заниматься. Но на самом деле мне всегда хотелось строить. Делать разные вещи руками, понимаешь? – Она вытатила

руку из-под его ладони и помахала своими длинными изящными пальцами. – Но я не уверена, призвание ли это.

– Думаешь, материнство может быть призванием в некотором роде? – он коснулся деликатной темы. У Брианны была задержка в несколько дней, но ни один из них не заговаривал об этом и не собирался заговаривать, по крайней мере пока.

Она бросила быстрый взгляд в сторону кровати и состроила гримасу, значение которой он не смог расшифровать.

– Можно ли назвать нечто настолько случайное для большинства людей призванием? – спросила она. – Я не хочу сказать, что это неважно, только... В призвании должен быть какой-то сознательный выбор, так ведь?

Выбор. Что ж, Джем был абсолютной случайностью, но этот ребенок стал сознательным выбором.

– Я не знаю. – Он провел по длинной косе, разглаживая ее на спине у Брианны, и она инстинктивно прижалась ближе к нему. Он подумал, что она на ощупь казалась более женственной, чем обычно. Грудь как будто изменилась. Стали мягче. Больше.

– Джем уснул, – сказала она мягко, и он услышал удивительно глубокое, размеренное дыхание из кровати. Брианна положила одну руку обратно ему на грудь, а другую немного ниже.

Чуть позже, уже погружаясь в сон, он услышал ее голос и попытался стряхнуть с себя дрему, чтобы переспросить, что она сказала, но сумел выдавить только невнятное:

– Ммм?

– Я всегда думала, что у меня есть призвание, – повторила она, глядя вверх на тени под деревянным потолком. – Нечто, что мне уготовано сделать. Но я пока не знаю, что это.

– Ну, тебе точно не было уготовано стать монахиней, – сказал он сонно. – Про все остальное – не знаю.

* * *

Лицо мужчины было в темноте. Он увидел влажно блестящий глаз, и его сердце забилося от страха. Звучал боуран.

У него в руке была деревяшка, дубина – казалось, она менялась в размерах, постоянно увеличиваясь, но он обращался с ней легко, как будто она была продолжением его руки. Она била в барабан, била по голове человека, чьи глаза, смотрящие на него, были наполнены влажным поблескивающим ужасом.

С ним было какое-то крупное животное, едва различимое в темноте, оно настойчиво терлось об его ноги, оно жаждало охоты, крови.

Дубина опустилась вниз, еще раз, вверх и вниз, вверх и вниз, вверх и вниз, послушно следуя за движением его запястья. Боуран будто ожил и говорил в его костях, удары посылали гул вверх по руке, череп проломился с влажным мягким стуком.

Ужас и жажда крови слились на мгновение, стали ближе, чем муж и жена, стали едины сердцем, желая одного – этого мягкого влажного звука и ночной пустоты. Тело упало, и он ощутил, как оно уплывает от него – ужасная потеря, – ощутил землю и еловые иголки под щекой после падения.

Глаза блестят влагой и пустотой, лицо с раскрытыми мокрыми губами лежит в отсветах пожара – он знает это лицо, но не знает имени. Животное дышит в ночной тишине у него за спиной, дыхание обжигает его ухо. Все в огне – трава, деревья, небо.

Боураны говорили в его костях, но он не мог разобрать слов, и он бил землю, обмякшее тело, горящее дерево с такой яростью, что в воздух поднимались искры, – только бы барабан-

ный гул оставил его кровь, заговорил с ясностью. Потом дубина отлетела в сторону, его рука ударила по дереву и ее охватил огонь.

Он проснулся, судорожно глотая воздух, рука горела. Рефлекторно прижав костяшки к губам, он ощутил металлический вкус крови. Сердце колотилось так, что он едва мог дышать. Он боролся с мыслью о дыхании, пытаясь успокоиться, замедлить пульс и не дать панике охватить его тело. Он не задохнется, его горло не перекроет воздух.

Боль в руке помогала, отвлекая его от мыслей об удушении. Во сне он выбросил кулак в сторону и попал в бревенчатую стену хижины. Господи, такое ощущение, что костяшки взорвались от боли. Он крепко сжал их второй ладонью, стиснув зубы.

Перекатившись на бок, Роджер увидел влажно блестящие глаза в свете остывающих углей и закричал бы, если бы мог нормально дышать.

– Ты в порядке, Роджер? – тревожно зашептала Брианна. Ее пальцы коснулись его плеча, спины, изгиба брови, торопливо ища источник боли.

– Да, – проскрипел он, хватая воздух ртом. – Плохой... сон. – Удушение не было сном, грудь стиснуло от боли, каждый вдох давался с трудом.

Брианна откинула одеяла и поднялась, шурша их бесконечными слоями, помогая ему сесть.

– Сядь, – сказала она тихо. – Приди в себя, дыши медленно. Я сделаю тебя чай или что-нибудь горячее, по крайней мере.

Он не мог протестовать, потому что не мог говорить. Шрам на горле горел. Первый приступ боли в руке постепенно утихал, теперь ладонь пульсировала в такт с сердцем – хорошо, этого ему и надо было. Он сбрасывал с себя обрывки сна, ощущение барабанов, гудящих в крови, и, пока приходил в себя, дышать постепенно становилось легче. К тому времени как Брианна принесла ему чашку горячей воды, пролитой через что-то довольно вонючее, он почти избавился от чувства удушения.

Роджер отказался пить отвар, чем бы он ни был, и тогда она, недолго думая, окунула в него его покалеченные костяшки.

– Хочешь рассказать мне про сон? – У нее были заspanные глаза, но она явно была готова его выслушать.

Он замялся, но потом почувствовал, что сон все еще витает рядом в неподвижном ночном воздухе. Не рассказать и снова лечь в темноте – пригласить его обратно. К тому же, возможно, ей лучше знать, о чем ему рассказал сон.

– Там был хаос, какая-то драка – та ночь, когда мы отправились за Клэр. Тот мужчина, которого я убил... – Слово застряло у него в горле, как колючка, но он продолжил: – Я бил его по голове, он упал, и я снова увидел его лицо. Неожиданно я понял, что мне оно знакомо. Я... я знаю, кто это был.

Ужас узнавания отразился в его голосе, и ее длинные ресницы поднялись, а глаза встревоженно расширились.

Она вопросительно положила ладонь на его ноющие костяшки.

– Помнишь мелкого негодяя, охотника за ворами, Харли Бобла? Мы встречали его однажды – на собрании на горе Геликон.

– Помню. Это был он? Ты уверен? Ты говорил, было темно, вокруг царил неразбериха...

– Я уверен. Я не знал, когда бил его, но увидел лицо, когда он упал – трава горела, и я видел ясно. И я снова увидел его сейчас, во сне, и имя было у меня на языке, когда я проснулся. – Он медленно сжал ладонь в кулак и поморщился. – Это почему-то куда хуже – знать, что убил кого-то, кого знаешь.

Знать, что убил незнакомца, было уже достаточным грузом – это заставляло его думать о том, что он способен на убийство.

– Ну, в то время ты не знал, что это он, – заметила Бри. – Я имею в виду, ты его не узнал.

– Это правда. – Так и было, но это не принесло ему утешения. Притушенный на ночь очаг совсем погас, и в комнате было прохладно. Роджер заметил, что кожа на ее голых предплечьях покрылась мурашками, золотистые волоски встали дыбом.

– Ты замерзла, давай вернемся в постель.

Одеяла все еще сохраняли легкое тепло, и его накрыло невыразимое чувство облегчения, когда она прильнула к нему сзади и жар от ее тела начал вытеснять его озноб. Рука по-прежнему пульсировала, но не болела, а довольно терпимо саднила. Ее рука лежала у него на боку, слегка сжатая ладонь устроилась под подбородком. Он наклонил голову, чтобы поцеловать ее костяшки, гладкие, твердые и круглые; ее жаркое дыхание обжигало его шею – внезапно он вспомнил животное из своего сна.

– Бри... Я хотел его убить.

– Я знаю, – сказала она мягко и крепче обняла его, как будто пытаясь спасти от падения.

Глава 59

Замысловатое сватовство

*От Лорда Джона Грея
Плантация Маунт Джосайя*

*Мой дорогой друг,
Пишу Вам в некотором смятении духа.*

Уверен, Вы помните мистера Джосайю Куинси. Я ни за что не отрекомендовал бы его Вам в письме, имей я хоть малейшее представление о возможных последствиях. Я убежден, что именно в результате его действий Ваше имя оказалось связанным с так называемым Комитетом взаимодействия в Северной Каролине. Один мой друг, зная о нашем с Вами знакомстве, показал мне вчера официальное письмо, якобы исходящее от этой организации и содержащее перечень предполагаемых получателей. Ваше имя оказалось среди них. Обнаружить его в такой компании стало для меня неожиданностью. Этот факт глубоко встревожил меня, и я тут же поспешил известить Вас об этом деле.

Я бы сразу сжег письмо, если бы не очевидный факт, что это лишь одна из многих копий. Остальные, по всей видимости, идут через другие колонии. Вам необходимо начать действовать немедленно, чтобы пресечь всякие ассоциации с подобными организациями и предпринять все возможное, чтобы в дальнейшем Ваше доброе имя не всплывало в этом контексте.

Будьте осторожны: почта небезопасна. Я уже не единожды получал официальные документы – некоторые даже с королевскими печатями! – не просто со следами вскрытия, но в ряде случаев бесстыдно помеченные инициалами или подписями людей, которые перехватили и прочли их. Этим могут промышлять как виги, так и тори, точно не известно, но я слышал, что сам губернатор Мартин, отправляя личную корреспонденцию своему брату в Нью-Йорк, доверяет только личным посыльным – один из них недавно был гостем за моим столом, – поскольку в настоящий момент нельзя доверять почтовым пересылкам в пределах Северной Каролины.

Я могу только надеяться, что никакие компрометирующие документы, содержащие Ваше имя, не попадут в руки лиц с полномочиями на арест или другие процессуальные действия в отношении таких сомнительных подстрекателей, как в этом списке. Я искренне прошу у Вас прощения, если моя вольность с мистером Куинси могла каким-то образом поставить Вас под удар или причинить беспокойство. Уверяю Вас, я сделаю все, что в моих силах, чтобы исправить ситуацию.

Между тем я предлагаю Вам услуги мистера Хиггинса для безопасной доставки любой корреспонденции, не только писем, адресованных мне. Он заслуживает абсолютного доверия, и, если потребует, я буду направлять его к Вам регулярно.

Искренне надеюсь, что ситуацию в целом еще можно исправить. Я думаю, что те горячие головы, которые призывают сейчас к восстанию, в большинстве своем не знают, что из себя представляет война, иначе стали бы они говорить с такой легкостью о том, чтобы проливать кровь

и жертвовать собственными жизнями, стали бы приветствовать тяготы и ужасы военного времени, всего-то из-за небольших разногласий с властями?

В Лондоне считают, что дело кончится, самое большое, «парой расквашенных носов», как выражается лорд Норт²⁸. Возможно, так оно и будет.

Эти новости имеют и более личное значение; моего сына Уильяма возвели в ранг лейтенанта, и он уже очень скоро присоединится к своему полку. Разумеется, я испытываю гордость – и все же, зная не понаслышке об опасностях и тяготах солдатской жизни, признаюсь, что предпочел бы, чтобы он нашел себе иное призвание. Он мог бы управлять семейными владениями или, если такая жизнь покажется ему слишком скучной, применить свои таланты на поприще политики или торговли, поскольку у Уильяма в распоряжении не только обширные ресурсы, но и природная смекалка, которая, без всяких сомнений, позволила бы ему приобрести немалое влияние в этих сферах. Ресурсы, разумеется, до его совершеннолетия остаются под моим контролем. Как бы там ни было, я не в силах был противостоять его юношескому пылу, ибо помню живо собственную решимость и желание служить. Быть может, солдатская жизнь быстро наскучит ему и он выберет иную карьеру. Все же стоит признать, что военная служба достойное занятие, какой бы суровой она ни оказалась.

Обращаясь к менее серьезным новостям...

Я внезапно обнаружил себя в забытой роли дипломата. Нет-нет, спешу уверить, это не официальная должность на службе Его Величества, но жест доброй воли в помощь Бобби Хиггинсу, который попросил меня употребить то скромное влияние, которое находится в моем распоряжении, чтобы поспособствовать его планам на скорый брак.

Я нахожусь мистера Хиггинса верным и надежным слугой, а потому рад предложить свои услуги. Надеюсь, что Ваше мнение о нем не сильно отличается от моего, поскольку, как Вы увидите дальше, без Вашего мудрого совета и помощи здесь не обойтись.

Дело обстоит не так просто и включает некоторые деликатные нюансы, которые требуют Вашего участия. Я всецело Вам доверяю, а потому даже не упоминаю, что все это глубоко конфиденциально. Случилось так, что мистер Хиггинс оказался нежно привязан одновременно к двум юным леди, живущим на Ридже. Я со своей стороны обратил его внимание на сложности, могущие возникнуть в связи с атакой сразу по двум фронтам, и посоветовал сконцентрировать свои усилия на одной цели, дабы иметь больше шансов на успех. Эта тактика к тому же оставляет возможность в случае поражения перегруппироваться и обратиться к запасному варианту.

Означенные леди – это мисс Уэмисс и мисс Кристи, которые, согласно мистеру Хиггинсу, который не скупится на комплименты, в равной степени обладают исключительной красотой и привлекательностью. Поставленный перед необходимостью выбора, мистер Хиггинс сначала оказывал сопротивление, утверждая, что это выше его сил, но после небольшого обсуждения выбрал мисс Уэмисс в качестве приоритетной цели.

Принятое решение было основано на доводах, касающихся не только несомненных достоинств молодой леди, но относящихся к прагматической

²⁸ Фредерик Норт – 12-й премьер-министр Великобритании, занимал этот пост с 1770 по 1782 год.

стороне вопроса, как то: девушка и ее отец находятся у вас в услужении, связанные договором. Я же, в благодарность за добросовестную службу мистера Хиггинса, обязуюсь приобрести у Вас их обоих, если на то будет Ваша воля, а мисс Уэмисс даст согласие на брак с мистером Хиггинсом.

Я не хочу лишать вас сразу двух ценных работников, но мистер Хиггинс считает, что мисс Уэмисс не пожелает покидать отца. Следуя той же логике, он надеется, что мое предложение освободить отца и дочь от обязательной службы (поскольку я пообещал поступить именно так с условием, что мистер Хиггинс продолжит свое сотрудничество со мной) может предотвратить возможные возражения со стороны мистера Уэмисса относительно недостатка у мистера Хиггинса крупного капитала и полезных связей и нейтрализовать любые другие мелкие препоны на пути возможного брака.

Со слов мистера Хиггинса я понял, что мисс Кристи, будучи равно привлекательной особой, представляет собой менее достижимую цель, поскольку ее социальный статус несколько выше, чем у мисс Уэмисс. И все же, если мисс Уэмисс или ее отец решат отклонить предложение мистера Хиггинса, я приложу все усилия, чтобы создать условия, которые покажутся мистеру Кристи привлекательными.

Что вы думаете про такую диспозицию? Прошу вас рассмотреть эти предложения всерьез, и, если Вы сочтете, что подобное предложение может быть воспринято благосклонно, обсудить этот вопрос с мисс Уэмисс и ее отцом – по возможности не разглашая факт возможной помолвки, чтобы не вызвать вопросов со стороны второй партии, если придется действовать в этом направлении.

Мистер Хиггинс в полной мере осознает свое невысокое положение в качестве возможного жениха и понимает, о какой услуге он просит, равно как и я,

*Ваш покорный слуга,
Джон Грей.*

– «...любые другие мелкие препоны на пути возможного брака», – прочитала я, глядя Джейми через плечо. – Думаешь, он имеет в виду статус убийцы с клеймом на щеке, отсутствие семьи и денег?

– Ай, вроде того, – подтвердил Джейми, расправляя страницы письма и разглаживая углы. Письмо лорда Джона явно его развеселило, но теперь он сурово сдвинул брови, хотя я и не знала, был ли он озадачен новостями об Уилли или просто раздумывал о щекотливом положении Бобби Хиггинса.

Очевидно, последнее, поскольку он посмотрел вверх, в сторону комнаты, которую Лиззи делила с отцом. Сверху не доносилось ни звука, хотя немногим раньше я видела, как Джозеф поднимается по лестнице.

– Спит? – спросил Джейми, приподняв брови. Он невольно посмотрел в окно. За окном был поздний полдень, и двор утопал в ясном мягком свете.

– Распространенный симптом депрессии, – сказала я, пожимая плечами. Мистер Уэмисс принял известия о разорванной помолвке Лиззи близко к сердцу – куда ближе, чем сама Лиззи. И без того шуплый, он заметно потерял в весе и ушел в себя – говорил, только когда к нему обращались, и с трудом просыпался по утрам.

Джейми на мгновение явно застыл с идеей депрессии, но тут же качнул головой, отмечая лишние вопросы, и задумчиво постучал негнущимся пальцем правой руки по столу.

– Что ты об этом думаешь, саксоночка?

– Бобби – приятный молодой человек, – сказала я неуверенно. – И Лиззи он явно нравится.

– И если бы Уэмиссы были по-прежнему связаны договором, предложение Бобби оказалось бы довольно привлекательным, – согласился Джейми. – Но это не так.

Джейми отдал Джозефу Уэмиссу бумаги, обязывающие его к службе, еще несколько лет назад, и Брианна освободила Лиззи почти в то же самое время. Однако знали об этом немногие, поскольку статус подневольного слуги защищал Джозефа от службы в полиции. С Лиззи была примерно та же история: будучи связанной договором, она рассматривалась как собственность Джейми и потому находилась под его защитой – никто не рискнул бы приставать или обращаться к ней с открытым неуважением.

– Может, он захочет взять их как наемных слуг, – предположила я. – Их общая плата наверняка будет меньше, чем цена за двух подневольных слуг.

Мы платили Джозефу, но его доход был всего три фунта в год, не считая комнаты, одежды и стола, которые он делил с нашей семьей.

– Может быть, – сказал Джейми с некоторым сомнением. – Но мне нужно будет поговорить с Джозефом. – Он снова посмотрел вверх и покачал головой.

– Насчет Мальвы... – сказала я, посмотрев в сторону холла и опустив голос. Девушка была в моем хирургическом кабинете, фильтровала жидкость из чашек, в которых я выращивала пенициллин. Я обещала прислать пенициллин мадам Сильви вместе со шприцом и надеялась, что она его использует.

– Считаешь, Том Кристи может подумать над предложением, если Джозеф откажет? Кажется, обе девушки питают к Бобби нежные чувства.

Джейми издал короткий фыркающий смешок.

– Чтобы Том Кристи выдал свою дочь за убийцу, да притом за убийцу без гроша за душой? Джон Грей совсем не понимает, что это за человек, а иначе не стал бы предлагать такое. Кристи горд, как Навуходеносор, если не хуже.

– О, такой уж гордый, да? – сказала я не в силах сдержаться. – И где же он найдет подходящую партию в нашей глуши?

Джейми отстраненно пожал плечами.

– Он не удостоил меня чести поделиться своими планами на этот счет, – сообщил он сухо. – Но с местными парнями он дочери не разрешает гулять – видимо, ни один из них его не устраивает. Я не удивлюсь, если он придумает, как отправить ее в Эдентон или Нью-Берн, чтобы найти ей жениха. И он может так поступить. Роджер Мак упоминал, что у него есть подобные планы.

– Серьезно? В последнее время они с Роджером довольно близки, да?

На лице Джейми появилась не самая довольная улыбка.

– Ай, похоже на то. Роджер Мак принимает благоденствие своей паствы близко к сердцу, но, без сомнений, не забывает и о своем благополучии.

– Что ты имеешь в виду?

Пару секунд он задумчиво смотрел на меня, явно пытаясь оценить мою способность хранить секреты.

– Мфффм. Ну, не стоит упоминать об этом при Брианне, но Роджер Мак задумал свести Тома Кристи и Эми Маккаллум.

Я моргнула от удивления и задумалась. Это была не такая уж плохая идея, хотя подобный ход никогда не пришел бы мне в голову. Несмотря на то что Том был по крайней мере на двадцать пять лет старше Эми, он был по-прежнему достаточно здоров и силен, чтобы обеспечить всем необходимым ее и ее сыновей. А она явно нуждалась в опекуне. Смогут ли они делить дом с Мальвой, это уже другой вопрос; Мальва заправляла хозяйством в отцовском доме с раннего

возраста. Она была любезной девушкой, но, скорее всего, обладала такой же гордостью, как ее отец, а значит, вряд ли приняла бы идею о своем замещении с радостью.

– Ммм, – промычала я с сомнением. – Интересно. Но что ты имеешь в виду, говоря о благополучии Роджера?

Джейми приподнял густую бровь.

– Ты не замечала, как вдова Маккаллум на него смотрит?

– Нет, – удивленно ответила я. – А ты что-то замечал?

Он кивнул.

– Да, и Брианна тоже. Она пока терпит, но попомни мои слова, саксоночка, если Роджер поскорее не придумает, как выдать вдову замуж, он обнаружит, что собственный очаг может быть пожарче ада.

– Вот оно как. Но Роджер ведь не отвечает на симпатию миссис Маккаллум? – спросила я напряженно.

– Нет, – сказал Джейми рассудительно, – и поэтому он все еще при яйцах. Но если ты думаешь, что моя дочь из тех, кто станет терпеть...

Мы говорили приглушенными голосами и при звуке открывающейся двери хирургической резко замолчали. Мальва просунула голову в кабинет, – ее щеки горели здоровым румянцем, выющиеся пряди темных волос падали на лицо. Несмотря на грязные пятна на переднике, она выглядела как дрезденская статуэтка, и я заметила, как Джейми улыбнулся ее пышущей свежести.

– Миссис Фрэзер, я профильтровала всю жидкость и разлила ее по бутылкам. Вы сказали, что все остальное нужно сразу скормить свинье... вы имели в виду большую белую свинью, которая живет под домом? – Такая перспектива явно вызывала у девушки сомнения, и ничего удивительного.

– Я займусь этим, – сказала я, поднимаясь. – Спасибо, милая. Почему бы тебе теперь не пойти на кухню и не попросить у миссис Баг кусок хлеба с медом перед тем, как ты пойдешь домой?

Она присела в книксене и пошла в сторону кухни. Я слышала, как Йен поддразнивает миссис Баг, и заметила, что Мальва остановилась на мгновение, поправляя чепец и завивая пальцем прядь волос, прежде чем войти.

– Ну, Том Кристи может планировать все, что угодно, – пробормотала я в сторону Джейми, который вышел в холл со мной и видел манипуляции Мальвы, – но твоя дочь здесь не единственная себе на уме.

Он коротко снисходительно крякнул и вернулся в свой кабинет. Я же отправилась в хирургическую, где на столе стоял большой таз хлюпающих помоев – тщательно собранные остатки последней партии выращенного пенициллина.

Открыв окно, выходящее на торец дома, я посмотрела вниз. В четырех футах подо мной лежала гора грязи, отмечая вход в логово белой свиньи под основанием дома.

– Свинья? – позвала я, наклоняясь вперед. – Ты дома?

Каштаны созрели и падали с деревьев, она вполне могла быть в лесу, наслаждаясь каштановым пиром. Но нет – в мягкой земле были видны следы ее копыт, ведущих внутрь, а из-под земли доносилось тяжелое дыхание.

– Свинья! – позвала я громче и настойчивей. Услышав, как под половицами задвигалась, выползая, огромная туша, я наклонилась вниз и аккуратно сбросила деревянный таз прямо на кучу земли, расплескав лишь малую часть его содержимого.

Мягкий звук удара о землю тут же повлек за собой появление огромной головы, покрытой белой щетиной и снабженной большим сопящим розовым пятком. За ней последовали плечи, шириной не уступающие табачной бочке. С воодушевленным хрюканьем свинья вытя-

нула оставшуюся часть своих нескромных телес из норы и тут же буквально набросилась на таз, завиток ее хвоста туго скрутился от удовольствия.

– Приятного аппетита. Главное, запомни, кто источник всех твоих радостей, – сказала я ей и вернулась в хирургическую, не забыв закрыть окно. Подоконник с другой стороны усеивали торчащие щепки и потертости – результат привычки надолго оставлять помойный таз на столе рядом с окном; свинья не обладала ангельским терпением и была готова в случае необходимости забраться в дом и, так сказать, потребовать свое, если ей казалось, что трапезу сервируют недостаточно быстро.

Мой мозг, частично отвлекшись на свинью, все еще был занят предложением Бобби Хиггинса и потенциальными сложностями на пути этого предложения. И это не говоря уже о Мальве. Без сомнения, она была равнодушна к голубым глазам Бобби – все-таки он очень симпатичный молодой человек. Но, стоит признать, что и Йен был ей небезразличен, хотя его шарм и был совершенно иного свойства, чем у Бобби.

Интересно, что Том Кристи может подумать о таком зяте, как Йен. У Йена не было источников дохода, но была кое-какая собственность – десять акров необработанной земли. Индейские татуировки – это более приемлемо, чем клеймо убийцы? Возможно. Но Бобби – протестант, а Йен – католик, по крайней мере формально. Ко всему прочему Йен – племянник Джейми, а это палка о двух концах. Я знала, что Кристи завидовал Джейми. Союз между нашими семьями покажется ему выгодным или, наоборот, это нечто такое, чего он будет избегать любой ценой? Конечно, если план Роджера поженить их с Эми Маккаллум увенчается успехом, это его немного отвлечет. Брианна ничего не говорила мне про историю с вдовой; хотя теперь я начала подозревать, что причиной тому могло быть бессознательно подавляемое недовольство.

Я слышала голоса и смех из кухни – им явно было весело. Я хотела было присоединиться к ним, но, заглянув в кабинет Джейми, увидела его стоящим возле стола с руками, заведенными за спину. Он смотрел на письмо Джона Грея и задумчиво хмурился.

С каким-то неожиданным болезненным уколом я поняла, что мысли его были с его сыном, не с дочерью. Я зашла в кабинет и обняла его со спины, опустив голову ему на плечо.

– Ты думал о том, чтобы попробовать убедить лорда Джона... что американцы не так уж не правы? – спросила я немного неуверенно. – В общем, ты мог бы попробовать перетянуть его на твою сторону.

Сам лорд Джон не примет участия в надвигающейся войне, а вот Уилли может... на стороне проигравших. Конечно, воевать будет опасно на любой стороне, но факт остается фактом – американцы выигрывают; и единственный способ убедить Уилли перейти на другую сторону – действовать через его названного отца, чье мнение он уважал.

Джейми фыркнул и обнял меня.

– Джона? Помнишь, что я сказал тебе о горцах, когда Арч Баг пришел ко мне со своим топориком?

– Они живут своими клятвами и умирают с ними.

По моему телу пробежала дрожь, и я прижалась к нему сильнее, находя утешение в монолитности его тела. Он был прав; я и сама наблюдала эту беспощадную родовую варварскую верность, но даже когда это происходило у меня под самым носом, было сложно их по-настоящему понять.

– Я помню, – сказала я.

Он кивнул, по-прежнему глядя на письмо.

– Джон такой же. Не все англичане таковы, но он такой. – Он посмотрел на меня, в его взгляде мешались досада и уважение. – Он человек его величества. Даже если сам архангел Гавриил появится перед ним и расскажет, что готовит будущее, он не оставит свою клятву.

– Думаешь? – сказала я уже смелее. – Я не уверена в этом...

Он удивленно приподнял брови, и я продолжила, подбирая правильные слова и немного запинаясь:

– Это... Я знаю, о чем ты говоришь – он человек чести. Но на этом все. Дело не в том, что он дал клятву королю. По крайней мере, это не та же клятва, которую приносили Колуму его люди, и не та клятва, которую дали тебе люди из Лаллиброха. Что имеет для него ценность и за что он готов отдать жизнь – это его честь.

– Ай, это так, – согласился он медленно, сосредоточенно сдвигая брови. – Но для солдата, такого солдата, как он, честь и долг неразделимы, ведь так? А долг связан с верностью королю. Я выпрямила спину и потерла пальцем верхнюю губу, пытаюсь облечь мысли в слова.

– Да, но я имею в виду немного другое. Для него важна идея. Он следует за идеалами, а не за людьми. Среди всех, кого ты знаешь, он может быть как раз тем единственным, кто поймет – это, возможно, первая война, где люди будут биться за идеалы.

Он прикрыл один глаз и озадаченно посмотрел на меня вторым.

– Ты говорила с Роджером Маком. Сама бы ты до этого не додумалась, саксоночка.

– Я так понимаю, что и ты с ним говорил, – парировала я, пропуская мимо ушей оскорбительную ремарку. К тому же он был прав. – Значит, ты понимаешь?

Он издал короткий шотландский звук, обозначающий неуверенное согласие.

– Я спросил его про крестовые походы – не думает ли он, что это тоже была война за идеалы? И он был вынужден признать, что идеалы играли не последнюю роль... как и деньги, как и политика. Я сказал, что так всегда было и так будет и в этот раз. Но ай, я понимаю, – добавил он поспешно, увидев мои раздувающиеся ноздри. – Что касается Джона Грея...

– Что касается Джона Грея, – отозвалась я, – у тебя есть шанс его убедить, потому что он одновременно рационален и не чужд идеалов. Тебе нужно убедить его, что честь заключается не в верности королю, но в следовании идеалам свободы. Это возможно.

Он издал еще один шотландский звук, на этот раз грудной и глубокий, полный сомнения. И тут меня осенило.

– Ты делаешь это не из-за идеалов, так? Не во имя свободы, равенства, самоопределения и прочего...

Он покачал головой.

– Нет, – отозвался он мягко. – И даже не ради того, чтобы быть на стороне победителей. Хотя это будет новый опыт, который внесет разнообразие в мою жизнь. – Он одарил меня неожиданной ироничной улыбкой, и я засмеялась, застигнутая врасплох его шуткой.

– Тогда почему? – спросила я очень мягко.

– Ради тебя, – ответил он быстро. – Ради Брианны и внука. Ради семьи. Ради будущего. Если это не идеал, то что тогда?

* * *

Джейми старался, как мог, в роли дипломата, но эффект от клейма Бобби оказался непреодолимым. Хотя мистер Уэмисс признавал, что Бобби приятный молодой человек, он не мог одобрить брак дочери с убийцей, независимо от того, что за обстоятельства привели к обвинению.

– Люди будут обращаться с ним дурно, сэр, вы это знаете, – сказал он, качая головой, в ответ на доводы Джейми. – Они не остановятся, чтобы расспросить, что да почему, если человека уже обвинили. Взять хоть его глаз... Я уверен, он ничего не делал, чтобы спровоцировать такое жестокое нападение. Как я могу позволить подвергать мою любимую Элизабет таким опасностям? Даже если ей удастся скрыться, что станет с ней и с ее детьми, когда его подстрелят на какой-нибудь случайной улице? – Он упрямо скрестил руки на груди. – К тому же, если в один прекрасный день он потеряет покровительство лорда Джона, он не сможет

найти себе достойной работы, только не с этим клеймом на лице. Им придется побираться и нищенствовать. Я сам через это прошел, сэр, и все на свете отдам, лишь бы Лиззи не пришлось делить такую судьбу с кем-то другим.

Джейми потер лицо.

– Ай, я понимаю, Джозеф. К сожалению, тут ты прав. Но надо сказать, судя по тому, что я знаю, лорд Джон не собирается отказываться от услуг Бобби.

Мистер Уэмисс только качнул головой в ответ, он выглядел бледным и несчастным.

– Ну что ж. – Джейми поднялся из-за стола. – Я позову его сюда, и ты скажешь ему о своем решении.

Я тоже поднялась, а следом за мной в панике подскочил мистер Уэмисс.

– О сэр, не оставляйте меня с ним наедине!

– Ну, навряд ли он попытается тебя одурачить или применить силу, Джозеф, – сказал Джейми спокойно.

– Нет, – согласился мистер Уэмисс с сомнением. – Н-нет... Наверное, нет. И все же я был бы благодарен, если бы вы были здесь, пока мы говорим. А вы останетесь, миссис Фрэзер? – Он обратил на меня умоляющий взгляд.

Я посмотрела на Джейми, и он кивнул, сдаваясь.

– Ладно, – сказал он. – Тогда я пойду позову его.

* * *

– Мне очень жаль, сэр. – Джозеф Уэмисс выглядел почти настолько же несчастным, как Бобби Хиггинс. Щуплый и стеснительный по натуре, он не привык к подобным беседам и продолжал то и дело посматривать на Джейми в поисках моральной поддержки, перед тем как обратиться к незадачливому почитателю своей дочери.

– Мне жаль, – повторил он, встречая взгляд с беспомощной искренностью. – Вы мне нравитесь, молодой человек, и Элизабет тоже, я уверен. Но ее благополучие, ее счастье – это моя первейшая обязанность. И я не думаю... Я полагаю, это не...

– Я буду добр к ней, – сказал Бобби беспокойно. – Не сомневайтесь в этом, сэр. У нее будет новое платье каждый год, и я все на свете продам, чтобы она ни в чем не нуждалась! – Бобби тоже посматривал на Джейми – видимо, в ожидании подкрепления.

– Я уверен, мистер Уэмисс не сомневается в твоих честных намерениях, Бобби, – сказал Джейми, как мог, деликатно. – Но он прав, ай? Это его долг – выбрать для Лиззи надежного мужа. Быть может...

Бобби тяжело сглотнул. Он тщательно подготовился к этому разговору – на нем был накрахмаленный шейный платок, который угрожал его задушить, ливрея, пара чистых шерстяных бриджей и пара шелковых чулок, зашитых всего в паре мест.

– Я знаю, у меня не так много денег, – сказал он. – И нет собственности. Но я сейчас в хорошем положении, сэр! Лорд Джон платит мне десять фунтов в год и был так добр, что позволил мне построить небольшой домик на его владениях. А до того как он будет готов, у нас будет комната в главном доме.

– Ай, ты говоришь. – Мистер Уэмисс выглядел все более и более несчастным. Он продолжал отводить глаза от Бобби, отчасти из-за природной стеснительности и нежелания отказывать ему лицом к лицу, отчасти, как я подумала, в попытке избежать искушения уставиться на его клеймо.

Разговор продлился еще немного, но без всякого результата – мистер Уэмисс не мог заставить себя назвать Бобби настоящую причину своего отказа.

– Я... Я... Я подумую еще.

Не в силах больше выносить напряжение, мистер Уэмисс резко поднялся на ноги и практически выбежал из комнаты. Он заставил себя притормозить в дверях, развернулся и выдавил перед исчезновением:

– Имей в виду, вряд ли я изменю свое мнение.

Бобби в замешательстве посмотрел ему вслед и повернулся к Джейми:

– Есть у меня шансы, сэр? Я знаю, вы не станете мне врать.

Это была трогательная просьба, и Джейми вслед на Джозефом отвел взгляд от широко раскрытых голубых глаз.

– Не думаю, – сказал он. Это было сказано деликатно, но твердо, и Бобби весь обмяк. Он пригладил свои волнистые волосы водой; теперь они высохли, и мелкие кудряшки выпрыгнули из густой копны. Он ужасно напоминал новорожденного ягненка, которому только что обрезают хвост, – испуганный и растерянный.

– Она... Вы не знаете, сэр, или вы, мадам... Может, Элизабет питает симпатию к кому-то другому? Если это так, я бы отступился. Но если нет... – Он замялся, глядя на дверь, где только что стоял Джозеф. – Как думаете, могу я как-то обойти возражения ее отца? Может... Может, если бы я нашел способ подкопить немного денег... или если дело в вероисповедании... – Он немного побледнел, но решительно развернул плечи. – Я... Я думаю, что мог бы перейти в католичество, если бы он потребовал. Я хотел сказать ему, но забыл. Может, вы скажете, сэр?

– Ай... Ай. Скажу, – неохотно ответил Джейми. – Значит, ты окончательно остановился на Лиззи? Не на Мальве?

Бобби не ожидал такого вопроса.

– Ну, если честно, сэр, мне нравятся они обе. И я уверен, что буду счастлив с любой из них. Но... честно говоря, я до смерти боюсь мистера Кристи, – сознался он, краснея. – И я думаю, он вас недолюбливает, сэр, в отличие от мистера Уэмисса. Если бы вы... замолвили за меня пару слов, сэр... Пожалуйста.

В конце концов даже Джейми сдался под напором этой простодушной мольбы.

– Я попытаюсь, – сказал он. – Но я ничего не обещаю, Бобби. Надолго ты останешься с нами перед возвращением к лорду Джону?

– Его светлость дали мне неделю на сватовство, сэр, – ответил Бобби гораздо веселее. – Но вы ведь сами, наверное, уезжаете на днях?

Джейми посмотрел на него удивленно.

– Уезжаю куда?

Бобби ответил ему не меньшим удивлением.

– Но... Я не знаю наверняка, сэр. Но думал, вы должны.

После дополнительных расспросов им удалось распутать дело. Как оказалось, по пути он встретил группу фермеров, которые гнали свиней на рынок. Принимая во внимание близкое соседство свиней-попутчиков, он не захотел оставаться с ними дольше одной ночи, но за ужином, в ходе беседы, он услышал, как они обсуждают некую встречу и тех, кто придет на нее.

– Они упоминали ваше имя, сэр, – «Джеймс Фрэзер», говорили они, и Ридж упоминали тоже, так что я был уверен, что они имеют в виду вас.

– И что это за встреча? – спросила я с любопытством. – Где она состоится?

Он беспомощно пожал плечами.

– Я не особенно прислушивался, мадам. Знаю только, что они говорили про следующий понедельник.

Он не помнил даже имен организаторов, потому что был слишком сконцентрирован на попытках закончить свой ужин, не обращая внимания на свиней. В настоящий момент он явно был слишком поглощен результатами своего неудачного сватовства, чтобы посвящать нас в детали, и после пары вопросов и путаных ответов Джейми его отпустил.

– У тебя есть идеи... – начала я, но потом увидела его сдвинутые брови – видимо, идеи у него были.

– Эта встреча для выбора делегатов в Континентальный конгресс, – сказал он. – Скорее всего она.

После барбекю Флоры Макдональд он слышал, что первоначальное время и место встречи отменяются – организаторы боялись вмешательства. Джон Эш сказал ему, что, как только они определятся с новым местом и временем, Джейми пошлют весточку. Но все это было до событий в Кросс-Крике.

– Думаю, записка могла затеряться, – сказала я, но это была слабая версия.

– Одна могла, – согласился он. – Но не шесть.

– Шесть?

– После долгого молчания я сам написал шестерым участникам Комитета корреспонденции, которых я знаю лично. Ни один мне не ответил. – Его негнувшийся палец один раз стукнул по ноге, но Джейми заметил это и остановился.

– Они тебе не доверяют, – сказала я после секундного молчания, и он покачал головой.

– Ничего удивительного... После того как я спас Симмса и искупал Форбса в дегте у всех на глазах. – Он не удержался – при воспоминании об этом по его лицу скользнула шаловливая улыбка. – И бедняга Бобби только усугубил дело, надо полагать. Он наверняка сказал, что переправляет корреспонденцию между мной и лордом Джоном.

Скорее всего, он был прав. Добродушный и болтливый, Бобби был способен хранить секреты, но только в том случае, если ему подробно объяснить, о чем именно надо молчать. В ином случае любой, кто делил с ним трапезу, знал о его делах абсолютно все еще до подачи пудинга.

– Ты можешь что-нибудь сделать, чтобы выяснить, где встреча?

Он обескураженно и шумно выдохнул.

– Ай, возможно. Но даже если я выясню и отправлюсь туда, есть вероятность, что они меня просто вышвырнут. Если не кое-что похуже. Я думаю, игра не стоит свеч. – Он посмотрел на меня с кислым выражением. – Похоже, я должен был позволить им поджарить издателя.

Я проигнорировала последнюю фразу и подошла к нему поближе.

– Ты что-нибудь придумаешь, – сказала я, пытаюсь его приободрить.

На столе стояла большая, наполовину сгоревшая свеча, и он коснулся ее. Казалось, никто не замечал, что ей не пользовались.

– Может быть... – сказал он задумчиво. – Я могу найти способ. Но мне претит брать еще один для этой цели.

Он имел в виду еще один камень. Я сглотнула комок в горле. Оставалось еще два. По одному на каждого, если Роджер или Бри и Джемми... но я решительно задушила эти мысли.

– Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?²⁹ – процитировала я. – Нет никакой пользы в том, чтобы владеть тайным богатством, если тебя могут обвалить в дегте и перьях. – Последняя мысль мне тоже не очень нравилась, но заглушить ее было не так просто.

Джейми посмотрел на свое предплечье – он закатал рукава, чтобы заняться корреспонденцией, бледнеющий след от ожога по-прежнему розовел среди выгоревших на солнце волос. Он вздохнул, обошел стол и взял перо из чернильницы.

– Ай. Пожалуй, стоит написать пару писем.

²⁹ Евангелие от Марка, 8:36.

Глава 60

Прибытие бледного всадника

Двадцатого сентября Роджер читал проповедь по цитате из Библии: «но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное». А двадцать первого сентября одна из этих «немощных» вещей вознамерилась подтвердить сказанное.

Патрик и Гортензия Макнилл вместе с детьми не пришли на службу. Они всегда приходили, и их отсутствие вызвало пересуды, так что на следующее утро Роджер попросил Брианну навестить их и проверить, не случилось ли чего.

– Я бы сходил сам, – сказал он, выскребая остатки каши со дна миски, – но я обещал съездить с Джоном Макэфи и его отцом в Браунсвилл. Он хочет сделать предложение девушке.

– Он берет тебя, чтобы ты сразу обручил их, если она согласится? – спросила я. – Или ты едешь, чтобы парня ненароком не убил один из Браунов?

С тех пор как тело Лайонела Брауна возвратили брату, с Браунами не было открытого конфликта, но то и дело происходили небольшие стычки, когда люди из Браунсвилля встречали мужчин из Риджа в округе.

– Последнее. – Роджер поморщился. – Хотя я питаю надежду, что пара браков между Риджем и Браунсвиллом могли бы со временем поправить дело.

Джейми, который читал газету из последней партии, поднял на него взгляд.

– Да? Отличная мысль. Но этот план не всегда работает как надо. – Он улыбнулся. – Мой дядя Колум выдал мою мать замуж за Гранта, чтобы улучшить отношения между кланами. К сожалению, – добавил он, перевернув страницу, – моя мать не разделяла его амбиций. Вместо этого она серьезно оскорбила Малкольма Гранта, пырнула ножом дядю Дугала и сбежала с моим отцом.

– Правда? – Брианна еще не слышала эту драматическую историю и зачарованно смотрела на отца. Роджер бросил на нее косой взгляд и кашлянул, на всякий случай забрав из рук у жены острый нож, которым она резала сосиски.

– Ну, будь что будет. – Роджер бодро встал из-за стола с ножом в руке. – Не забудь заглянуть к Патрику, если тебе не сложно, – нужно убедиться, что у них все в порядке.

В итоге мы с Лиззи присоединились к Брианне, чтобы заодно навестить Марсали и Фергуса, которые жили неподалеку от Макниллов. Мы встретили Марсали по пути, она возвращалась из солодовни. Таким образом, к хижине Макниллов мы подошли вчетвером.

– Откуда вдруг столько мух? – Лиззи хлопнула по большой навозной мухе, которая села ей на руку, затем отмахнулась еще от двух, кружившихся возле ее лица.

– Рядом кто-то умер. – Марсали приподняла лицо, принюхиваясь. – Наверное, в лесу. Слышите ворон?

Тут и правда были вороны. Они каркали в верхушках ближних деревьев... Посмотрев вверх, я увидела, что еще часть кружат над нами – черные точки на фоне ослепительного неба.

– Это не в лесу, – голос Бри внезапно изменился. Она смотрела на хижину. Дверь была плотно закрыта, и множество мух гудело, теснясь на поверхности обтянутого шкурой окна. – Скорее!

Запах в хижине стоял нечеловеческий. Я увидела, что у девушек перехватило дыхание, и они крепко сжали губы, когда мы распахнули дверь. К сожалению, это было необходимо, чтобы не задохнуться. Я старалась дышать часто и неглубоко, пока шла через темную комнату и срывала шкуру, которая закрывала окно.

– Оставьте дверь открытой, – сказала я, не обращая внимания на слабый стон со стороны кровати в ответ на резкий дневной свет. – Лиззи, разожги костер, чтобы было побольше дыма,

один около двери, другой у окна, с внешней стороны, – нам надо избавиться от насекомых. Начни с сухого хвороста и травы, а потом добавь что-нибудь влажное: древесину, мох, мокрые листья – чтобы было больше дыма.

Мухи заполонили хижину, как только я открыла окно, и носились вокруг моего лица: слепни, навозные мухи, комары. Привлеченные запахом, они долго ждали снаружи на теплых бревнах, ища вход, предвкушая пир, отчаянно надеясь найти местечко, чтобы отложить яйца.

За минуту комната стала гудящим адом, но без света и воздуха было не обойтись, с мухами придется разбираться по ходу дела. Я сняла свой платок и свернула пополам, используя в качестве импровизированной мухобойки, перед тем как наклониться к кровати. Там были Гортензия и двое ее детей. Все трое голые, их мертвенно-бледные конечности блестели влажным потом закупоренной хижины. В тех местах, куда падал солнечный свет, их тела отливали липкой белизной с красновато-коричневыми потеками в области ног. Я надеялась, что это была только диарея, не кровь...

Кто-то застонал; кто-то зашевелился. Живы, слава богу! Покрывала и простыни были сброшены на пол спутанной грудой. Это было удачей – по крайней мере, они остались чистыми. Я подумала, что нужно будет сжечь соломенный матрас, как только освободим его.

– Не суй руки в рот, – пробормотала я Бри, когда мы начали работать, разнимая спутанные тела.

– Да ты шутишь, – процедила она сквозь зубы, одновременно улыбаясь бледному ребенку лет пяти-шести, который лежал, скрючившись от очередного спазма диареи. Она просунула руки под мышки маленькой девочки. – Давай-ка мы тебя поднимем, милая.

Ребенок был слишком слаб, чтобы протестовать, руки и ноги безвольно повисли. Состояние ее сестры вызывало еще большую тревогу. Младенцу было не больше года, она совсем не двигалась – глаза глубоко запали. Симптом серьезного обезвоживания. Я взяла крошечную руку и мягко ущипнула большим и указательным пальцем. Крошечный пик сероватой кожи остался на мгновение, а потом начал медленно, медленно исчезать.

– Мать твою за ногу! – тихо пробормотала я себе под нос и быстро наклонилась, чтобы послушать ее грудь, положив на нее руку. Я различила слабый стук ее сердца – она была жива, пока жива. Если девочка слишком ослабела, чтобы сосать или пить, ее было уже не спасти.

Только подумав об этом, я поднялась на ноги, осматривая комнату. Воды не было: пустая выдолбленная тыква лежала на боку около кровати. Сколько времени они не пили?

– Бри, – мой голос звучал ровно, но настойчиво, – принеси воды – быстро!

Она положила старшую девочку на пол и пыталась вытереть ее тело какой-то тряпицей. Но, увидев выражение моего лица, она тут же бросила свое занятие и поднялась. Бри схватила чайник, который я сунула в ее руки, и исчезла. Я слышала топот ее быстрых шагов в палисаднике.

Мухи обосновывались на лице Гортензии; я махнула платком, чтобы отогнать их. Ткань скользнула по ее носу, но осунувшееся лицо едва дернулось. Она дышала; я видела, как слегка двигается ее вздутый живот.

Где же Патрик? Должно быть, на охоте...

Я уловила какой-то слабый запах за густым зловонием опорожненного кишечника и наклонилась, приняюхиваясь. Сладкий и кислый аромат брожения, как от сгнивших яблок. Я положила руку под плечо Гортензии и потянула, перекатив ее на бок. Под ней оказалась бутылка, пустая. Одной близости к горлышку было достаточно, чтобы я угадала ее содержимое.

– Твою мать, черт, черт, черт! – прошептала я себе под нос. Не в состоянии двигаться и не имея ни капли воды под рукой, она выпила яблочную водку, чтобы утолить жажду или, может, чтобы заглушить боль от спазмов. Это было логичным решением, если не знать об обезвоживающих качествах алкоголя. Он выжал из обезвоженного организма еще больше жидкости, не

говоря уже о дополнительном раздражении желудочно-кишечного тракта, в котором тот едва ли нуждался.

Черт возьми! Черт! Дала ли она это выпить детям?

Я наклонилась к старшему ребенку. Она была мягкой, как тряпичная кукла, голова клонилась к плечам, но тело казалось относительно упругим. При щипке кожа разглаживалась не сразу, но возвращалась к нормальному виду быстрее, чем у младенца.

Она открыла глаза, когда я ущипнула ее за руку. Это хороший знак. Я улыбнулась ей и махнула рукой, чтобы прогнать мух, кружащих возле ее полуоткрытого рта. Нежные розовые слизистые оболочки выглядели сухими и клейкими.

– Привет, милая... – сказала я ласково. – Ни о чем не волнуйся. Я рядом.

И чем это ей поможет? – задалась я вопросом. Проклятье! Если бы только я была здесь на день раньше!

Я услышала звук торопливых шагов и встретила Бри в дверях.

– Мне нужно... – начала я, но она перебила меня.

– Мистер Макнилл там, в лесу! – сказала она. – Я нашла его по пути к роднику. Он...

Чайник в ее руках был по-прежнему пустым. Я схватила его с криком досады.

– Вода! Мне нужна вода!

– Но я... Мистер Макнилл... он...

Я сунула чайник обратно ей в руки и протиснулась мимо нее.

– Я найду его, – сказала я. – Принеси воды! Напои их, сначала малыша! Пусть Лиззи поможет тебе – костры могут подождать! Поспешите!

Сначала я услышала мух, отвратительное жужжание, которое заставило меня покрыться мурашками. На открытом месте их быстро привлек запах. Я поспешно сделала большой глоток воздуха и пробралась через кусты папоротника туда, где лежал Патрик, упавший на траву под платаном. Он был жив. Я увидела это сразу: мухи были облаком, а не одеялом, – зависшие в воздухе, поблескивающие, моментально летающие с него, когда он дергался.

Он, свернувшись, лежал на земле в одной рубашке, кувшин для воды лежал рядом с его головой. Я опустилась рядом на колени, ощупывая и осматривая его. Его рубашка и ноги были испачканы, как и трава, где он лежал. Выделения в основном были жидкими – большая часть уже впиталась в почву, – но было немного твердого вещества. Он заболел уже после Гортензии и детей. Спазмы длились не так долго, иначе там была бы по большей части вода, окрашенная кровью.

– Патрик!

– Миссис Клэр, слава богу, вы пришли. – Его голос был таким хриплым, что я едва могла разобрать слова. – Мои дети... Вы спасете детей?

Он, дрожа, приподнялся на локте, из-за пота седые пряди прилипли к щекам. Патрик приоткрыл глаза, пытаясь посмотреть на меня, но они опухли от укусов слепней и больше напоминали две щелки.

– Я постараюсь. – Я положила ладонь на его руку и ободряюще сжала, чтобы вселить в него надежду. – Лежите, Патрик. Подождите немного, я вернусь к вам, как только позабочусь о них.

Он был очень болен, но его состояние пока не представляло опасности для жизни. А дети могли умереть.

– Забудьте обо мне... – пробормотал Патрик. – Я... это не важно... – Он покачнулся, сгоняя мух, которые ползали по лицу и груди, а затем застонал, корчась от спазма, скрутившего его живот, будто чья-то огромная рука зажала его в кулак.

Я уже бежала обратно к дому. На пыльной тропе виднелись капли воды – отлично, Брианна уже вернулась.

Амебная дизентерия? Пищевое отравление? Брюшной тиф? Сыпной тиф? Холера? Пожалуйста, Боже, только не холера. Все это и многое другое сейчас, по понятным причинам, называли просто кровавым поносом. Не то чтобы это имело особенное значение.

Непосредственной опасностью всех диарейных заболеваний было обычное обезвоживание. Стараясь изгнать микробов-захватчиков, раздражающих кишечник, желудочно-кишечный тракт начинает без остановки испражнять свое содержимое, оставляя организм без воды, необходимой для циркуляции крови, выведения отходов, для респирации, для поддержания работы мозга и слизистых – воды, необходимой для поддержания жизни.

В нормальной ситуации пациенту можно было вводить солевой раствор и глюкозу внутривенно, пока кишечник разбирается с инфекцией, и тогда шанс на выздоровление был велик. Без внутривенного вливания жидкость можно вводить только через рот или через прямую кишку, быстро, без остановки и в достаточном количестве. Если, конечно, больной мог удерживать ее внутри. А если не мог... У Макниллов, кажется, не было рвоты – по крайней мере, я не чувствовала этот специфический запах в хижине. Значит, это не холера. Хотя что-то...

Брианна сидела на полу со старшим ребенком, положив голову девочки к себе на колени и прижимая чашку к ее губам. Лиззи стояла на коленях у очага, ее лицо покраснело от напряжения, пока она разжигала огонь. Мухи опускались на неподвижное тело женщины на кровати. Марсали склонилась над изможденным младенцем у себя на коленях и отчаянно пыталась поднять ее, чтобы заставить пить. Пролитая вода оставляла мокрые полосы на ее юбке. Я видела, как крошечная голова падала обратно ей на колени, и вода текла вниз по вялой, ужасно впалой щеке.

– Она не может, – повторяла Марсали снова и снова, – она не может, она не может!

Игнорируя собственный совет о пальцах, я безжалостно сунула указательный палец в рот девочки, стимулируя рвотный рефлекс. Ребенок захлебнулся водой и закашлялся, но я почувствовала, как на мгновение язык настойчиво обернулся вокруг моего пальца. Она сосет. Ее все еще кормили грудью, сосание для младенца – это главный инстинкт. Я повернулась, чтобы посмотреть на женщину, но одного взгляда на ее плоскую грудь и впалые соски было достаточно, чтобы понять, что это не поможет. И все же... я схватила одну грудь и стала методично сжимать ее по направлению к соску. Ни капли молока не показалось на коричневатых сосках, молочная железа казалась дряблой. Нет воды – нет молока.

Марсали быстро сообразила, чего я хотела, тут же схватилась за воротник своей сорочки и разорвала его, прижав ребенка к своей обнаженной груди. Крохотные ножки безвольно упали на платье, пальцы ног казались помятыми и съезженными, как увядшие лепестки.

Я запрокинула голову Гортензии, вливая по капле воду в открытый рот. Краем глаза я видела, как Марсали ритмично сжимает свою грудь с одной стороны, чтобы ускорить ток молока, мои собственные пальцы двигались в такт ее движениям, массируя горло лежащей без сознания женщины, чтобы заставить ее глотать. Ее кожа была скользкой от пота – по большей части моего. Он стекал у меня по спине и между ягодиц. Я чувствовала его странный запах – металлический и горячий, похожий на теплую медь.

Горло дернулось от внезапной перистальтики, и я убрала руку. Гортензия подавилась и закашлялась, ее голова откинулась в сторону, а живот напрягся, решительно отправляя вверх свое скудное содержимое. Я вытерла рвоту с ее губ и снова прижала чашку ко рту. Губы не двигались; вода наполняла рот и текла вниз, по лицу и шее.

Перебивая гудение мух, у меня за спиной раздался голос Лиззи, спокойный, но отстраненный, как будто она говорила издалека.

– Вы можете прекратить ругаться, мэм? Дети вас слышат.

Я резко повернулась к ней, вдруг осознавая, что во время работы я повторяла «Мать твою, черт побери!» вслух, снова и снова.

– Да, – сказала я, – прости. – И снова повернулась к Гортензии.

Время от времени она проглатывала немного воды, но этого было недостаточно, учитывая, что ее внутренности до сих пор пытались избавиться от всего, что их беспокоит. Кровавый понос.

Лиззи начала молиться.

Лиззи молилась.

– Радуйся, Мария, полная благодати, Господь с тобою...

Брианна настойчиво бормотала себе под нос что-то по-матерински участливое.

– Блажен плод чрева твоего, Иисус...

Я положила большой палец на сонную артерию. Я чувствовала, как ее сердце дернулось, пропустило удар и продолжило биться резкими толчками, как тележка без одного колеса. Оно начинало давать осечки, нарушая ритм.

– Святая Мария, Матерь Божия...

Я ударила кулаком в центр ее груди, а затем еще и еще, так сильно, что кровать и бледное вытянутое тело тряслись под ударами. Потревоженные мухи, гудя, поднялись с мокрой соломы.

– О нет! – тихо сказала Марсали позади меня. – О нет, нет, пожалуйста.

Я раньше уже слышала этот тон неверия, протеста и отчаянной мольбы и поняла, что произошло.

– ...молись за нас, грешных...

Как будто услышав крик Марсали, Гортензия зашевелилась, ее голова внезапно упала набок, а глаза распахнулись, глядя в ту сторону, где сидела девушка, хотя мне показалось, что взгляд у нее был невидящий. Затем глаза ее закрылись и она внезапно согнулась пополам, подтянув ноги почти к подбородку. Ее шея выгнулась назад, тело сжалось в судороге, а потом она вдруг расслабилась. Она не позволит своему ребенку уйти в одиночестве. Чертов кровавый понос.

– ...сейчас и в час нашей смерти, аминь. Радуйся, Мария, благодати полная.

Тихий голос Лиззи продолжал машинально повторять слова молитвы, так же безотчетно, как я повторяла ругательства. Я держала Гортензию за руку, проверяя пульс, хотя необходимости в этом уже не было. Марсали горестно сжалась над крошечным телом, покачивая его на груди. Молоко закапало с набухшего соска, сначала медленно, потом все быстрее, падая, как белый дождь, на маленькое неподвижное личико в тщетной попытке напитать и помочь.

Воздух по-прежнему был удушающим, наполненным вонью, мухами и звуком молитв Лиззи, но хижина казалась пустой и удивительно тихой.

Снаружи слышалось шарканье, как будто что-то волочится по земле, мучительное бормотание и стоны от нечеловеческих усилий. Потом донесся мягкий звук падения и тяжелого хриплого дыхания. Патрик добрался до собственного порога. Брианна посмотрела на дверь, но она все еще держала на руках старшую девочку, по-прежнему живую.

Я осторожно положила безжизненную руку, которую держала, и пошла помочь.

Глава 61

Зловонная эпидемия

Дни становились короче, но солнце по-прежнему поднималось рано. Окна на фасаде дома выходили на восток, и утренние лучи сияли на выбеленных дубовых досках пола моей хирургической. Я наблюдала, как ослепительный поток света движется по обструганным доскам; если бы у меня был хороший хронометр, я могла бы разметить пол, как солнечные часы, поделив отрезки по минутам. Но пока что я отсчитывала минуты по ударам собственного сердца, дожидаясь, пока солнце достигнет стола, где в полной готовности стоял мой микроскоп, а рядом с ним лежали лабораторные стекла и мензурки.

Я услышала в коридоре мягкие шаги, и Джейми открыл плечом дверь, в обеих руках по чашке, обернутой лоскутом ткани, чтобы не обжечься.

– *Ciamar a tha thu, mo chridhe?*³⁰ – спросил он нежно и подал мне одну чашку, прижавшись губами к моему лбу. – Как обстоят дела?

– Могло быть хуже. – Я благодарно улыбнулась ему, но улыбку прервал зевок.

Мне не нужно было упоминать, что Патрик и его старшая дочь живы, – он тут же узнал бы по моему лицу, если бы случилось что-то плохое. Если не случится никаких неожиданных осложнений, то, по моим прогнозам, оба должны были выздороветь. Я пробыла с ними всю ночь, поднимая обоих каждый час, чтобы они по очереди пили медовую воду с солью и отвар мяты с кизиловой корой, который должен был успокоить кишечник.

Я подняла чашку и закрыла глаза, вдыхая свежий горьковатый запах, – отвар лебеды. Мышцы спины и шеи начали расслабляться, предвкушая удовольствие. Заметив, как я покачала головой, снимая напряжение с шеи, Джейми положил теплую от чая руку под основание моего черепа. Я не смогла сдержать стона удовольствия от этого прикосновения, и он низко засмеялся, массируя мои затекшие мышцы.

– Тебе не пора в постель, саксоночка? Ты не спала всю ночь.

– О, я спала... чуть-чуть. – Мне удалось немного подремать у открытого окна, хотя время от времени меня будили мотыльки, привлеченные светом свечи. На рассвете пришла миссис Баг, свежая и от души накрахмаленная, готовая сменить меня на посту медсестры.

– Я скоро лягу, – пообещала я. – Хотела сначала быстро посмотреть. – Я неопределенно махнула рукой в сторону микроскопа, стоящего на столе в полной боевой готовности. Рядом с ним стояли несколько маленьких стеклянных бутылочек с коричневатой жидкостью, заткнутых свернутыми кусочками ткани. Джейми нахмурился, глядя на них.

– Посмотреть? На что? – спросил он и поднял свой длинный прямой нос, подозрительно приплюсываясь. – Это что, дерьмо?

– Да, – ответила я, не пытаясь сдержать широкий зевок. Я взяла образцы стула, как можно более незаметно, у Гортензии и ее младшей дочери и у моих живых пациентов. Джейми пристально посмотрел на бутылочки.

– Что именно ты ожидаешь там найти? – поинтересовался он осторожно.

– Не знаю, – честно призналась я. – На самом деле, я могу ничего не найти. Или найду то, что не распознаю. Но есть вероятность, что Макниллы заболели от амебы или бактерии... Амебу я распознаю, они крупные. Относительно, – добавила я поспешно.

– О, ай? – Он сдвинул медные брови. – И зачем это тебе?

Это был хороший вопрос.

³⁰ Как ты, моя дорогая? (гэльск.)

– Ну, отчасти из любопытства, – признала я. – Но, если я узнаю микроорганизм, который вызвал болезнь, у меня будет больше информации – например, сколько она длится, есть ли осложнения, на которые нужно обратить внимание. Насколько она заразная.

Глядя на меня, он замер с чашкой, наполовину поднятой ко рту.

– Ты можешь этим заразиться?

– Не знаю, – призналась я. – Скорее всего, да. Меня вакцинировали от сыпного и брюшного тифа, но эта штука на них не похожа. А от дизентерии и кишечной лямблии вакцины нет.

Брови Джейми сдвинулись еще плотнее и остались в таком положении, пока он пил чай. Его пальцы сжались у меня на шее в последний раз, и он убрал руку.

Я осторожно прихлебывала собственный чай и удовлетворенно вздыхала, ощущая, как горячая жидкость катится по горлу и опускается в желудок уютным грузом. Джейми присел на стул, вытянув длинные ноги, и посмотрел на дымящуюся чашку у себя в ладонях.

– Как считаешь, саксоночка, чай горячий?

В ответ я приподняла брови. Обе чашки по-прежнему были обернуты тканью. И я чувствовала живой жар кожей ладоней.

– Да. Почему ты спрашиваешь?

Он поднял чашку, набрал в рот чая и немного подержал его там перед тем, как сделать глоток. Я видела, как задвигались мышцы у него на горле.

– Пока я делал чай, на кухню зашла Брианна, – сказал он. – Она взяла таз и кусок мыла, потом набрала черпаком горячей воды из чайника и вылила на руки – сначала на одну, потом на вторую. – Он остановился на мгновение. – Я снял кипящую воду с огня за пару секунд до этого.

Глоток чая пошел не в то горло, и я закашлялась.

– Она обожглась? – спросила я, откашлявшись.

– Да, – мрачно ответил он. – Она жестко отскребла все от локтей до кончиков пальцев, и я видел волдырь в том месте, куда упала вода. – Он замолчал, и я встретила его взгляд поверх своей чашки, голубые глаза потемнели от тревоги.

Я глотнула еще своего чая без меда. Комната была прохладной в этот рассветный час, и от моего дыхания в воздух поднимались облачка пара.

– Дочь Патрика умерла у Марсали на руках, – тихо сказала я. – Брианна держала вторую девочку. Она знает, что болезнь заразная.

И, зная это, она не могла позволить себе коснуться собственного ребенка, прежде чем сделает все возможное, чтобы смыть свой страх.

Джейми беспокойно подвинулся на стуле.

– Ай, – начал он, – и все же...

– Это... по-другому, – сказала я и положила руку на его запястье, чтобы успокоить и успокоиться самой.

Прозрачная утренняя прохлада окутывала тело и разум, размыкая мягкие объятия ночных грез. Трава и деревья были по-прежнему укрыты холодным рассветным сиянием, загадочные, окутанные голубыми тенями, и Джейми, стоящий в неверном утреннем свете, казался почти столпом мира.

– По-другому, – повторила я. – Для нее по-другому.

Я вдохнула сладкий утренний воздух, пахнувший мокрой травой и свежестью.

– Я родилась в конце войны – Великой Войны, как они ее назовут, потому что мир еще не видел такого. Я тебе рассказывала о ней³¹. – Я говорила с вопросительной интонацией, и он кивнул, внимательно слушая и не отводя от меня глаз.

³¹ Речь идет о Первой мировой войне, длившейся с 1914 по 1918 год.

– Через год после моего рождения началась эпидемия «испанки»³². По всему миру. Люди умирали сотнями и тысячами, за неделю могли исчезнуть целые деревни. А потом пришла вторая война, моя война.

Я говорила, почти не думая, и, услышав слова собственной речи, вдруг иронично изогнула губы. Джейми увидел это, и легкая улыбка коснулась его собственных губ. Он знал, чему я улыбаюсь: странной гордости, которая приходит, если человеку случилось пережить ужасный конфликт. Он награждает выживших причудливым чувством обладания. Он развернул запястье и обхватил пальцами мою ладонь.

– А она никогда не видела ни чумы, ни войны, – сказал он, начиная понимать. – Никогда? – В его голосе звучало что-то странное. Озадаченность мужчины, рожденного воином, обученного драться с пеленок, возвращенного на идею о том, что он обязан – и будет – защищать себя и свою семью огнем и мечом. Это была хорошая озадаченность.

– Только на картинках. В кино, например. На телевидении. – Одного он никогда не поймет. И я не смогу объяснить. Не смогу объяснить, что это были за картинки, на чем они фокусировались: бомбы, самолеты, подлодки, душераздирающая потребность намеренно проливать кровь, благородство в смерти.

Он знал, что такое настоящее поле битвы и что происходит, когда битва заканчивается.

– Мужчины, которые воевали в тех войнах, и женщины тоже – большинство из них – умерли не от чьей-то руки. Они умерли вот так. – Я приподняла свою чашку в сторону открытого окна, в сторону мирных гор и отдаленной лощины, где, скрытая среди деревьев, стояла хижина Патрика Макнилла. – Они умирали от болезней и одиночества, потому что не было никакой возможности им помочь.

– Я видел подобное, – сказал он мягко, искоса поглядев на бутылочки с образцами. – Чума и малярия свирепствовали в городе, половина полка умерла от дизентерии.

– Да, конечно.

Бабочки поднимались среди цветов в палисаднике – белые капустницы и желтушки, то и дело из тени леса выплывали поздние парусники. Мой палец по-прежнему лежал у Джейми на запястье, отмеряя его пульс – сильный и размеренный.

– Брианна родилась через семь лет после того, как пенициллин стал общедоступным. Она родилась в Америке, не в этой Америке, – я кивнула в сторону окна, – а в той, которая однажды наступит. В той Америке редко случается такое, чтобы много людей умирали от заразной болезни. – Я посмотрела на него. Свет дошел ему до талии и блестел на металле его чашки.

– Ты помнишь, кто был первым человеком, который умер на твоей памяти?

Его лицо на секунду приняло отсутствующее выражение, но потом заострилось – он задумался.

– Смерть моего брата стала важным событием, но я наверняка знал других до него.

– Я тоже не помню.

Конечно, мои родители, эта потеря была личной, но, родившись в Англии, я жила в тени кенотафов и мемориалов, и люди за пределами моей собственной семьи умирали не так уж редко. Я внезапно живо вспомнила, как мой отец надевает фетровую шляпу и темное пальто, чтобы идти на похороны жены пекаря. Миссис Бриггс ее звали. Но она не была первой: я тогда уже знала о смерти и похоронах. Сколько мне тогда было? Четыре, наверное?

Я очень устала. Мои глаза были как наждачка от недостатка сна, а мягкий утренний свет переходил в жгучие солнечные лучи.

– Думаю, смерть Фрэнка стала первой смертью, которую Брианна испытала лично. Может, были и другие – я не уверена. Но дело в том...

³² Испанский грипп, или «испанка», был самой массовой пандемией гриппа за всю историю человечества, как по числу заразившихся, так и умерших. В 1918–1919 годах во всем мире «испанкой» было заражено около 550 млн человек.

– Я понял, в чем дело. – Джейми вытянул руку, чтобы забрать у меня пустую чашку. Он поставил ее на стол, потом опорожнил свою и поставил ее рядом.

– Но она боится не за себя, ай? – спросил он, настойчиво глядя на меня. – За малыша.

Я кивнула. Конечно, она знала в теории, если можно так выразиться, что подобные вещи возможны. Но увидеть, как ребенок умирает на твоих глазах от чего-то настолько простого, как диарея...

– Она хорошая мать, – сказала я и внезапно зевнула. Так и было. Но до вчерашнего дня мысль о том, что нечто настолько ничтожное, как бактерия, может унести жизнь ее ребенка, не осеняла ее с такой силой.

Джейми резко встал и потянул меня за собой.

– Иди-ка в постель, саксоночка. Это подождет. – Он кивнул на микроскоп. – Никогда не слышал, чтобы дерьмо портилось.

Я засмеялась, прижалась щекой к его груди и обмякла, прислонившись к нему.

– Может, ты и прав.

Я не отодвинулась от него. Он обнял меня, и мы вместе стали наблюдать за восходящим солнцем, чьи лучи медленно ползли по стене.

Глава 62

Амеба

Я повернула зеркало микроскопа на дюйм, чтобы поймать максимум света.

– Вот так. – Я отступила назад, подталкивая Мальву посмотреть. – Видишь? Большая прозрачная штуковина посередине, похожая на лепесток, с маленькими крапинками внутри.

Она нахмурилась, сосредоточенно глядя в окуляр и зажмурив один глаз, и через пару секунд триумфально вдохнула.

– Я вижу! Как смородиновый пудинг, который уронили на пол, да?

– Это она, – ответила я, улыбаясь ее описанию, несмотря на серьезность нашего расследования. – Это амеба – один из самых больших микроорганизмов. И я подозреваю, что это и есть наш злодей.

Мы смотрели на лабораторные стекла с образцами стула больных – инфекция не ограничилась семьей Патрика. Всего было три семьи, в каждой по крайней мере по одному заболевшему кровавым поносом, – и во всех образцах я находила эту неведомую амебу.

– В самом деле? – Мальва оглянулась на меня, когда я заговорила, но потом сразу вернулась к окуляру, зачарованная увиденным. – Как это нечто настолько крохотное может вызвать такой беспорядок в целом человеке, который намного больше?

– Ну, тому есть объяснение, – сказала я, опуская новое стеклышко в ванночку с красителем и устанавливая его для просушки. – Но чтобы рассказать тебе все о клетках, мне понадобится время – помнишь, я показывала тебе клетки из твоего рта?

Она кивнула, немного нахмурившись и проведя языком по щеке изнутри.

– Тело производит самые разные виды клеток, и есть специальные клетки, которые должны бороться с бактериями – маленькие круглые штучки, помнишь их? – Я махнула на стеклышко с образцом стула, который, в свою очередь, содержал большое количество разных кишечных палочек. – Но бактерий миллионы, и иногда встречаются такие микроорганизмы, с которыми клетки-защитники не справляются. Например, плазмодии, как в крови у Лиззи. – Я кивнула на закупоренную бутылочку на столе – я взяла кровь у Лиззи всего день или два назад и показала малярийных паразитов Мальве. – И я думаю, что наша амеба как раз из таких.

– О! Значит, нам нужно дать больным пенициллин? – Я слегка улыбнулась воодушевленному «нам», хотя в целом улыбаться было нечему.

– Боюсь, пенициллин неэффективен против амебной дизентерии – так называется очень тяжелый понос, дизентерия. Нам придется обойтись травами, больше в нашем распоряжении ничего нет. – Я открыла буфет и задумчиво пробежалась глазами по бутылочкам и травам, завернутым в марлю. – Для начала полынь. – Я взяла баночку и подала ее Мальве, которая подошла ко мне и с интересом заглядывала в потайные глубины шкафа. – Чеснок – он хорош почти для всех заболеваний пищеварительной системы, к тому же неплохо помогает в качестве примочек при кожных болезнях.

– А как насчет лука? Когда я была маленькой и у меня болели уши, моя бабушка пропахивала луковичу и клала мне в ухо. Пахло ужасно, но помогало!

– Хуже точно не будет. Беги в кладовую и принеси... три больших луковичы и пару головок чеснока.

– О, я мигом, мэм! – Она опустила полынь и кинулась к выходу, сандалии зашлепали по коридору.

Я вернулась к полкам, пытаясь успокоиться. Я разрывалась между желанием ухаживать за больными и необходимостью делать лекарства, которые могут им помочь. Нужно было сосредоточиться на том, что уходом могут заниматься и другие, а вот сделать антипаразитическое средство не сможет никто, кроме меня.

Я разрывалась между обязанностью находиться с больными, выхаживая их, и необходимостью готовить лекарства, которые могут им помочь. Но ухаживать за больными мог кто угодно, а, кроме меня, никто не знал достаточно, чтобы попытаться изготовить противопаразитарное средство.

Полынь, чеснок, репей. И горечавка. Нужно что-нибудь с очень высоким содержанием меди или серы – ох, ревень! Сезон для него уже прошел, но я собрала неплохой урожай и припасла несколько десятков бутылок с уваренной мякотью и сиропом – миссис Баг любила использовать ревень для пирогов, к тому же он был источником витамина С в зимние месяцы. Ну что ж, неплохая основа для лекарства. Добавить немного ржавого вяза, он успокаивает кишечник – хотя его действие и может остаться незамеченным на фоне такой свирепой заразы.

Я принялась толочь в ступке полынь и репей, тем временем размышляя, откуда, черт возьми, пришла эта гадость. Амебная дизентерия характерна для тропиков, хотя, видит Бог, я видела довольно тропических болезней на побережье – их завозили из Ост-Индии рабы и торговцы сахарным тростником. Просачивались они и в глубь материка, потому что те болезни, которые не убивали сразу, становились хроническими и кочевали с места на место вместе со своей жертвой.

Не исключено, что кто-то из рыбаков заразился по пути с побережья, оказавшись при этом счастливым, испытавшим лишь легкую форму инфекции, но теперь стал носить в своем кишечнике просветную форму амебиаза, разбрасывая заразные цисты направо и налево.

Какова причина этой внезапной вспышки? Дизентерия почти всегда распространяется через загрязненную пищу или воду. Что...

– Вот, мэм. – Мальва, запыхавшаяся от бега, несла в руках несколько крупных коричневых луковиц, скрипящих и блестящих, десяток головок чеснока, лежали в ее подвязанном переднике. Я наказала ей порезать их, осененная внезапным вдохновением, попросила протомить в меду. Я не была уверена, сработают ли антибактериальные свойства меда против амебы, но он, безусловно, не повредит, может быть, даже улучшит вкус смеси, которая, имея в составе лук, чеснок и ревень, обещала неповторимые ощущения.

– Фу! Чего это вы тут делаете? – Я подняла голову от ступки и увидела в дверях Брианну, которая сморщила нос и с подозрением заглядывала в комнату.

– О, ну... – Я уже принялась, но в реальности воздух хирургической наполнял запах фекальных образцов, теперь приправленный луковыми парами.

Мальва посмотрела на Брианну слезящимися глазами и шмыгнула носом, вытирая его передником.

– Бы делаеб лекагство, – сообщила она Брианне с достоинством.

– Еще кто-то заболел? – спросила я беспокойно, но она покачала головой и осторожно зашла внутрь, брезгливо обходя стойку с лабораторными стеклами.

– Нет, по крайней мере, я не слышала. Я отнесла еду Маклахлин сегодня утром, они сказали, что болеют только двое младших. Миссис Коинах сказала, что у нее была диарея пару дней назад, но она уже поправилась.

– Они дают детям медовую воду?

Она кивнула, и между ее бровей залегла морщинка.

– Я их видела, они не выглядят здоровыми, но Макниллы с ними и рядом не стояли. – От воспоминания она поменялась в лице, но быстро пришла в себя и повернулась к верхнему шкафу.

– Я одолжу немного серной кислоты, мама? – Она принесла с собой глиняную чашку, и эта картина заставила меня рассмеяться.

– Нормальные люди приходят одолжить чашку сахара, – сказала я ей, кивая на посудину в ее руке. – Конечно, бери. Но будь осторожна, лучше налей в одну из бутылок с воцеленными пробками. Вряд ли ты хочешь перевернуть чашку и разлить кислоту по пути.

– Точно не хочу, – заверила она меня. – Но мне нужно всего пару капель, я планирую сильно ее разбавить. Я делаю бумагу.

– Бумагу? – Мальва моргнула покрасневшими глазами и шмыгнула носом. – Как?

– Ну, сначала разминаешь вместе все, что содержит волокна, любые мелочи, – начала объяснять Бри, сжимая и разжимая в иллюстрации обе ладони. – Старые кусочки использованной бумаги, ветошь, клочки одежды, нитки, пряжу, мягкие листья и цветы. Затем замачиваешь эту смесь дни напролет в воде и разбавленной серной кислоте, если она у тебя есть, конечно. – Она любовно постучала длинным пальцем по квадратной бутылке. – Как только смесь превратится в нечто вроде однородной мягкости, нужно намазывать ее тонким слоем на рамки, выжать лишнюю воду и высушить – вуаля, бумага готова!

Я видела, как Мальва беззвучно повторила «вуаля», копируя Бри, и немного отвернулась, чтобы она не увидела моей улыбки. Брианна вытащила пробку из квадратной бутылки с кислотой и очень осторожно налила пару капель в чашку. Горячий запах серы тут же разлился в воздухе операционной, как освобожденный демон, перебивая вонь от фекалий и лука.

Мальва замерла с широко раскрытыми и по-прежнему слезящимися глазами.

– Что это? – спросила она.

– Купоросное масло, – сказала я. – Ты эээ... тебе знаком этот запах?

Она кивнула, опустила порезанный лук в кастрюлю и осторожно накрыла крышкой.

– Ай, знаком. – Она подошла посмотреть на зеленую бутылку, по пути вытирая кулаком мокрые глаза. – У моей матери – она умерла, когда я была маленькой, – у нее была эта штука-вина. Я помню запах и как она говорила никогда ее не трогать. Сера, люди зовут этот запах серным духом.

– Вот как? Интересно, для чего она использовала ее.

Мне действительно было интересно и одновременно неловко. Серная кислота могла быть в запасах у алхимика или аптекаря; единственной причиной, приходящей мне в голову, по которой ее мог иметь обычный человек, – агрессия; кислотой могли плескаться во врагов.

Но Мальва только покачала молча головой и отвернулась, возвращаясь к луку и чесноку. Я успела уловить выражение ее лица – необычная смесь враждебности и тоски, которая неожиданно чем-то отозвалась во мне. Тоска по давно ушедшей матери и гнев брошенной маленькой девочки, одинокой и сбитой с толку.

– Что такое? – Брианна, нахмурившись, разглядывала мое лицо. – Что случилось?

– Ничего, – ответила я и положила ладонь ей на плечо, просто чтобы ощутить силу и радость от ее присутствия, от тех лет, что она провела, взрослея. Слезы затуманили мой взор, но их можно было списать на лук. – Все хорошо.

* * *

Я ужасно устала от похорон. Это были уже третьи за пару дней. Мы похоронили Гортензию с дочерью, потом старую миссис Огилви. Сегодня это был еще один ребенок, один из близнецов Макафи. Второй ребенок, мальчик, стоял рядом с могилой сестры, шокированный ее смертью настолько, что сам выглядел как призрак, хотя болезнь его не коснулась.

Церемония задержалась – гроб не был готов вовремя, – и вокруг нас начали сгущаться ночные тени. Золото осенних листьев померкло до оттенков пепла, вокруг влажных еловых стволов вился белый туман. Сложно было представить сцену более удручающую, и все же она казалась куда уместней, чем яркое солнце и свежий ветер в тот день, когда мы хоронили Гортензию и маленькую Анжелику.

– Господь – пастырь мой. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня... – Голос Роджера болезненно надломился, но никто, казалось, этого не заметил. Мгновение он боролся с собой, с трудом сглатывая, затем надтреснуто продолжил. Он держал в руках маленькую зеленую Библию, но читал по памяти, не глядя в текст. Его глаза перебежали с фигуры одиноко стоящего мистера Макдуфа – его жена и сестра обе заболели – на маленького мальчика рядом с ним, который был примерно одного возраста с Джейми. – Если я пойду... и долиною смертной тени... не убоюсь зла. – Его голос заметно дрожал, и я видела, как по его лицу катятся слезы. Я поискала Бри, она стояла чуть позади плакальщиц, наполовину укрыв Джема в складках темного плаща. На ней был капюшон, но лицо оставалось видимым – бледное пятно в темноте, как лик скорбящей девы Марии.

Даже красный мундир майора Макдональда потерял свои краски и стал угольно-серым в скудном уходящем свете. Он приехал в полдень и помог закончить маленький гроб. Теперь этот бывалый солдат стоял, мрачно зажав шляпу под мышкой и понутив голову в парике, так что лица было не видно. У него тоже был ребенок – дочка, которая жила с матерью где-то в Шотландии.

Я покачулась и ощутила руку Джейми под своим локтем. Я почти не спала и не ела последние три дня, но не чувствовала ни голода, ни усталости. Я ощущала себе отстраненно, как будто все происходило во сне, как будто ветер дул прямо сквозь меня.

Отец издал крик безутешного горя и неожиданно осел на кучу земли, которая лежала рядом с могилой. Я почувствовала, как мускулы Джейми сократились, и он подался вперед в инстинктивном акте сострадания; я отстранилась немного и пробормотала ему: «Иди». Джейми быстро подошел к Макафи, наклонился, чтобы шепотом ободрить его, и положил руку ему на плечо.

Мысли меня не слушались – как бы я ни старалась сосредоточиться на происходящем, они как будто расплзались в разные стороны. Руки болели: я измельчала травы, тягала больных, носила воду... Мне казалось, как будто я бесконечно повторяю одно и то же, снова и снова, – я ощущала ритмичный стук пестика в ступке, мертвый вес бесчувственных тел. Воспоминания о стеклах с амебой словно ожили – она плыла у меня перед глазами, ложноножки жадно шевелились в замедленном действии в поисках жертвы. Вода, я слышала шум бегущей воды; она жила в воде, хотя она была заразной только в форме цист. Она передается через воду. Эта мысль пришла ко мне очень ясно.

А потом я оказалась на земле, не в состоянии вспомнить, что когда-то стояла на ногах. В нос бил запах свежей влажной земли и свежего влажного дерева, принося с собой смутные мысли о червях. Перед моими глазами что-то задвигалось – маленькая зеленая Библия упала и теперь лежала перед моим лицом, а ветер переворачивал страницы одну за одной в призрачной игре *Sortes Virgilianae*³³. Где же он остановится, подумалось мне смутно.

Потом были руки и голоса, но мне было не до них. Огромная амеба царственно плыла во тьме передо мной, плавно двигая ложноножками в приветственном объятии.

³³ Знаменитые «*Sortes Virgilianae*» – «Прорицания Вергилия» – использовались для гадания по смыслу наудачу выбранного места из текста.

Глава 63

Выбор

Лихорадка бушевала во мне подобно шторму, острые вилки молний пронзали тело ослепительной болью, каждая замирала на мгновение, сияя рядом с нервом или сплетением, освещая потайные уголки суставов и сжигая волокна мышц. Безжалостные вспышки ударили снова и снова, будто огненный меч карающего ангела, что не знал пощады.

Я редко осознавала, закрыты мои глаза или открыты, сплю я или бодрствую. Я не видела ничего, кроме подвижной серой массы, беспокойной и пронзаемой красными всполохами. Краснота пульсировала в венах, укрытая облаком. Я ухватила за алую вену и последовала за ней, цепляясь за мерцание ее замедленного тока посреди оглушительного грохота. Грохот становился громче, по мере того как я проникала все глубже и глубже в черноту, бурлящую вокруг, он становился навязчивым и монотонным, как бой барабана, так что в ушах звенело, и я ощущала себя пустотелой, будто туго натянутой, вибрируя от каждого нового удара.

Источник стука был прямо передо мной, пульсируя так громко, что мне захотелось закричать, только чтобы услышать какой-нибудь другой звук, но несмотря на то, что губы раскрылись, а горло напряглось от усилия, я не слышала ничего, кроме барабанного боя. В отчаянии я вытянула руки – если это были мои руки – вперед, в серый туман, и схватила какой-то теплый, влажный и очень скользкий предмет, который бился, сокращаясь у меня в ладонях.

Я посмотрела на свои руки и мгновенно поняла, что это мое сердце. В ужасе я уронила его, и оно поползло прочь, оставляя за собой след красноватой слизи и содрогаясь от усилий. Клапаны открывались и закрывались, как рты выброшенных на сушу рыб, каждый открывался с глухим щелчком и захлопывался с влажным мясистым шлепком.

Иногда в облаках появлялись лица. Некоторые казались знакомыми, хотя я не могла припомнить имен. Другие были чужими, едва различимыми, как образы, бегущие на краю сознания перед погружением в сон. Эти смотрели на меня с любопытством или безразличием и исчезали. Те, что я знала, выражали сострадание или тревогу; они постоянно пытались поймать мой взгляд, но мои глаза виновато ускользали прочь, в головокружительную даль, не в силах сфокусироваться. Их губы двигались, и я знала, что они говорят со мной, но ничего не слышала – их слова тонули в безмолвном грохоте моего шторма.

* * *

Я чувствовала себя странно, но впервые за много дней относительно здоровой. Лихорадочные тучи отступили назад, и, хотя до меня по-прежнему доносились близкие раскаты грома, на мгновение они исчезли из вида. Мое зрение пришло в норму – я ясно видела необработанное дерево потолочных балок. На самом деле, я видела дерево с такой ясностью, что испытывала трепет от его красоты. Линии и узоры обструганной древесины казались одновременно неподвижными и живыми, ее оттенки шептали о дыме и о земле, так что я видела рукотворную природу балки и одновременно ее лесной дух.

Я была так зачарована этим зрелищем, что вытянула руку, чтобы коснуться дерева, и преуспела. Мои пальцы коснулись прохладной поверхности, и я с наслаждением ощутила ребристые зарубки от топора, частые и по форме напоминающие крылья, как будто косяк гусей летел по балке. Я слышала хлопанье сильных крыльев и одновременно ощущала напряжение мышц и движение собственных плеч, радостную вибрацию в руках с каждым ударом топора по дереву. Пока я обдумывала свои необычные ощущения, мне вдруг пришло в голову, что балка была в восьми футах над кроватью.

Я обернулась, не прилагая к этому никаких физических усилий, и увидела, что лежу на кровати внизу. Я лежала на спине, простыни были измяты и сбиты в кучу, как будто я пыталась сбросить их, но мне не хватило сил. Воздух в комнате казался странно неподвижным, и цветные квадраты на одеяле горели сквозь него, будто драгоценные камни на океанском дне, глубоким, но приглушенным цветом.

Моя кожа, напротив, цветом напоминала жемчуг, бескровно бледная и перламутровая. Причиной тому, как я скоро осознала, была невероятная худоба – кожа так туго обтянула кости, что они виднелись сквозь нее, придавая ей особое свечение. Гладкая твердость, сияющая сквозь прозрачную кожу. Но что это были за кости! Тайна их причудливых форм наполняла меня благоговением. Я с религиозным трепетом обводила глазами арки изящно изогнутых ребер, точеный череп немыслимой красоты.

Волосы свалились и запутались... и все же я ощущала их притяжение, обводила завитки глазами и... пальцами? Я не чувствовала передвижений в пространстве и тем не менее чувствовала мягкость прядей, прохладный шелк каштана и живую вибрацию серебра, слышала легкий шелест их переплетений, как будто кто-то перебирал струны арфы.

– О Господи, – сказала я и услышала собственные слова, хотя звук не потревожил неподвижного воздуха. – Какая ты красивая!

Мои глаза были открыты. Я заглянула в них и встретила взгляд из янтаря и мягкого золота. Глаза смотрели сквозь меня на что-то далекое и все же видели и меня тоже. Я заметила, как зрачки еле заметно сузились, и почувствовала их темную теплоту – они окутали меня узнаванием и принятием. Да, говорили это знающие глаза. Я узнаю тебя. Позволь нам уйти. Я ощутила глубокое умиротворение, и воздух вокруг задвигался, как будто ветер распушил перья. Но затем какой-то звук притянул мой взгляд к окну, и я увидела там мужчину. Я не знала его имени, но знала, что люблю его. Он стоял спиной к кровати, уперев руки в подоконник и уронив голову на грудь, закатный свет горел медью в его волосах и окрашивал руки золотом. Горестный спазм сотряс его – я почувствовала его, как будто отголоски далекого землетрясения.

Кто-то задвигался рядом с ним. Темноволосая женщина, девушка. Она подошла очень близко и коснулась его спины, что-то прошептав. Я видела, как она смотрит на него, нежность в наклоне ее головы, желание в ее позе.

Нет, подумала я, так не пойдет.

Я еще раз посмотрела на себя, лежащую на кровати, и с чувством, в котором смешались твердая решимость и сожаление, сделала глубокий вдох.

Глава 64

Я есмь воскресение

Я по-прежнему подолгу спала, просыпаясь только чтобы подкрепиться. Лихорадочные кошмары прошли, и сон был подобен погружению в озеро черноты, где я вдыхала забытие и плыла сквозь качающиеся водоросли, бездумная, как рыба.

Иногда я проплывала близко к поверхности, замечая людей и предметы в воздушном мире, но неспособная к ним присоединиться. Вокруг меня звучали голоса, приглушенные и бессмысленные. То и дело случайная фраза проникала через прозрачную жидкость вокруг меня и оказывалась в моей голове, висая, как крохотная медуза, – круглая и прозрачная, пульсирующая каким-то мистическим тайным значением; слова плыли, как потерянная рыболовная сеть. Каждое предложение висело какое-то время передо мной, сворачиваясь и разворачиваясь в причудливом ритме, а потом поднималось вверх, оставляя после себя тишину. Между маленькими медузами были большие пространства чистой воды, некоторые наполнены сияющим светом, другие темнотой внутреннего покоя. Я то всплывала выше, то опускалась ниже, заключенная между поверхностью и глубинами, двигаясь по прихоти неведомых течений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.